

Рехамл: Книга о переходе в разные состояния

Иногда сны сбываются. Со мной так было много раз. Они предупреждали меня об опасностях, и я делал правильный выбор чтобы их избежать. Я чувствую, как будто вся моя жизнь мне уже снилась. Это как чувство дежавю, но не совсем. Дежавю создает иллюзию памяти. А когда в такие моменты действительно вспоминается сон, который снился несколько недель назад, слово дежавю уже не подходит. Это мир просвечивает. Становятся видны пути по которым движется жизнь, цепочки событий, варианты.

Складывается впечатление, что все предрешено, хотя это и не так. Будущее как переливающийся калейдоскоп, а следующую фигуру определяет состояние смотрящего. Мир — это бесконечный фрактал, несчетное количество слоев вложенных друг в друга. И в одном из таких слоев, пушистый розовый Заяц поднимается по лестничному пролету и становится перед дверью в кабинет.

На табличке написано: «Психоаналитик — доктор Крыса». Мягкая лапа глухо постучала и распахнула дверь. Заяц переступил через порог и посмотрел на доктора. Белая крыса, облокотившись на свой стол, приспустила очки когтистыми пальцами и сделала приглашающий жест:

— Здравствуйте, входите, что у вас?

Заяц прошел в кабинет, сел на коричневый кожаный диван и заговорил:

— Мне снится один и тот же сон. Уже больше полугода. Все чаще и чаще.

Она взяла со стола блокнот с ручкой и начала задавать вопросы:

— Сюжет сна повторяется?

— Начал повторяться недавно, но не сразу. Раньше мне долго снилась история одного предмета, это книга.

— Ага, — доктор записала что-то в блокнот. — Вы читали ее?

— Нет, я не могу. Не знаю языка.

Крыса снова сделала пометку:

— Расскажите мне, что за история?

— Слишком долго, да я и не помню всего, только некоторые образы мест и владельцев. Если в общем, то это путь книги из рук в руки. Последний владелец, который мне снился, жил в девятнадцатом веке. А время написания я определить не могу. Она очень старая. Иногда я вижу себя владельцем, а иногда наблюдаю со стороны. В такие моменты голос за кадром описывает происходящее, но я забываю все что он говорит.

— В этих снах, книгу передают по наследству? Какой-то культ?

— Нет. Владельцы не знакомы друг с другом, между ними сотни лет. Книга ждет следующего там где ее оставили. Но редко, ее передают. Только когда она сама... — Заяц остановился на пару секунд. Он посмотрел на доктора прищурившись и договорил: — Когда она сама хочет.

— Я сейчас вас не поняла, — Крыса посмотрела вопросительно.

Заяц нервно поерзал:

— Она живая.

— В каком смысле? Она передвигается, разговаривает, ест?

— Не удивлюсь, если размножается, — вполголоса сказал Заяц.

Через несколько секунд молчания доктор чуть улыбнулась, и оба начали тихо посмеиваться. Она снова записала в блокнот, затем подняла уже не серьезные глаза на Зайца и добавила:

— С томиком библии, — потом осеклась, вернула серьезное выражение и кашлянула в кулачок. — Извините, это не профессионально. Вы говорили сон начал повторяться?

— Да. Около месяца назад. История дошла до нашего времени и заикнулась. Каждую ночь одно и то же: я иду в архив, нахожу полку и беру эту книгу и все заново. Единственный сон который я помню отчетливо.

- *Этот архив существует?*
- *Существует, это государственная публичная библиотека.*
- *Вы там были?*
- *Нет.*
- *Вам нужно сходить туда и убедиться что в этом здании нет ни книги, ни даже этой полки. Тогда ваша проблема разрешится.*
- *А если я ее найду?*
- *В этой библиотеке нет ни одной книги на неизвестном языке, такие рукописи слишком заметны и изучаются. Во снах часто присутствуют знакомые здания, но их интерьер не имеет ничего общего с реальностью. Вы видели библиотеку когда проезжали мимо?*
- *Видел.*
- *Ну вот, — Крыса почеркала ручкой, вырвала листок из блокнота и протянула номер телефона. — Не звоните секретарю, свяжитесь сразу со мной, когда посетите архив. Если найдете книгу, сделаем вам лоботомию. Шутка, — она приятно улыбнулась и попрощалась.*

Заяц возвращался домой ожидая привычного сценария, но в эту ночь сны никак не походили на те что были раньше. Видимо психоанализ сработал. Следующим вечером Заяц все равно решил поехать в библиотеку и сделать как сказала Крыса, чтобы закрепить положительный результат.

За массивной деревянной дверью скрывался просторный холл. Пахло кофе и старой бумагой. Помещение не казалось знакомым, хоть он и не помнил ничего кроме полки и ее ближайшего окружения. За стойкой его встретил старый Пес с самокруткой в зубах:

- *Что-то ищете?*
- *Да, книгу, — Заяц вспомнил номер стеллажа из сна и сказал его псу. — Четвертый стеллаж.*
- *Пройдемте, — библиотекарь пошёл вглубь архива стучая каблуками туфель. — О, это ведь самые старые полки, к ним почти не обращаются, только историки и заблудившиеся гости. Части книг даже нет в реестре. Вы историк?*

- А что, только историкам можно?
- Нет конечно. Библиотека публичная.
- Тогда не историк. Просто интересуюсь.

Чем глубже они погружались, тем меньше было света и тем больше он узнавал знакомые образы. Вдруг среди тусклых ламп и занавешенных окон вспыхнуло отчетливое воспоминание. Они завернули между стеллажей и остановились.

Заяц протянул руки к кожаной обложке. Книга своим видом и большим весом разбудила сильное чувство дежавю. Сон воплощался в точности. Заяц знал что будет дальше и сделал все по памяти. Он вышел из-за стеллажей, сел за стол и открыл первую страницу. Рукопись состояла из символов, но на форзаце была чернильная надпись, сделанная прошлым владельцем:

«Мы — путешественники, временные гости несущего нас момента. Наша цель — смотреть вокруг и получать удовольствие от потока. Наше время — сейчас, ведь мы вернемся в это же место, только спустя бесконечность. Наше место — состояние в котором мы есть. Рехамл — книга о переходе в разные состояния.»

Заяц захлопнул книгу и взглянул на библиотекаря: «Как давно она у вас?» Тот пожал плечами, из под усов вылетела тонкая струйка дыма: «Всегда тут была», — его шаги стихли за книжными полками. Заяц сунул книгу в портфель и направился к выходу. Розовые лапки быстро пересчитали все ступени библиотеки.

Дома он обнаружил что надпись не единственная. Их было множество на разных страницах и языках. Несколько даже повторяли странные символы. Значит кто-то смог расшифровать книгу? Были также пометки, зарисовки сделанные то создателем книги, то одним из владельцев. Особенно, запомнился один рисунок, отличавшийся от многочисленных схемок своей проработанностью. Это был распластанный силуэт, из которого исходили формы и тела животных. На голове — медуза, тянущая свои щупальца во все стороны; в груди — огненная хищная птица; из живота — множество волнистых линий, опоясывающих силуэт в сотканный из них овал.

Еще множество подобных силуэтов с другими формами были нарисованы вокруг оригинала.

Кроме рисунка, Заяц привлекло продолжение надписи прочитанной в библиотеке. Это единственная надпись которую возможно было прочесть без словарей: «Я, Ящерица волшебник, предпоследний из нашедших Рехамл, которому открылся утерянный секрет активной черной свечи, заключаю свои образ и знания в этой книге, и передаю рецепт активной черной свечи последнему из нашедших Рехамл, чтобы тот извлек мои образ и знания, и обрел силу. Ради безопасности, рецепт не дается письменно. Для получения рецепта, последний из нашедших Рехамл должен оставить свою подпись рядом с моей и действовать согласно дальнейшим указаниям. Конец документа».

Под документом чернела роспись напоминающая незаконченную пентаграмму. Заяц взял ручку и не думая оставил свою, в виде двух длинных ушек. На плечи как будто легла мягкая и обволакивающая ответственность. Секунду он просидел не двигаясь, ожидая результата, но ничего не произошло. Взглянув на потемневшее к вечеру окно, Заяц решил не мучить себя ожиданием чуда и лег спать.

Все знают, что ведьмы используют черные свечи. Этот образ вошел в массовую культуру очень прочно. Но при этом, никто не знает как они делаются и для чего. Этот секрет был утерян. Не осталось ведьм и колдунов знающих его. Кого-то убили, кто-то не стал передавать рецепт. Но люди, ничего не знающие, проникали к ним в дома и видели там много странностей. Запоминая только визуальные образы, они передавали их из уст в уста, не зная практической ценности и зачастую, переиначив весь смысл.

Таким образом, в руках у человечества куча разных описаний предметов и ритуалов, но никакого знания не осталось. Сегодня, черные свечи просто красят, как будто вся сила в цвете. Магия превратилась в маскарад, ведьмы и колдуны в психологов — мошенников. Но до сих пор, существуют те, кому разными способами открываются утерянные секреты древности.

Моим способом стала некромантия. Дух с которым живу я и моя стая, рассказал нам рецепт и суть черной активной свечи. Секрет, который был забыт на Земле, долгие сотни лет.

Ночью, Зайцу среди странных видений, несколько раз приснился один и тот же сон. Он у себя дома, так же как и вечером сидит за столом, на котором лежит Рехамл. На черной обложке аккуратно слепленная из фольги формочка. Заяц берет восковую свечу, поджигает ее и переворачивает. Та начинает плавить саму себя и коптить воск. Черная жидкость постепенно накапливается в фольге и в нее вставляется фитиль. Это и было указание.

Утром, он не позавтракав побежал в хозяйственный магазин. Среди кучи товаров нашлась пара восковых свечей, отдельный фитиль и рулончик алюминиевой фольги. Вернувшись домой, Заяц слепил из нее небольшую ванночку и поставил на обложку Рехамла. Воск медленно заполнял форму.

Через минуту Заяц увидел как черная обложка начала светлеть. Чем дальше тем быстрее. С каждой новой каплей, книга отдавала свой цвет воску, свеча становилась все чернее, а заячьи глаза шире от удивления. В конце,

Рехамл принял зеленовато-серый цвет. Тогда стало заметно что книга сделана из настоящей кожи рептилии. Заяц, засмотревшись, почти забыл вставить фитиль, но опомнился и погрузил его в черный воск. Когда он застыл, активная черная свеча была готова. Осталось поджечь.

Чиркнула спичка и фитиль с треском загорелся. В первые несколько секунд ничего не произошло, но позже, ощущение комнаты как-то изменилось. Тени в углах сгустились. Все, казалось, увеличилось. Пространство, на каком-то неосознаваемом уровне, стало шире и воздушней. На секунду все погрузилось во тьму, как будто солнце погасло. А когда зажглось, Заяц смотрел через какие-то тонкие щелки. Вдруг до него дошло, что это чьи-то пальцы закрыли ему глаза. Он хотел вскочить и обернуться, но что-то невидимое проникло в его нутро и держало оттуда, заставив застыть на стуле. Через просветы было видно пламя свечи. Сзади зазвучал чуть шипящий голос, будто его хозяин жалит и извивается:

- Когда свеча прогорит, я получу всю свою силу, и мы с тобой отправимся в путешествие. А пока, можем поговорить.*
Заяц хотел молчать, но чужая воля заставила задать вопрос:
- Зачем ты меня держишь?*
- Чтобы ты не натворил глупостей. Я должен вылиться из свечи полностью.*
- Из свечи?*
- Да. Это в мою кожу обернута книга. Так я влил в нее свой образ, многие называют его дух. Черная свеча создается духом, она запоминает его волю в копти. Моей волей, кроме активации, было выйти из кожи в свечу, чтобы потом выйти наружу, когда она сгорит.*
- Что значит активация?*
- Активная черная свеча синтезирует два мира, два слоя. Представь две сферы. Одна входит в другую и они становятся единством. Активация дает воску такую способность. Когда моя сфера объединилась с твоей, твой слой не выдержал давления моей и твоей*

силы и разорвался. Тогда все погасло, а ты провалился в мой слой, он гораздо податливей твоего, жидкий и текучий. Это значит произойти может все что угодно.

Заяц понял немного, но переспрашивать не стал. Пламя свечи, видневшееся между пальцев уже иссякло. Голос сзади спросил: «Готов?» И не дождавшись ответа, опрокинул стул вместе с Зайцем. Но удара не последовало. Тело окружил тяжелый ветер. Заяц почувствовал что стоит на ногах. Вокруг тьма, со всех сторон свист и носящиеся вихри. Уши трепыхались как два платочка. Прищуренные глаза разглядели впереди желтый огонек. Руки закрыли лицо, и ноги пошли на указатель. Никаких мыслей, только сопротивление ветру и ощущение холода.

Спустя десять метров, Зайца встретила шахта с масляной лампой. Он вошел внутрь, как будто вынырнул из водного потока и сразу же схватился за огонек. Несколько секунд безрезультатных усилий, чтобы заметить намертво вбитый в стену пещеры крюк, за который подвешена лампа. Заяц стало жалко себя, он перестал суетиться, помрачнел и пошел во тьму, в глубь пещеры. Через минуту, стали слышны негромкие звуки чавканья и треск костра. На стенах, за поворотом плясал свет. Заяц осторожно заглянул за угол и всмотрелся. На старом ящике с подстилкой, возле горящих поленьев сидела большая толстая фигура. Чтобы рассмотреть получше, пришлось прокрасться и сесть за валун. Стал виден профиль Жаб. Он вытаскивал из запазухи белые яйца, раскалывал их, вытаскивал нерожденных цыплят и ложил себе в пасть. Мыча и посапывая, он смаковал хруст хрящиков.

У Зайца, несмотря на противное зрелище, заурчало в животе. Всплеск неожиданных событий совсем исчерпал его энергетические запасы. Было страшно, но выбора не было. Мягкие лапы, помогли бесшумно подкрасться к сумке, набитой провизией. Порывшись среди приправ и закусок, лапа отодвинула сосуд с каким-то напитком и осторожно потянула к себе добычу. В этот момент, незаметно для вора, владелец сумки уловил движение краем глаза, вздрогнул и повернулся. Откуда здесь кролик, и почему он роется в его еде? Растерянный жаб, взволнованными круглыми глазами, искал везде свою

походную палку. А когда нашел, Заяц уже смотрел на него, держа в руках сверток с нарезанным хлебом. Жаб, скорчившись в отвращении, отмахнулся от Зайца, как от мерзкого насекомого, и прижал его к стенке кончиком палки. Тот испугался и разозлился, еще острее почувствовав голод, а Жаб, задыхаясь, заорал утробным голосом:

— Отойди от меня!

И тут же получил в ответ, ничего не значащий яростный крик. Так кричат в отчаянии, зажмурившись от злости, когда ничего другого не остается. Это разлетелось по шахте. Вдобавок, жаб со всей силы топнул своей тяжелой лапой о пол. Не сожженная древесина упала с ящика в костер. В свете разросшегося огня, стали видны прогнившие насквозь опоры. Одна из балок сорвалась вниз, под давлением породы, и попала прямо по голове Жаба. Тот пошатнулся и рухнул в костер, потушив его.

Заяц остался стоять с палкой в руках. Он обхватил ее когда был прижат к стене и до сих пор не отпустил. Из темноты пророкотал смех. Такой радостный, что превращал всю ситуацию в бредовое видение. Знакомый шипящий голос сказал:

— Когда маг на кого-то злится, жертва умирает, — шлепающие шаги приближались. — Рехамл дал тебе огромную силу, и она мгновенно прихлопнула первого встречного, — голос подошел вплотную. — Нужен самоконтроль, достойный такой силы, — что-то холодное обхватило лапу Зайца. — Давай ручку, я покажу дорогу. И не забудь посох.

Они вместе прошли назад ко входу. Увидев свет лампы, Заяц отпустил руку, выбежал из прохода и обернулся. Там было слишком темно, чтобы разглядеть хозяина голоса. Решиться на то, чтобы войти обратно и вывести его на свет — страшно. Тогда он спросил:

— Зачем я тебе?

Голос уклонился от ответа:

- У тебя в руках магический посох из белой акации. Я спрятал его в этой пещере перед смертью, но мир распорядился, чтобы его нашел этот отшельник, может чтобы дать тебе урок.

Заяц осмотрел посох. Для огромного жаба, это конечно была палка. Очень красивая палка, с резными узорами. Сверху, он становился толще и на обоих концах закруглялся. В местах закругления древесина была обожженной:

- Это линзы. Они делаются специально, — продолжил голос. — Они фокусируют энергию в луч.
- Какую энергию? — спросил Заяц.
- Энергию нематериальных тел.

Собеседник замолчал. Вместо слов слышалась возня. Заяц насторожился и попытался разглядеть что там происходит. Он непроизвольно пригнулся, когда из темноты прохода вылетело что-то прямоугольное и с шелестом упало на пол. Это был раскрытый Рехамл. Заяц пригнулся и подполз поближе чтобы посмотреть. На странице оказались уже знакомые чертежи силуэтов:

- Вот они, — прошепел собеседник. — Опытный посох может научить контролю над нематериальными телами. Изображения образные. Не надо воспринимать их в точности. Это только способ говорить. Старые маги любили отождествляться с тем, что видели. Это как тотем.

Зайца волновало совсем другое. Спустя недолгое молчание, он осторожно спросил:

- Мне не нужно все это. Просто скажи, где я?
- Это необычное место, — ответил голос. — Здесь все не то, чем тебе кажется.
- Что это значит?
- Это значит, что ты не видишь.
- Чего не вижу?
- Ничего... — прошепел голос.

Оба замолчали. Заяц сверлил взглядом темноту, пытаясь сложить хоть что-то из неясных ответов. Он понял, что странный собеседник намеренно недоговаривает и без особой надежды, с дрожью в голосе спросил:

— Ты вернешь меня домой?

Из прохода зазвучал тихий смех:

— Я должен вернуть тебя? — усмехнулся голос.

Заяц не ответил, и в темноте снова зашипело:

— Дом — это только слово. Ты забудешь его, как и многое другое. Эта комбинация букв лишится для тебя всякого значения.

— Как мне вернуться? — настаивал Заяц.

В темноте зашуршали босые шаги и недовольное дыхание, как будто хозяин голоса прохаживается, размышляя над вопросом:

— Перейти в другой слой, — сказал он, спустя ожидание. — Есть сферы. Сферы состоят из слоев.

— Я не понимаю, — прошептал Заяц.

— Я тоже. Этого никто до конца не понимает.

— И что делать?

— Ложись спать. Завтра посмотришь на этот слой.

После этих слов, из прохода вылетела большая сумка с вещами Жаба. Разговор был прерван неожиданно. Шаги зашаркали глубже в темноту. Заяц закричал, пытаясь вернуть уходящего:

— Подожди!

Но крик эхом растворился в каменных тоннелях. Голос замолчал и больше не говорил. В сумке нашлась еда и свернутая постель. Заяц остался один посреди каменной пещеры. Долгое время, он бродил в тусклом свете, боясь засыпать, но вскоре, растущая усталость вынудила сдаться. Он лег и почти мгновенно уснул.

Заяц проснулся на толстом спальнике из вещей жаба. Рядом тлел остывающий костер. Он приподнялся на локтях и взглянул на выход из пещеры. Утро так и не наступило. Черные вихри по-прежнему носились в пустом пространстве. Слева зашипел знакомый голос:

— С добрым утром.

Заяц сунул лапу в карман и достал смартфон. На часах было чуть больше одиннадцати.

— С добрым... — ответил он настороженно и нажал на иконку фонарика.

Столб слабого света очертил темную фигуру сидящую у костра. Та, затрясла плечами сдержанно посмеиваясь:

— Рассмотрй получше.

Руки, покрытые черной тканью, поднялись к голове и сняли мешковатый капюшон. Два зеленых глаза сверкнули, отразив свет. Фигура наклонилась ближе. Острое худое лицо разрезало темноту, и Заяц увидел старого Ящерицу волшебника. Он сидел на каменном полу, скрестив ноги, и улыбался:

— Нам пора двигаться дальше.

Ящерица встал, опершись на посох, и направился в проход. Заяц поспешил за ним. Тусклый свет, на короткое мгновение, осветил тело жаба. Уже пройдя мимо, Заяц понял, что произошло что-то странное. Труп лежал на животе, и разглядеть лицо не удалось, но размеры его явно изменились. Жаб уменьшился, как минимум в три раза. Некогда округлые формы стали угловатыми и проклевывались через ткань. Как будто его мышцы и кожа истлели раньше срока, обнажив кости. Заяц встряхнулся, решив что ему померещилось и задал вопрос:

— Это кто? Он пришел снаружи?

— Изнутри, — Ящерица указал вглубь пещеры и пошел дальше.

- Стой! — Заяц испугался заблудиться и зашагал быстрее. — Что там внутри, и снаружи?
- Внутри — сам увидишь, а снаружи — ничего.
- Как может быть ничего?
Ящерица остановился, стукнув посохом, и повернулся к Зайцу:
- Это искусственный слой, его создали с определенной целью. Для этой цели достаточно того пространства что здесь имеется. Создавать мир снаружи, было бы пустой тратой энергии, в том числе твоей.
- А я здесь при чем? — удивился Заяц.
- Мир вокруг — это спектр восприятия. Чем шире спектр, тем больше энергии требуется для его восприятия, — Ящерица развернулся и продолжил путь.
- Получается, как оптимизация в играх, да? И какая цель-то? — крикнул Заяц вслед и поторопился догнать его.
- Эту цель нельзя понять мозгом. Существо, создавшее это место, мозгов не имело, — он замедлил ход и повернул голову вполоборота.
— Что за игры?
Заяц вспомнил, что его собеседник совсем из другого времени и показал игру на смартфоне:
- Это не настоящий лес, а 3D, иллюзорное трехмерное пространство. Деревья пустые внутри, как и все остальное, поэтому у этой штуки хватает мощности их показывать.
Ящерица внимательно посмотрел на экран и потыкал в него:
- Эта штука вырастила лес?
- Да, но он не совсем рос. Это картинка собранная из фигур похожих на лес. Картинку сделали с помощью другой похожей штуки, — Заяц потряс смартфон привлекая внимание. — Эта маленькая штука только содержит в себе этот лес, в виде информации о том, каким он должен быть.

- *В таком случае, слово оптимизация подходит, но нельзя назвать этот слой 3D. Он не пустой и не содержит в себе информацию о том, какой должна быть пещера.*
- *Но я же вижу пещеру, — Заяц повернулся вокруг оглядевшись.*
- *Ты видишь то, что предрасположен видеть. Ты сделал этот слой пещерой. На самом деле, здесь нет ничего похожего на твой мир, но по привычке, ты интерпретировал этот слой как пещеру. Почему именно пещера, узнать можешь только ты.*
- *Тогда, почему ты тоже видишь пещеру?*
- *Я не вижу пещеру.*
Заяц растерялся, не вполне поняв ответ:
- *Но мы же ходим с тобой, и трогаем предметы, и ты знаешь что я вижу пещеру.*
- *Мы не ходим и не трогаем, просто ты не можешь воспринять объективность. У тебя еще нет столько ресурса. И пещеру я вижу не вокруг, а у тебя внутри.*
- *Подожди, я запутался. Кто такой жаб? И разве, силы Рехамла недостаточно, чтобы воспринять объективность?*
- *Силу толкает энергия, энергии недостаточно. И прямо сейчас, ты тратишь ее на этот энергоемкий разговор. Не торопись. Воспринять объективность — это одна из предстоящих задач. Время еще не пришло.*
- *Но ты же можешь объяснить.*
- *Ты не сможешь понять.*
- *А ты попробуй.*
Ящерица обернулся и нахмурился, но попробовал:
- *Жаб — это образ одного из наших Рехамл до тебя.*
- *Как ты?*
- *Да.*
- *И я таким стану? — Заяц посмотрел взволновано.*

- Нет. Во — первых — образ нашедшего, и нашедший Рехамл — это разные существа. Во — вторых, ты — последний из нашедших Рехамл, это другое.
- Чем последний отличается?
- Книга — это связь с существом создающим этот слой. Она существует очень давно и была найдена множество раз. И образ каждого из нашедших Рехамл, находится здесь. Каждый образ, приводит следующего из нашедших Рехамл сюда, — он подождал вопроса, но не дождавшись продолжил. — Образы остаются здесь, накапливаясь. Они копились все это время, чтобы сопровождать тебя в путешествии. Мы — не материальные существа и выглядим как твердые тела, только потому, что ты пока еще не способен воспринять нас такими, какие мы есть.
- Заяц напрягся, пытаясь собрать все слова воедино:
- Жаб умер? — он сел на камень и уставился на Ящерицу. — Я ничего не понимаю.
- Волшебник остановился, выдохнул, и снисходительно улыбнулся:
- Я знаю, — он подошел ближе и поднял Зайца с камня, взяв его за плечо.
— У того что я сказал, есть основания. Не построив этого фундамента, ты не поймешь и остального. Но прежде чем говорить об этом со мной, ты должен лицом к лицу встретиться с тем, кто все это устроил. А жаб... Пока что скажем, что он рассеялся вокруг.
- Он что... — начал было Заяц, но Ящерица остановил его движением руки.
- Потом, потом. Не все сразу. Надо идти.

Он резко развернулся и зашагал. Роба зашелестела по полу, задевая маленькие камешки. Заяц пошел следом. Тоннель становился все шире и шире. Скоро, свет фонарика уже не мог выхватывать окружающие стены. Оба шли и молчали, под равномерные удары посоха. Вокруг, казалось, была пустота. Заяц остановился, чтобы взглянуть на уровень заряда, а когда поднял голову, уже не смог найти волшебника. Впереди, на некотором отдалении послышался

звук ударяющегося дерева, как будто посох легко постукивает по полу. Заяц осторожно направился в сторону звука, сканируя пространство тусклым светом.

— Эй, — тихонько позвал он.

Звук был уже совсем близко. Пройдя еще немного, розовая лапка наступила в какую-то лужу. Фонарик осветил источник звука под ногами. Заяц увидел две торчащие из воды сваи и сломанные доски. Они плавали рядом, бились о берег и друг о друга, создавая легкие постукивания. Заяц проверил глубину, наступив немного дальше. Берег плавно уходил вниз и превращался в дно водоема. Лужа оказалась больше, чем он думал.

Вдруг, справа из темноты показался посох и мягко оттолкнул Зайца назад, тот вздрогнул от неожиданности. Ящерица попал в свет фонарика:

— Не тревожь воду, — плавно произнес он.

Заяц не стал спорить. Волшебник посмотрел на сломанный понтон и добавил:

— Вот из чего мы и жаб разводили свои костры, — он посмотрел куда то вперед и направил посох. — Теперь, просто так до лодки не добраться.

— Мы поплывем?.. — удивился Заяц.

Ящерица не ответил. Он сосредоточенно смотрел в одну точку.

Скоро, из того места стали раздаваться редкие удары досок и едва слышимые всплески воды. Звуки становились все ближе и ближе, пока в свете фонарика не показался нос деревянной лодки. Заяц изумленно смотрел на самоходное судно:

— Так вот зачем этот посох.

— Посох почти не при чем. Он только фокусирует излучение нематериальных тел. Опытные маги могут легко обойтись без него, и результат будет такой же, — он подтолкнул Зайца в лодку и залез следом.

Та тронулась с места, развернулась и поплыла в темноту. Ящерица стоял возле носа и смотрел вперед. Отдаляющийся берег, вдруг, наполнился

тихими шлепающими шажками и перешептыванием. Заяц резко обернулся и взгляделся, но свет маленького фонарика не смог выхватить даже тени шумящих. Тогда он шепотом обратился к Ящерице:

— Кто там?

Волшебник сделал довольное лицо:

— За тобой наблюдают...

Сзади раздался всплеск, как будто кто-то споткнулся или намеренно топнул по воде. Заяц почувствовал, как страх нарастает в животе и поднимается к груди. Ящерица заметил это и продолжил говорить:

— Твои будущие спутники протестуют.

Сразу после этой фразы, со стороны берега прилетела доска и чуть не попала Заяцу по голове, с грохотом упав в лодку. Утробный голос заорал:

— Проваливай отсюда, тварь!

Заяц, ошеломленный такой выходкой, сменил страх на злость и закричал:

— Это что, жаб?! Как так может быть!? А ну-ка, стрельни в него! — он раздраженно указывал на посох, а когда заметил что Ящерица смеется над ним, схватил прилетевшую доску и запустил в ответ. — Умри обратно!

Та, со звуком пропеллера забурилась во тьму, стукнулась о что-то и грохнулась о пол. С берега донеслось глухое: «Ух!» В тот же момент, множество суеящихся лап, затопали сначала по камню, а потом и по воде. Хруст отламывающихся досок, вернул Заяцу страх. Он успел только упасть на дно и прикрыть голову.

Поток снарядов забарабанил по бортам лодки и окружающей воде. Заяц вжался и зажмурил глаза. Только Ящерица стоял как ни в чем не бывало и хохотал. Все что летело прямо в него, неожиданно меняло свою траекторию и уходило куда-то в окружающую темноту. Вскоре, боеприпасы перестали долетать до цели, а потом и совсем закончились.

Заяц почувствовал, как ему в бок ткнулся посох, и поднял голову:

— Что, уже все? — он выглядел уставшим, уши потеряли тонус и висели как две тряпочки.

Лодка слегка ударилась о берег и остановилась. Ящерица помог Зайцу встать и сойти на абсолютно гладкий камень. Батарейка села и пришлось идти в полной темноте. Держась за Ящерицу волшебника, Заяц преодолел ровный участок и несколько метров лестницы. Около минуты они шли по ровному склону, пока впереди не стал виден свет. Оказалось, что вокруг был длинный квадратный тоннель из черного мрамора. Ящерица остановился перед выходом и сделал приглашающий жест. Заяц закрылся рукой от яркого света и вышел из тоннеля. Глаза быстро привыкли, и дыхание перехватило.

Никогда он не видел таких больших и одновременно массивных помещений. Колоссальная комната из гладкого черного мрамора утопала в легкой дымке. Заяц посмотрел вверх и пошатнулся. Вот откуда весь свет. Массы желтоватого вещества плавали по потолку и источали сияние. В некоторых местах оно собиралось в шарики разного размера, которые меняли цвет и плавали, свободно от общей массы. Заяц пошатнулся еще раз, мягко упал на мраморный пол и куда-то провалился...

Видения — не просто сны. Некоторые волшебники могут использовать их, чтобы видеть далеко за пределами их собственных глаз. При этом, можно бодрствовать или спать, по своему выбору, и даже вести некоторую деятельность в привычном мире. Также, видения помогают принимать решения, чувствовать себя комфортно во время болезненных состояний и наблюдать другие миры, не посещая их телесно.

Тихо, из темноты, как будто сквозь какой-то барьер, послышался чей-то голос:

— Я делаю так! Так! Так! Вот так вот! — утверждал он настойчиво, становясь все громче.

Заяц прислушался и с удивлением стал понимать, что говорит не чей-то голос, а его собственный. Барьер полностью растаял. Он открыл глаза и посмотрел вперед. Там стояла доктор Крыса и снимала его на смартфон:

— Все, я поняла, можете не объяснять.

— Что поняла? — спросил Заяц, оглядываясь по сторонам.

— Почему вы пришли, — она подошла ближе и показала экран.

На видео Заяц увидел себя. Он стоял на одной правой ноге, повернув ступню наружу, пока левая нога была поднята и заведена вправо. Руки то раскидывались по сторонам, чуть согнувшись и смотря ладонями вверх, то обе уходили вправо, при этом складывая кистями что-то вроде бабочки. Так продолжалось около минуты и на протяжении всей записи, Заяц не переставал говорить одни и те же фразы.

— Вы помните это? — спросила доктор, убирая смартфон.

— Нет, — тихо ответил Заяц, чувствуя легкое смущение.

— А что вы помните? — Крыса указала на диван и села сама.

Заяц остался стоять и задумчиво уставился в пол. Он совсем запутался и никак не мог понять где иллюзия, а где реальность:

— Что вы помните? — повторила Крыса.

— Я сходил в архив, нашел книгу, а дальше... Из нее вылез волшебник и забрал меня в пещеру, — Заяц поднял глаза и посмотрел в окно. Солнечный свет показался непривычным, после долгой темноты. — Там были другие, они прятались. Мы поплыли на лодке и дальше была комната, очень большая. И там на потолке свет. Я посмотрел на него, упал и очнулся здесь, — он взглянул на доктора и спросил. — Как я здесь оказался?

— Вы никуда не уходили. Я посоветовала сходить в архив, вы встали, прошли немного и начали странно двигаться, говорить что-то, и вот, — Крыса встала и потерев лоб с закрытыми глазами, направилась к своему столу. Было видно, что ситуация выбила ее из привычной рутины. — Я думаю вам лучше отдохнуть, пока я разбираюсь в вашей проблеме.

Доктор сначала села на свой стул, желая успокоиться, но поняв что забыла попрощаться, снова встала и протянула лапу из-за стола:

— До завтра. Пожалуйста, позвоните когда дойдете до дома, — она улыбнулась как-то растерянно и проводила Зайца взглядом.

Тот вышел из кабинета с остекленевшими глазами, ничего не сказав и не желая думать о произошедшем. Мир уже не казался таким твердым и незыблемым. Казалось, все может обрушиться в любой момент, и он снова обнаружит себя в пещере или еще где-нибудь. При этом, Заяц не чувствовал что сходит с ума. Пещера отчетливо отражалась в памяти и казалась, не менее реальной чем лестница, по которой он сейчас спускался.

Дойдя до дома, розовая лапка вставила ключ в замок и распахнула дверь. Послышался запах еды. Заяц зверски проголодался и не снимая верхней одежды, быстро зашагал на кухню. В дверном проеме показался холодильник. Шаг сразу ускорился.

Заяц открыл дверцу и достал палку копченой колбасы. Жуя колбасу, он смотрел внутрь холодильника, выбирая следующее кушанье. Проглотив последний кусок, Заяц потянулся за сыром, как сзади раздался отчетливый звук. Кто-то отпил из кружки и кашлянул два раза, как будто привлекая

внимание. Заяц резко развернулся и ударился о дверцу холодильника. Банка с томатным соусом полетела с верхней полки и вдребезги разбилась о пол.

За столом, в другом конце кухни, сидел веселый Ящерица и ел мясной рулет с чаем. Он грохнул кружкой по столу и громко рассмеялся. Заяц не хотел верить, что это происходит опять. Он отступил, прижавшись к стене и зажмурил глаза, так сильно, что в темноте век заиграли звездочки. Силуэт волшебника остался светлым пятном на сетчатке, как происходит с солнцем или с любым другим предметом, если долго и прямо смотреть на него. Заяц разжал веки и увидел что стоит на кухне один.

Было не ясно, радоваться этому или нет. Под действием этой мысли, он механически убрал разбитую банку и пошел в комнату. Боковое зрение уловило что-то лежащее на письменном столе. Заяц остановился в дверном проеме, повернул голову и выругался. Там была книга, со стоящей на ней свечей. Внезапно, сзади зашлепали чьи-то шаги. Так близко, что Заяц вздрогнул, резко развернулся, отшатнувшись и шлепнулся на кровать:

— *Страшно?* — спросил Ящерица, проходя в комнату с довольным лицом.

В этот момент у Зайца в кармане завибрировало. Не отрывая взгляда от Ящерицы, он достал смартфон и принял вызов:

— *Здравствуйте, это доктор Крыса. Я не дождалась звонка и подумала, может что-то случилось?*

— *Он тут,* — ответил Заяц, включая видеосвязь и направляя камеру на волшебника.

— *Кто?*

Изображение прогрузилось и Крыса увидела того, о ком говорил Заяц:

— *Здравствуйте. Это ваш друг?* — дружелюбно спросила она и пригляделась.

Увидев странную одежду и посох, доктор начала медленно менять выражение на растерянное. Улыбка сползла с губ, и глаза сменили приветственный блеск на взволнованное мерцание. Что-то было в том зеленом лице. Крыса чувствовала, что незнакомец смотрит на нее сквозь

объектив, и от этого становилось совсем не по себе. Захотелось обернуться и проверить, не стоит ли кто за спиной:

— Здравствуйте... — повторила она, пытаясь снова улыбнуться.

На зеленом лице отразилось оживление. Ящерица явно придумал какую-то штуку. Он подошел к столу, взял Рехамл, свечку и положил оба предмета в карман за пазухой, от чего роба отвисла. Затем, волшебник подошел ко входной двери, слегка улыбнулся и резко распахнул ее. В маленьком окошке с фронтальной камеры, Крыса увидела, как Заяц изумленно уставился в открывшийся проход. За дверью, которая раньше вела на улицу, зияло пространство черной комнаты. Ящерица, жестом пригласил войти:

— Нам пора возвращаться, — сказал он мягко.

— Но я не хочу!

— Это естественно, — кивнул волшебник, указывая посохом прямо на Заяца.

Вдруг, у того внутри что-то переключилось и он больше не желал сопротивляться. Как по своей воле, Заяц встал с кровати и направился в проход. Крыса, ничего не понимающая, но чувствующая неладное, пыталась остановить его, громко обращаясь в экран, но в какой-то момент, звонок оборвался и доктор осталась сидеть, нервно царапая стол:

— Что же делать? — говорила она сама себе.

Вспомнив, что на столе лежит карточка пациента, заполненная Заяцем во время записи на прием, Крыса быстро сообразила и стала набирать номер:

— Оператор экстренной службы, я вас слушаю, — донесся из трубки усталый женский голос.

— Я хочу сообщить о похищении, по адресу... — она продиктовала информацию с карточки.

— Хорошо, патруль скоро будет там.

Доехав до указанного адреса, патрульные увидели небольшой частный домик на тупиковой улице. Несколько крылечных фонарей и луна, освещали пространство. Казалось, в таком спокойном месте не может

произойти ничего опасного. Фары погасли, и тупичок снова погрузился в полумрак.

Патрульные подошли к дому и постучали. Никто не отозвался. Тогда, офицер Пес указал на дверную ручку и сержант Лось стал медленно ее поворачивать, держа второе копыто на кобуре. Дверь оказалась открыта. Напарники переглянулись и осторожно прошли внутрь.

Впереди оказалась спальная комната с выходом на задний двор. Слева тянулся коридор ведущий на кухню. Офицер направился налево и жестом приказал Лосю, чтобы тот осмотрел остальной дом. Сержант начал продвигаться в комнату. Покинув поле зрения начальника, он ради удовольствия достал пистолет и стал красться.

Вдруг, раздался громкий рычащий звук. Одновременно с этим, Лось заметил движение справа. Он резко развернулся и нажал на курок, постепенно осознавая, что стреляет в собственное отражение в окне. Раздался сильный хлопок и осколки зазвенели по полу. В яркой вспышке выстрела, сержант краем глаза успел заметить, что кто-то лежащий на кровати, подскочил и метнулся под кровать. Простыня еще парила в воздухе, когда офицер Пес включил свет и увидел сержанта с оружием на изготовке:

- Кто там?! Вылезай! — кричал Лось целясь куда-то вниз.
- Деньги на кухне! — закричал Заячий голос из под кровати.

Офицер понял что произошло и остановил сержанта, выхватив у него пистолет. Лось получил болезненную затрещину и стал энергично тереть затылок:

- Мы из полиции. Не прячьтесь, — сказал Пес, наклоняясь чтобы посмотреть на собеседника.

Два заячьих глаза уставились из темноты:

- Покажите документы, — потребовал голос.

Офицер протянул корочку и она исчезла в щели. Через время, кровать заскрипела и оттуда показались розовые уши, а затем и весь Заяц. Он встал, нахмурился на обоих полицейских и стал отряхиваться. Вид осколков еще

сильнее искажил его выражение. Заяц указал на причиненный ущерб и сказал напряженно:

— *Окно разбили. Кто будет чинить?*

— *Это потом, — отмахнулся офицер. — По нашей информации, вы были похищены сегодня вечером из дома, после сеанса у психоаналитика.*

— *Нет, я пришел с работы и лег спать, — сказал Заяц продолжая хмуриться.*

— *Вам знакома доктор Крыса? — Пес показал фото на планшете.*

— *В первый раз вижу.*

Установилось продолжительное молчание. Офицер упер лапы в бока и посмотрел недоверчиво:

— *Нужно, чтобы кто-то подтвердил ваши слова. Где вы работаете?*

Заяц назвал компанию и адрес. Пес занес все в планшет и передал его Лосю. Тот вышел из дома и побежал к машине, чтобы связаться с оператором. Через несколько минут, сержант вернулся и растерянно посмотрел на начальника:

— *Они все подтверждают...*

Офицер взглянул на разбитое окно и повернулся к Зайцу:

— *Просим прощения за беспокойство, — сказал он кивая головой. — С окном кто-нибудь разберется, я позабочусь.*

Пес перевел взгляд на Лосю и посмотрел так строго, что сержант развернулся и поспешно ушел. Офицер проследовал за ним. Спустя некоторое время, у Крысы в кабинете зазвонил телефон. Она сняла трубку и оттуда снова донесся голос оператора:

— *Мы все проверили. Вызов оказался ложным. Владелец дома в безопасности и вас не знает. Если вы продолжите хулиганить — нам придется принять меры. Всего доброго!*

— *Нет, подождите, у меня есть запись похищения! — запротестовала доктор.*

Из трубки послышался недовольный вздох:

— *Хорошо, отправлю к вам патрульных.*

Через время, в дверь постучали. Крыса открыла, и в кабинет вошли Пес и Лось. Они были явно раздражены навалившейся работой:

- *Приветствую, — сказал офицер, вешая шляпу на крючок. — Давайте, сразу к делу.*

Крыса достала смартфон и включила запись звонка. Лось постарался изобразить такое лицо, как будто он и смотреть не желает. Когда в проеме двери появилась черная комната, Пес скривил брови и схватил лапу Крысы, чтобы посмотреть детальнее:

- *Хм... Это другое место, за этой дверью должна быть улица.*
- *Вы же были там и знаете, что это его дом, — возмущилась доктор.*
— *Этот самый Заяц пришел сегодня ко мне, а позже был похищен из дома.*
- *Я не спорю что вы встречались с Зайцем, но тот что говорил с нами — совсем другой Заяц и у него имеется алиби и, следовательно, дом на видео — совсем другой дом.*

Крыса побагровела под шерстью:

- *Как хотите, но я предоставила вам доказательства похищения, — она подняла пальчик и грозно потрясла им. — Даже, если это другой Заяц, вы обязаны разобраться!*

Лось сделал еще более скучающее лицо и обратился к офицеру:

- *Произошедшее на видео, нельзя назвать похищением. Он просто не хотел идти, — сержант повернул голову к доктору. — Я тоже не хотел сюда идти, но вы же не станете называть это похищением?*
- *Прийти сюда было вашей обязанностью! — взорвалась Крыса. — На видео отчетливо видно, что Ящер что-то сделал с Зайцем! Обработал его психологически, если хотите! — на слове «психологически», доктор топнула каблуком. — Это я вам как эксперт говорю!*
- *Мы передадим запись в участок, — сказал Пес снимая шляпу с крючка. — Отправьте ее на эту почту, — он дал Крысе визитку и вежливо попрощался.*

За закрытой дверью слышался смех обоих полицейских и голос офицера:

— Вот тот зеленый клоун с палкой, это вообще что-то!

Доктор Крыса чуть не прослезилась, чувствуя обиду. Она поймала еще не выкатившуюся слезинку и пошла к ноутбуку, чтобы попросить помощи на форуме. Сайт «Психологи и психотерапевты», пользовался большой популярностью. Крыса создала пост, подробно описав ситуацию, и прикрепила два видеоролика: странные движения Зайца и запись с похищением. В заголовке поста, был молящийся смайлик и надпись: «Нужно виденье опытных специалистов!»

Крыса почувствовала, как кто-то мягко прикоснулся к ее плечу. Она открыла глаза и увидела Хомячиху секретаршу. Та осторожно склонилась над диваном и заговорила почти шепотом:

— Вы здесь всю ночь? Скоро придет пациент.

Доктор, услышав эти слова, вскочила с дивана и начала суетливо приглаживать блузку и шерсть. Секретарша, которой передалось волнение, забегала вокруг, предлагая то расческу, то свою одежду вместо мятой. Она уже расстегивала пуговицы, когда Крыса сдержанно остановила ее:

— Все, не беспокойся. Лучше скажи, кто придет?

— Новенький, — ответила секретарша, застегиваясь. — Будет через десять минут.

— Хорошо, иди встречай.

Доктор села за стол и открыла ноутбук. Под ее постом появилось несколько ответов. Она прочитала первый комментарий: «Похоже на сомнамбулизм нарколептика. Второе видео странное, возможно какая-то секта». Следующий ответ сопровождался недовольным смайликом: «Если пациента нашли у него дома, к чему тогда волноваться? Нет ничего удивительного в том, что он вас не помнит. С психами всякое случается». К третьему комментарию, прикреплялась фотография бронзовой статуэтки: «Я не специалист по Индуизму, но движения Зайца похожи на танец Натараджи. Соглашусь с первым комментатором, выглядит как секта. Только не ясно, зачем он к вам пришел?»

Статуэтка изображала танцующее божество в ореоле из огня. Крыса присмотрелась к фотографии и с удивлением узнала в ней движения Зайца. Пальцы застучали по клавиатуре в поисках информации. Статья на «Википедии» давала краткое описание: «Натараджа — господин танца, создающий, продолжающий и разрушающий миры. В Индуизме, три этих главных функции выполняются тремя богами: Брахма — создающий, Вишну —

хранящий и Шива — разрушающий. Тримурти является слиянием трех божеств в один образ, как и Натараджа. В другой традиции, основных богов не трое, а пятеро...»

Доктор хотела продолжить чтение, но в дверь постучали и в кабинет вошел Заяц. Он как ни в чем не бывало поздоровался и сел на диван. Испуганная Крыса, не придумала что сказать и ответила кивком головы. Пациент воспринял это как приглашение говорить и начал рассказ:

— Мне снится один и тот же сон. Уже больше полугода... — он стал почти слово в слово повторять вчерашнюю историю.

Слушая, доктор металась взглядом между двумя Зайцами, на экране и в кабинете. Не удержавшись, она перебила его и повернула ноутбук:

— Каждую ночь одно и то же... — не успел договорить Заяц.

— Вы приходите в архив и находите книгу. Я знаю, — закончила Крыса. — Вот взгляните.

Заяц уставился сначала на нее, в недоумении, а потом в экран. Увидев себя, он привстал с дивана и хотел что-то сказать, но внезапно почувствовал в горле щемотку и закашлялся. Через несколько секунд, он все-таки заговорил:

— Это что такое?

— Наша вчерашняя встреча. Разве вы не помните?

— Как я могу помнить то, чего не было? Я бы никогда не стал... — он немного помычал, подбирая слова. — Делать так...

— Вот еще одно видео, — Крыса включила запись с похищением.

Заяц присмотрелся, прищурившись и испытал странное чувство, как будто он уже не первый раз сидит в этом кабинете и видит на экране самого себя. Казалось, это событие уже происходило в прошлом, несколько лет назад или еще раньше. «Точно... — подумал про себя Заяц, откинувшись на спинку дивана. — Какой-то забытый сон... Но что было дальше?» Стало жутко, до мерзости непривычно. Давящее ощущение неизвестности обволокло внутренности и заставило содрогнуться. Что-то должно было произойти с минуты на минуту. Крыса заметила как он волнуется и решила воспользоваться моментом для убеждения:

— Теперь верите? — спросила она, с нажимом в голосе.

Заяц взглянул как-то сквозь и ничего не ответил. В его память стали врываться события, которые никогда с ним не происходили. Несколькими потокам, они текли параллельно друг другу, не находя места в реальности. Как будто множество закрытых раньше глаз, распахнулись в один момент и стали видеть вместе. В одном воспоминании, Заяц смотрел на горящую свечу, в другом, шел в темноте, в третьем, заходил в открытую кем-то дверь, а в последнем, ложился спать. Все они никак не связывались в одну историю.

Вдруг, одновременно, все потоки слились в один и Заяц увидел неровное пятно света. Оно становилось все больше и больше, как бы наплывая на привычную реальность и замещая ее собой. Заяц хотел поднять лапы и ухватиться за ускользящий мир, но уже не мог почувствовать свое тело, а чувствовал другое. Оно лежало спиной на чем-то холодном, твердом и гладком. Последнее, что он увидел, была Крыса. Она вскочила со стула и кинулась к нему с испуганным видом, стремительно растворяясь в свете.

Через секунду, Заяц понял что щурится. Он перевернулся со спины на бок, открыл глаза и увидел собственное мутное отражение. Перед носом оказался черный мраморный пол. Воспоминания неохотно выныривали из глубины и собирались в единую картину, как после долгого бредового сна.

Заяц встал и медленно обвел комнату взглядом. В другом конце виднелся небольшой проход. Несколько минут он шел чтобы достичь его, а подойдя вплотную, увидел что проход занавешен красной тканью. Захотелось позвать Ящерицу, но голос не решался нарушить тишину. Занавес висел в проеме, на металлической перекладине. Розовая лапа потянулась чтобы распахнуть его, но замерла в нерешительности.

«Может здесь безопаснее? — подумал Заяц». Он все сильнее осознавал в каком положении находится. В такой ситуации не на что опереться. Весь прошлый опыт, собранный за всю жизнь, оказывается бесполезен и даже вреден. Мозг не понимает как ему действовать и начинает действовать наугад, перебирая все известные поведенческие шаблоны. Заяц перестал волноваться. Он просто завис и не мог принять логичное решение, как будто

смирился с неизбежным. Красная ткань перед носом гипнотизировала. «Вперед или назад? — повторялось в голове, — Вперед, или назад?»

Только он начал отступать, как внезапно, что-то схватило Зайца за запястье сквозь ткань и резко потянуло к себе. Вместо крика, он крепко зажмурился и сжал челюсти. Кто-то очень сильный затянул его на другую сторону занавеса и держал уже не за лапу, а за шкурку. Все тело напряглось. Несколько секунд показались минутами. Не почувствовав боли, Заяц стал открывать глаза и увидев Ящерицу, испытал мощный душевный подъем.

Волшебник выпустил воротник и посмотрел озадаченно. Морщины на его зеленом лбу, склонялись то в одну, то в другую сторону. Он поднял посох и указал им Заяцу за спину. Тот начал оборачиваться, ожидая увидеть продолжение пещеры, но вместо этого, в глаза ударило громадное пространство...

Полость в форме куба, в сотни раз больше черной комнаты, была вырезана прямо в мраморной толще. Заяц заворуженно поднял голову и увидел потолок. Он был затянута той — же светящейся массой. Ящерица прошел вперед и щелкнул пальцами, чтобы привлечь Заячье внимание. Заяц вздрогнул от резкого звука, опустил взгляд и заметил длинную массивную лестницу ведущую вниз. Волшебник сделал приглашающий жест и не дожидаясь стал спускаться. Босые ноги с эхом зашлепали по гладким ступеням.

Спускаясь все ниже, Заяц издали стал замечать что мраморный пол куба усеян квадратными отверстиями. Размером с лифт, они располагались друг от друга на одинаковом расстоянии и образовывали рисунок напоминающий шахматную доску. Заяц прищурился и закрылся лапой от яркого света. Другой конец куба был почти не различим в сгущающейся дымке. Не выдержав молчания, он слегка дернул Ящерицу за рукав и сказал почти шепотом:

— У меня что-то с памятью, — Заяц поднял глаза и погрузился в воспоминания. — Я помню как сидел в кабинете с Крысой, а потом оказался здесь, но дело не в этом. Есть еще два воспоминания. В одном, я провожаю полицейских и ложусь спать, а просыпаюсь уже

здесь. В другом, ты перенес меня сюда, пока я говорил по телефону, — тяжело вздохнув, он продолжил. — Ты не объясняешь что происходит. Скажи хотя бы, как я попал сюда на самом деле?

— На самом деле... — повторил волшебник и тихо засмеялся.

— И эта странная запись, — Заяц достал смартфон.

В последнем сообщении от Крысы сохранилось два видео. Он показал одно Ящерице. Из динамиков донеслось: «Я делаю так! Так! Так! Вот так вот!» Волшебник аккуратно отодвинул лапу со смартфоном и прошепел улыбаясь:

— Выглядишь глупо.

— И это все что ты скажешь?

— Ты поймешь позже, а пока продолжай вспоминать.

— Так и знал, — Заяц, чувствуя обиду, уже не слушал волшебника.

— Я сказал вспомни, — голос Ящерицы прозвучал угрожающе.

Оставалось только послушаться. Сделав ментальное усилие, Заяц откопал еще одно воспоминание. Оно неожиданно вынырнуло откуда-то из глубины и захватило почти все восприятие. Появилось странное ощущение. Макушка как будто загорелась, но боли не было. В сознании появилась четкая картина: ночное дождливое окно, выходящее на тихую улицу.

Внезапно, расплывчатый силуэт появился на другой стороне. Он встал почти вплотную и перегородил вид. Заяц испугался и оставил кресло чтобы попятиться. Одной лапой он нащупал каминную кочергу, как вдруг из окна полился свет. Силуэт стал стремительно растворяться в нем. Комната тоже начала белеть и скоро стала невидима. Это был конец воспоминания. Заяц перестал ощущать жар на макушке и рассказал все волшебнику. Он кивнул в знак одобрения:

— Хорошо, но теперь попробуй проникнуть глубже.

Горение снова вернулось, но теперь оно охватывало почти весь мозг. Перед глазами всплыло воспоминание, еще более яркое чем прошлое. Заяц увидел далекий странный шпиль. Он вытягивался из земли и конец его чернел за серыми облаками. В этом воспоминании было ощущение критической ситуации. Необходимо было скрыться от чего-то или защитить себя. Заяц

бежал по опустевшей земле к этому шпилю и все время оборачивался назад. В какой-то момент раздался громкий хлопок. Что-то ярко сверкнуло и глаза снова смотрели на потолок черной комнаты.

Это воспоминание вызвало беспричинную эйфорию. Дыхание стало частым и пьянящим. Проглотив побольше воздуха, он описал что вспомнил. Ящерица хмыкнул и кивнул:

- У тебя получается, но в твоём мире вспоминать будет гораздо сложнее.*
- Какой из них мой? — спросил Заяц.*
- Ни один из тех, что ты вспомнил. Вспомнить свой мир, здесь мешает правило. Если научиться нарушать запрет, то можно узнать откуда ты, — волшебник махнул рукой переводя тему. — Попробуй еще раз.*

Заяц сделал еще несколько попыток и скоро понял, что вспоминать можно бесконечно. Мозг стал ощущаться как взрыв. Чем больше событий он вспоминал, тем сильнее становились ощущения. Совсем незнакомые места, времена и языки. Животные, которых он никогда не встречал. Все это мелькало перед глазами как сверкающая карусель. Часто, в этих воспоминаниях присутствовали Ящерица и книга. Два этих образа неожиданно врывались в поток событий и приводили туда, где Заяц был сейчас.

- Я помню много, но не могу понять где реальность, — голос Зайца звучал тихо, как будто разговор шел с самим собой.*
- Пока, не пытайся с этим разобраться, — ответил Ящерица. — Только запутаешься.*
- Почему? — Заяц почувствовал нетерпение.*
- Ты держись за разум. Пытаешься осмыслить происходящее в рамках логики, но не можешь. Спектр происходящего гораздо шире, чем границы логики.*
- Как это понимать?*
- Понять нельзя, можно узнать.*
- Разве это не одно и то же?*

- Нет, — волшебник отрицательно покачал головой. — Знать можно без понимания, без слов и объяснений. Знание о котором я говорю, воспринимается мозгом только от части. Другая его часть не доступна обычному восприятию. Тело даже не может запомнить то, что узнало, — Ящерица повернул голову и увидев, что Заяц ничего не понимает, сказал проще. — Глаза как солнечные очки. Смотря через них, мы не видим часть спектра. Зато, можем комфортно функционировать в мире. Ты стал приподнимать свои очки. Память хранящаяся вне тела просачивается через щель.
- Если нельзя понять, то как узнать?
- Со временем ты снимешь очки, — Ящерица поднял руку. — Все хватит болтать.
- Но у меня еще есть вопросы.
- Последний, — волшебник поднял палец, как бы ставя точку.
- Ну... — протянул Заяц и стал выбирать что спросить. — Почему жаб не умер?
- Он умер, — сказал Ящерица и посмотрел Зайцу в глаза. — Задолго до того, как ты здесь появился. Он умер и его образ попал сюда, как и мой.
- Это значит... — Заяц почувствовал страх и повысил голос. — Я тоже умер?!
- Только один вопрос, — волшебник отвернулся.
- Ответь до конца!
- Разве, ты не чувствуешь себя живым?
- Я умер или нет? — Заяц начал говорить раздраженно.
- Жив тот, кто воспринимает. Смерть существует только для наблюдателя.
- Где-то сейчас лежит мой труп или нет?
- Будь уверен, где-то он точно лежит и не один, — передразнил волшебник.
- И как это понимать?

Ящерица ничего не ответил и ускорил шаг. Лестница кончилась. Тогда, Заяц заметил что спускались они не прямо, а по диагонали, от чего правая стена куба оказалась близко. Обернувшись, он увидел насколько высокой была лестница. Ноги гудели от долгого спуска. Ящерица протянул посох и Заяц взял его без вопросов.

Волшебник сел на последнюю ступень и указал на квадратное отверстие в полу. Оно было десятым, если считать от начала правой стены. Заяц подошел ближе и заглянул внутрь. На глубине примерно трех метров кто-то лежал свернувшись в комок. Лицо скрывалось под широкой темной шляпой. По видимому — он спал.

— Кто это? — спросил Заяц взволнованно. — Я тоже буду так?!

Ящерица засмеялся во всю глотку:

— Нет, — ответил он сдерживая хохот. — Тебе не придется.

Заяц заглянул в одиннадцатое отверстие. Там был другой. По затылку покрытому черными перьями, можно было определить ворону или кого-то близкого. Сетка из таких лунок тянулась по всему мраморному полу куба. Заяц захотел сосчитать хотя бы этот ряд, но увидев расстояние до левой стены, не стал даже пытаться. Сзади зашипел голос Ящерицы:

— Там самое интересное, — он указал на первую лунку.

— Что там? — спросил Заяц.

— Иди посмотри, — отмахнулся волшебник и стал с интересом наблюдать.

Его выражение показалось Заяцу подозрительным. Пройдя вдоль ряда, он заметил что восемь лунок были пусты. Подойдя к первой, Заяц заглянул внутрь. Странная нестыковка сразу бросилась в глаза. Кто-то сидел там точно также, как и в остальных лунках. Его голова была покрыта капюшоном, а из под черной одежды выпадал длинный зеленый хвост. Заяц ощутил как волнение метнулось в груди. Он быстро обернулся и не обнаружил Ящерицы. Сомнений не осталось, волшебник сидел в глубине квадратного отверстия. Сильное беспокойство охватило все тело.

Несколько деревянных ударов раздалось сверху. Заяц посмотрел наверх лестницы и увидел как из-за занавеса выходит что-то большое. Это что-то кряхтело несколькими голосами. Прищурившись, Заяц разглядел нос лодки, а через секунду, показали и те кто ее нес.

Четверо держали лодку с бортов. Они вышли из-за занавеса и с грохотом кинули ее на ровный мрамор. С лохмотьев, в которые были одеты звери, текла вода. Они явно переплыли водоем вручную. Вскоре, вышли еще столько же. Один из них был гораздо больше остальных. Заяц всмотрелся сквозь дымку и с ужасом узнал в нем Жаб. С его толстого тела стекало больше всего воды. Тонкие ручейки заструились по мраморным ступеням. Все восемь голов повернулись в сторону Зайца. Это были: Жаб, Летучая Мышь, Броненосец, Крот, Боров, Ласка, Примат и Хоботковая Собачка Петерса.

— Стой! — заорал утробный голос.

Заяц встал как вкопанный и просто наблюдал за происходящим. Все восемь зверей второпях дотолкали лодку ближе к правой стене и заскочили в нее. Та наклонилась вперед, скрипнула и со стуком поезда, заскользила вниз по лестнице. Скоро, раздался удар и хруст. Лодка вдребезги разбилась. Звери распластались по мраморному полу. План с быстрым спуском, который вначале показался Зайцу довольно умным, провалился. Жаб почти моментально очухался от удара. Он встал с придавленной им Хоботковой Собачки и агрессивно зашагал к Зайцу:

— Сейчас ты свое получишь, подлец!

Пятясь назад, Заяц заметил что струйки воды пущенные сверху, уже стекали с последней ступеньки. Жаб продолжал наступать и ругаться:

— Ты поганец! Я тебя... — не успев договорить, он наступил в образовавшуюся лужицу и со свистом опрокинулся на спину.

Упавшая туша создала глухое эхо. Хрипя и сопя, Жаб снова стал подниматься, и глаза его были в ярости. Он кинулся вперед и уже был готов разорвать розовую шкуру, но нет. Летучая Мышь, заметившая испуганное выражение Зайца, обогнала Жаба и презградила ему путь:

- *Остановись!* — ее стрекочущий голос звучал как-то музыкально и нараспев. — *Ты что, не видишь? Он ничего не понимает!*
- *Что?* — Жаб остановился и посмотрел недоверчиво.
- *Ты в непростой ситуации,* — сказала Мышь обращаясь к Зайцу. — *Как и мы,* — она подняла лапки и показала ладони, как бы в знак примирения и стала немного приближаться. — *Давай поговорим и разберемся. Уверена, мы сможем друг другу помочь.*
- *Где я?* — спросил Заяц выставя посох как копье. — *Кто вы и почему не сидите в этих ямах?*
- *Мы такие же как и ты,* — ответила Мышь и подошла еще ближе.
- *Зубы мне не заговаривай и стой на месте,* — Заяц звучал злобно и выглядел озверевшим. — *Мне терять нечего.*
- *Успоко...* — начала Мышь, но ее резко прервали.

Все произошло очень быстро. Из-за спины Жаба выскочил Крот. Он оскалился и побежал на Зайца, выставив вперед свои когти. Неожиданно для себя, Заяц со всей силы размахнулся. Раздался глухой стук и посох задрожал. Удар отдался в лапах. Крот схватился за череп и отполз в сторону.

Тогда, Жаб прыгнул вперед и поднял Зайца за уши, но сразу же получил посохом в глаз. Он взвыл от боли и швырнул Зайца в сторону. Тот пролетел несколько метров, ушибся о пол и упал в одно из квадратных отверстий. Падение смягчилось о чье-то тело. Оно встrepенулось, скинуло упавшего со спины и оглушительно зажужжало. Звук напомнил дребезжание мотоциклетного двигателя. От громкости закладывало уши. Заяц, качаясь, встал и посмотрел вверх.

В шахте мраморной ямы парил Мух. Его прозрачные крылья создавали ветер, а красные глаза светились собственным светом, как две кровавые луны. Снаружи застрекотал голос Мыши. Он звучал взволнованно, но шум не позволил разобрать слов. Вдруг, Мух взметнулся вверх и вылетел из ямы. До Зайца донеслись обрывки фраз:

- *Ловите! Ловите его! Он всех разбудит!* — Жаб кричал как никогда громко.

Заяц старался определить по звуку что происходит. Жужжание стало глуше. В этот момент, Заяц ощутил как по стенам ямы пошла вибрация. Когда она кончилась, звук снова стал громким. Так происходило несколько раз. Вибрация возвращалась и уходила, чтобы вернуться снова. В уме всплыла догадка: Мух по очереди залетает в каждую из лунок и будит спящих зверей. Не ясно было, радоваться этому или бояться.

Вскоре, к жужжанию Муха стали прибавляться другие звуки. Топот, хлопанье крыльев, звериные крики и рычание. Все они медленно нарастали, сливаясь в гул. Голос Жаб был уже не слышим, потерялся в общей какофонии. Заяц тихо сидел и смотрел из ямы вверх. Казалось, о нем все забыли и даже Ящерица, который наверняка уже проснулся, не стал его искать. Снаружи, хаотично замелькали силуэты. Они тенями пробежали по краю ямы и быстро скрывались. Внезапно, сверху послышались разговоры:

- Где, говоришь тут?*
- Да там, там! — чья-то голова заглянула к Заяцу и отбросила тень.*
- Вот он! Вот он, нашли! Нашли! — ор поднялся невероятный, еще несколько голов заглянули в яму.*
- Будите! Передайте ему! — звери кричали и радовались, они тыкали пальцами и расталкивали друг друга, чтобы посмотреть.*

Заяц покрепче схватил посох и стал готовиться к худшему.

Любопытные продолжали прибывать и толпа вокруг ямы росла. Те кто имел крылья, взлетали над ней и рассматривали происходящее сверху.

Вдруг, зверей прервал чудовищный смех. Он был такой низкий и громкий, что смог прорвать толщу криков и достичь заячьих ушей. Тембр резонировал с пространством и отдавался дрожью в теле и мраморе. Все внимание Заяца было захвачено этим глубоким ржанием.

Зрение стало размываться и веки отяжелели. Чувство сонливости наполнило все тело. Сопротивляться было невозможно. Заяц пару раз дернулся, попытавшись встать, но тщетно — ноги не слушались. Голова мягко опустилась на колени и сознание прервалось резко, как законченная пленка...

Вокруг чернильная тьма. Не чувствуя тела, Заяц буквально осязал как увиденное стремительно исчезает из памяти. Не до конца, но точно так же, как происходит со снами во время пробуждения. Как будто шелковый платок выскальзывающий из ладони.

Это длилось несколько секунд, пока он не почувствовал легкое прикосновение за ухом и придя в себя, понял что стоит на ногах. Реальный мир снова окутал ощущениями. В голову снова вторглись дела, реклама, привычки, мнения — вся жизнь. Глаза медленно открылись. Напротив стоял Селезень с бейджиком консультанта и держал что-то в крыле:

— Ага, работает, — сказал он отходя к прилавку. — Если что, гарантия шесть месяцев. Сейчас упакую...

Заяц замер, и глаза его светились. Пораженный живостью сеанса, он воскликнул:

— Удивительная технология!

— О! Это еще только тест, — Селезень говорил горделиво, стоя у прилавка и шурша пакетами.

Просторный торговый зал был заставлен прозрачными стеллажами с товаром. Сзади ждала длинная очередь. Караван из животных тянулся от самого входа и даже заворачивал за угол. Они толкались, шумели каждый о своем и выглядывали из-за спин.

Консультант вернулся с пакетом и отдал Заяцу. Тот кое-как протиснулся на улицу, чтобы вскрыть его. Туфли со стуком ступили на тротуар, и теплый ветер развеял галстук. Зенитное Солнце заставляло щуриться. Разорвав слой упаковочной бумаги, Заяц освободил белую коробку и прочел заглавный текст: «Nataraja VONE: Virtual Open Neural Environment». В центре размещалось изображение. Это был круглый металлический объект, похожий на толстую, очень маленькую монету со светящимся ободком. Заяцу

понравился дизайн коробки. Он испытывал нетерпение, желая вернуться домой и уже по настоящему опробовать новую игрушку.

С обратной стороны коробки нашлась инструкция к применению: «Чтобы синхронизироваться с VONE, поднесите нейрочип за ухо и слегка надавите. Устройство само примагнитится и будет держаться неограниченный срок. Для более развернутой информации прочтите пользовательский буклет в комплекте с VONE».

Когда инструкция была дочитана, сзади раздался стук по стеклу. Обернувшись, он увидел витрину, но не она захватила его внимание, а то что было в ее отражении. Если бы память о сеансе оказалась стерта под чистую, Заяц подумал бы что в городе начались беспорядки.

Армия зверей наводнила проезжую часть, всю улицу и очевидно выходила за рамки витринного стекла. Они мутными пятнами носились в отражении и запрыгивали на проезжающие машины. Те кто умел ползать и летать, забирались на стены и в окна соседних домов, мелькая внутри как какой-то рой. Все происходило абсолютно бесшумно. Реальная улица вела себя как обычно.

— Эй! — продребезжал стесненный преградой голос.

Кто-то говорил из зазеркалья. Зрение сфокусировалось на силуэт стоящий вплотную к витрине. Кто-то смотрел из глубины отражения и ожидал ответа. Заяц тут же узнал в нем Ящерицу волшебника. Ум мгновенно нашел объяснение: нейрочип неисправен, поэтому сеанс не закончился, а по ошибке наложился на реальность и получился эффект похожий на сонный паралич. Эта версия позволила взять себя в руки.

Розовая лапа нашла в штанах ключи с брелком, и палец нажал на кнопку. Из переулка прозвучал характерный для открывшейся машины звук. Меньше чем через минуту, Заяц сидел за рулем и искал на карте ближайший сервисный центр «VONE». Он уверял себя в том, что все это просто временное помешательство, из-за отсутствия привычки.

— Слышишь? — голос прозвучал так же сдавленно, как и в первый раз.

Заяц вздрогнул от неожиданности. В зеркале, сзади сидел Ящерица.

Он держал посох и книгу:

— *Нам нужно ехать к золоту. Я покажу куда, — волшебник твердо кивнул и приказал ехать.*

— *Ты почему тут? — Заяц перевел тему и повернулся в кресле, пытаясь увидеть пришельца без зеркала.*

— *А ты? — отозвалось пустое заднее сидение.*

— *Я имею в виду, как ты сюда влез? — поняв, что Ящерица виден только в отражении, Заяц снова сел прямо.*

— *Куда? — зеленые глаза сверкнули.*

Устав от бессмысленного разговора, Заяц огрызнулся:

— *Ты понял куда...*

— *Это ты не понял, — прошипел волшебник. — Мы влезли в твой субъективный мир. Теперь хотим в объективный, ко всем этим зверюшкам, — Ящерица улыбнулся и показал пальцем в окно. Он говорил с Зайцем, как с совсем маленьким детенышем. — Нужна дверь. Золото — дверь.*

— *А я-то здесь при чем? — Заяцу захотелось побыстрее разделаться со всей этой чушью.*

— *Ты — комната, золото — дверь. Давай лапу, я покажу куда ехать.*

Соппротивление не имело смысла. Это ощущалось в воздухе. Розовая лапа убралась с руля и приготовилась принять зеленую кисть. В тот же момент, волшебник положил на нее свою ладонь.

Мир потух как свечка. Прикосновение было последним ощущением. Затем, все схлопнулось в ничто и раскрылось вновь. Перед глазами появилась какая-то дрожащая черная точка. Вокруг нее был прозрачный ореол, как у черной дыры на картинках. Темная пустота, подобно воде завибрировала от дрожания, и пространство снова предстало перед глазами. Точка исчезла, и в мир вернулись звуки и чувства.

Заяц очнулся, услышав оглушительно дикий колокольный звон.

Первый взгляд был брошен вперед, на собственный капот. Там, пристыв к

серебристой краске, стояла и горела тонкая черная свечка. Он поднял глаза в лобовое стекло и замер. Впереди громоздился вековой храм, а из его зеркального золотого купола, подобно саранче изрыгалось полчище разнообразных зверей. Десятки тел, всяческих форм и размеров, выныривали из отражения и мягко планировали на Землю. Несколько из них забрались в звонницу и стали долбить в колокола.

Испытав ужас, Заяц быстро вылетел из машины, чтобы забежать в ближайшее укрытие. Ворота храма, прогрохотав захлопнулись. Розовые лапы с силой задвинули ставни. Какое-то время, он стоял на изготовке и прислушивался к звукам снаружи. Стук сердца отдавался в животе и пульсировал под прижатыми к двери ладонями. Мысли заматались в голове. Думалось, что сеанс не просто наложился на реальность, а вообще не закончился. Заяц тронул себя за ухом, проверяя отсутствие чипа.

Сзади, чуть слышно зашаркали чьи-то шаги. Старый служитель опасно пробирался сквозь полумрак, освещая путь маленькой свечкой:

- Зачем двери закрыли? Тут все окуренно.
- Не надо открывать! — закричал Заяц разворачиваясь.

Служитель никак не отреагировал, а только поднес свечку, чтобы лучше разглядеть лицо:

- Слушай, что-то глазенки у тебя безумные, — сказал старик подозрительно.
- Надо прятаться, быстро!
- Что?! — старик приблизил глухое ухо, чтобы расслышать сквозь бой колоколов. — Да кто там так долбит?!

В этот момент, за дверью раздался удар. Что-то тяжелое упало и раздробило асфальт. Звон почти мгновенно стих. Служитель, с широкими глазами приложил палец к губам и медленно направился к двери. Его дрожащая рука повернула какую-то ручку и открыла смотровое окошко:

- Ой-ой-ой, — выглянув наружу, он тут же отпрянул и быстро зашаркал в глубь храма. — Свят-свят-свят, господи!

Заяц тихо попятился, переступая с носка на пятку. Неожиданно, в окне показалось что-то серое и бесформенное. Оно с силой попыталось протиснуться, отколов от проема несколько щепок и замерло. Продолжая пятиться, Заяц не сразу понял что это такое, но когда пригляделся, обомлел и встал на месте.

Сердце бешено забилося. Хотелось закрыться лапами чтобы не видеть, но тело не позволяло двинуться. Мысли о нереальности происходящего сразу исчезли. Инстинкт самосохранения не позволял думать об иллюзиях. Нужно было спасать свою шкуру, вне зависимости от того, реальна она или нет.

Большое каменное лицо уперлось в края окна и со сверхъестественным давлением смотрело внутрь. Два маленьких ядовито-желтых глаза просверлили Заяца. Тяжелая челюсть отвисла и изо рта грянул чудовищно радостный низкий вопль. Эхом обогнув залу храма, он перешел в смех, а затем, как гром последовало слово:

— Солахх!

Лицо исчезло, и дверные ставни затрещали. Резкий хруст ударил по ушам. Судя по тому, как быстро распахнулась дверь, существо даже не заметило что она была закрыта. Древесные ошметки разлетелись по полу, и в храм проник дневной свет.

Каменный Гигант предстал во весь рост. Его широкая улыбка была такой счастливой, что граничила с сумасшествием. Если бы каменный рот источал слюни, они бы залили весь подбородок. Заяц отвлекся от лица и увидел странные ноги. Две длинные толстые Змеи держали Гиганта на своих сильных телах. Такие же каменные, они извивались и шуршали. Звук был похож на щебень катящийся с горы.

Гигант расставил мощные руки и пополз, как огромная шахмата. Ужасные секунды оцепенения. Оставалось каких-то несколько метров, когда Заяц поднялся в воздух. Что-то подхватило его сзади за пиджак и пронесло над каменной головой к выходу. Яркий солнечный свет овеял лицо теплом. Внизу забегали звери. Они кричали, смеялись, выворачивали мусорки, копали землю,

висели на деревьях и делали еще множество беспорядочных действий. Это был дикий праздник. Несколько крылатых существ хотели броситься в погоню, но их остановил чудовищный рев Гиганта:

- Кхер ма-а! — каменная рука схватила Жука, по несчастью взлетевшего рядом и разможила его о ступени храма. — Солакх н'цаг сурэкс ма-ар?! — Гигант рычал непонятные слова и стрелял взглядом по зверям.

Больше никто не взлетал. Тело убитого пожужжало секунду, заглохло и немедленно распалось на обломки, став чем-то вроде пепла. Тут же, из купола вылетело идентичное насекомое и приземлилось. В памяти сверкнула картинка: вспомнился Жаб и его истлевший раньше времени труп.

Асфальт быстро отдалился под болтающимися туфлями. Очнувшись от оцепенения, Заяц вздернул голову вверх и увидел Летучую Мышь. Та даже не посмотрела в ответ. Два больших восторженных глаза смотрели куда-то вдаль. Она заливалась смехом, глубоко дышала и в общем, была абсолютно счастлива без видимой на то причины. Заяц даже перестал бояться. После пережитого потрясения, все стало как во сне. Он завороженно наблюдал, как по ее выражению перетекают эмоции. После очередного глубокого вдоха, Мышь заговорила:

- Какое теплое Солнце! Я хочу ощутить Землю! Куда здесь можно приземлиться?
- Тот дом, — сказал Заяц, дрожащим от высоты голосом и поспешно указал на отель в котором снимал номер.

По направлению розовой лапы, они пролетели еще некоторое расстояние и сели на тротуар перед входом. Заячьи подошвы проскользили и старательно въелись в асфальт, чтобы не упасть. Приземлившись, Мышь скакнула на газон, повалилась на короткую траву и стала кататься и хохотать от удовольствия. Она игралась как маленькая, а прохожие топали мимо и делали вид, что ничего не замечают.

Заяц пригляделся и только сейчас заметил что она была одета в какую-то древнюю накидку. Темно —серая складчатая ткань обвивала тело и

спускалась двумя лепестками к икрам. Все это напоминало эллинский костюм. Мышь заметила его взгляд и встав с газона, прокрутилась по оси, показывая себя:

— *Нравится ткань? В этом меня похоронили, — она говорила, сияя глазами.*

Несколько секунд, Заяц переваривал услышанное, но потом решил что проще принять все странности до выяснения:

— *Нравится, — Заяц открыл стеклянную дверь отеля и позвал внутрь.*

— *Пошли быстрее! Как ты можешь веселиться в такой ситуации?*

— *Это у тебя ситуация, а у меня освобождение, — она вошла внутрь, всем видом выражая свою неподконтрольность.*

Осматривая и трогая все вокруг, Мышь последовала за Зайцем. Тот вошел в дверь, поднялся по лестнице и пройдя по коридору открыл номер ключем. Оказавшись внутри, Заяц кинулся к телевизору и включил новости. Это первое что следовало проверить. Когда телевизор включился, Мышь слегка дернулась и подошла поближе, всматриваясь в матрицу.

На экране, оператор бежал за репортершей и лихорадочно тряс камерой. В уголке краснел значок прямого эфира. В кадр попали полицейские мигалки и заградительные растяжки. С удивлением, Заяц увидел что Гигант и армия зверей бесследно исчезли. В левой части экрана появились видеозаписи вторжения, снятые на смартфоны. Репортерша устроилась в кадре и заговорила со зрителем:

— *Эти кадры облетевшие интернет, были сделаны именно здесь, на этой парковке, буквально час назад. Наша группа оперативно прибыла на место происшествия, чтобы разобраться и отыскать очевидцев. А вот и первый из них! Это сотрудник храма, находившийся на службе прямо в момент происшествия. Здравствуйте, расскажите что здесь произошло?*

— *Я... Я ничего не знаю, — старик заикался и мельтешил зрачками. — Я просто выглянул, значит, а оно взглянуло, а я уже все! Я уже не мог смотреть! Послушайте, оно такое огромное, а за ним эти*

взъерошенные... — служитель продолжал что-то рассказывать, но Заяц уже не слушал.

Увидев в экране свою оставленную незапертой машину, он достал из кармана ключ и нажал кнопку автопилота. На маленькой голограмме брелка, появилась иконка машинки и траектория ее движения. Серебристый электрокар проехал в новостном кадре. Никто не заметил, но на заднем сидении был чей-то темный силуэт.

— Видимо, все по правде, — сказал Заяц, хватаясь за голову. — Что происходит? Расскажи мне все.

Мышь отвернулась от телевизора и заговорила:

— Я расскажу как все было с моей стороны, но это не раскроет тайны.

— Этот огромный, он кто? — Заяц задал вопрос, который беспокоил его больше всего.

— Не знаю. Если ты не будешь перебивать, то я смогу начать.

— Сейчас, только телек выключу.

Путешественники могут улавливать знание как запахи. Под дуновением воли, оно слегка заметной пылью оседает на внимание, в виде интерпретаций. Это похоже на бессловесный шепот, обращающийся напрямую к нервной системе. Такой тихий шепот, что путешественник часто не замечает, как начинает его слышать. Сначала, он путает шепот с собственными мыслями и считает случайной фантазией, но с опытом, ощущение становится более оформленным. Путешественник учится безошибочно определять его присутствие и получает способность знать по желанию.

Это один из способов получать знание, но есть и другие. Например: некроманты используют различные инструменты, чтобы общаться с образами мертвых людей. Эти образы не являются теми существами, что когда-то ходили по Земле в человеческом теле, но они обладают памятью и характером человека. Можно сказать, что это отпечатки витающие над слоями мира. Образы осознают себя. У них есть цели, желания и чувства, но нет тел. Они смеются по-другому, без спазмов и химических реакций. На самом деле, некромантия не самое подходящее слово. Никто не общается с мертвыми, в том смысле, в котором представляют фильмы и книги. Это очевидно, потому что среди образов можно встретить персонажей из массовой культуры, и даже Зайца.

Он как раз собирался выключить телевизор, чтобы выслушать рассказ Мыши, но посмотрев на экран, остановился. Репортерам не удалось найти веских доказательств вторжения. Такие ролики легко рендерились на облачных нейросервисах, по текстовому запросу. Посчитав видеозаписи фейком, новости сменили сюжет. Ведущий сидел за стойкой и рассказывал про очередной скандал:

«После старта продаж нового нейрочипа “Nataraja”, пользователи возмутились грубым вмешательством корпорации “VONE” в их личную

виртуальную среду. Покупателям не понравилась рекламная интеграция, которая по их мнению нарушает цифровую конвенцию о свободной воле. Поступают сообщения о том, что чип принудительно берет управление над цифровым телом пользователей и ставит их в позу танцующего бога Шивы. Шива — маскот рекламной кампании “Nataraja VONE”. Популярные инфлюенсеры по цепочке запускают двусмысленный протестный хэштег с лозунгом: “#ставьменякакхочешь”. Одноименный тренд набирает популярность на платформе “Tup Top”. Суть протеста в том, чтобы встать в самую неудобную позу и продержаться в ней дольше всех. Однако, на фоне недовольств, токен “VONE” продолжает расти в цене. Глава CEO корпорации пообещал решать все вопросы, по мере поступления жалоб. Каждый может подать свое предложение, написав на официальную почту: “vonefly@joojle.com”»

- Ублюдки! — возмущился Заяц. — Им плевать... — он погасил телевизор щелчком пальцев и стал расхаживать, раздраженно почесывая затылок.
- Кому и на что? — спросила Мышь, сидя на диване.
- Да всем, на все... — он махнул лапой в пустоту и посмотрел на нее. — Расскажи что ты помнишь.
- Первое что я помню — это свет.
- Какой свет? Где ты была тогда?
- Нигде. Меня не было.

Несколько секунд, Заяц пытался понять что это может значить.

Остаточная память о нейросеансе еще тускло мерцала за горизонтом восприятия. Нельзя было точно сказать, что действительно произошло, а что было допридумано интуитивно. Как с детскими воспоминаниями. События больше походили на набор настроений, чем на оформленную последовательность. Теперь память была наполнена этим миром: прошлым днем, когда Заяц прилетел в город по делам, и всеми днями до, обычными и ничего не предвещавшими. Очень странное чувство — вынырнуть из сна и

обнаружить, что тот вынырнул за тобой. Не найдя логики, он завертел головой в несогласии:

- Бессмыслица.
- Может и так, но это правда. Сначала был свет, а потом... — она задумалась, смотря куда-то в угол комнаты. — Щелчки... Много щелчков. Как будто кто-то бросил кости, или что-то подобное. И тогда, я начала вспоминать себя, а свет начал тускнеть, пока я не почувствовала, что могу открыть глаза и увидела небо и золотой купол. Как-то само собой получилось, что я залетела за тобой в те ворота, — она сделала паузу и посмотрела на Зайца внимательно. — Я вижу, ты не понимаешь.
- Не понимаю, — согласился тот, хмуря брови. — Это все ничего не объясняет, только глубже запутывает.
- Я не могу этого объяснить, но помню что свет был живой, ослепительный и вибрировал, а щелчки, по ощущениям, были похожи на рождающиеся презрады или что-то такое, не знаю. Вот представь, — ее крылья развелись в широком жесте, указывая на что-то массивное, а затем, стали сближаться резкими рывками, как будто уменьшая представляемый объект. — Мутные стекла одно за другим накладываются друг на друга, с каждым щелчком. Понимаешь? И свет тускнеет, и остается только помутневшая память, из ниоткуда. Это так ощущается, как будто я наоборот забыла, а не вспомнила... — она договорила и стала ждать реакции.

Заяц смотрел с недоумением. Разговор ушел в темные кусты. Чем больше она говорила, тем сильнее становилось не по себе. Он сел в кресло напротив и говоря, стал теревить пальцами подлокотник:

- Я так ничего и не понял.
- Ну... — протянула Мышь, подняв щепоть пальцев, словно пытаясь ухватить тонкую суть и передать ее Зайцу. — Свет как бы потускнел и осталась я... — она говорила отбивчиво, надеясь, что он уловит, но по выражению поняла, что объяснение совсем

несъедобное. — Как сон. Сам разве не знаешь? Последнее что помнится довольно отчетливо, это как я оказалась в городе и намеренно влетела в купол. До этого все слишком сумбурно, чтобы говорить уверенно. Неотчетливо, как будто там была не я, а персонаж сна.

— *Постой, — Заяц остановил ее жестом. — Ты влетела в купол, увидела свет и вылетела из отражения?*

— *Нет, свет был до всего. Память о том что я влетела в купол появилась после. Это как впервые проснуться ото сна.*

— *Ладно, жук с этим светом, — Заяц показал ладони, желая пропустить все непонятное. — Ты помнишь свою смерть, пещеру, книгу, что-нибудь?*

— *Помню книгу и некоторые размытые кадры: здание с колоннами, горы, берег, чей-то сад ночью и себя мертвую.*

— *В смысле себя мертвую? — Заяц стал ковырять обивку кресла еще усерднее.*

— *Я видела себя лежащую на каменной плите. Меня одевали в эту тунику, — она посмотрела на себя и разгладила ткань. — Кажется, мое тело сожгли. Я помню огонь и треск.*

— *И ты оказалась в пещере?*

— *Не совсем, — Мышь улыбнулась, как бы прося прощения за неясный рассказ. — Я понимаю о какой пещере ты говоришь, но с моей стороны все выглядело иначе, чем с твоей. Не могу подобрать слов...*

Мышь остановилась, и Заяц почувствовал что-то странное. Ему показалось, что он уже знает ответ, но не может облечь его в слова. В голову пришел не визуальный образ странной петли, или чего-то подобного, что тянется из его глаз к глазам Мыши и обратно. Ощущение захватило все внимание. Он понял что говорит с чем-то совсем иным, непохожим. В груди и животе зажглось неприятное волнение. Ситуация показалась такой невменяемой, что неясно было, рационально это чувство или нет.

Раздался громкий писк и Заяц слегка вздрогнул. Ключи, лежащие на журнальном столике, подали звуковой сигнал, означающий что машина подъехала к хозяину. В экранчике на мгновение замигал значок открытой двери и сразу же исчез. Это побудило встать с кресла:

— *И сейчас ты видишь иначе?* — спросил Заяц, осторожно отходя к окну.

— *Да, но я не смогу описать как,* — Мышь тоже встала.

Машина припарковалась вдоль бордюра, прямо у входа в отель. Заяц не заметил ничего необычного, кроме черного воскового пятна, оставшегося от горевшей на капоте свечи. Редкие дождевые капли, как резиновые отскакивали от гидрофобного покрытия и оседали на кузове в виде прозрачных шариков. Собирался ливень. Еще недавно голубое небо стало зарастать темными барашками туч. На дорогах появилась легкая туманная дымка, вихрящаяся между колес. Прохожие, как и положено по алгоритму, ускоряли шаг и прятались под капюшоны и шляпки зонтов.

В номере зазвонил телефон. Заяц недоверчиво подошел к столику и снял металлическую трубку. Голос администратора попросил спуститься на первый этаж, чтобы встретить знакомого у стойки регистрации:

— *Но у меня здесь нет знакомых,* — заверил Заяц.

— *И все же, господин в возрасте знает вас и надеется что вы спуститесь. Конечно, администрация ни к чему вас не обязывает, только ставим в известность.*

— *А можете дать ему трубку?*

— *Хорошо, сейчас.*

В динамике послышалась возня с телефоном, а затем чье-то дыхание и голос, который Заяц сразу же узнал:

— *Алло. Так тут говорят?* — Ящерица был в приподнятом настроении и шипел больше обычного.

— *Так и знал что это ты,* — ответил Заяц, не вполне дружелюбно. — *Что ты хотел?*

— *Выползай из норки.*

— *А если я не хочу?*

— Придется выкуривать, — прошипел волшебник и тихо посмеиваясь, положил трубку.

Испытывать на себе выкуривание не хотелось. Заяц недовольно фыркнул и снял пиджак с крючка. Мышь, кажется, слышала разговор и уже ждала у двери, смотря почти сочувственно. Они спустились вниз и с последнего пролета стало видно стойку администрации. Ящерица стоял облокотившись и улыбочиво разговаривал о чем-то с сотрудниками отеля:

— Вот мой друг, о котором я вам рассказывал, — он указал на спускающегося Зайца, и два развеселенных лица его собеседниц выглянули из-за высокой стойки. — Топ, топ, топ, топает малыш! — он явил в ритм с Заячьими шагами.

— Кого вы пустили? — парировал Заяц, подходя ближе. — У него даже обуви нет. Что о вас напишут в отзывах?

Сотрудницы быстро взглянули на босые зеленые лапы. Одна из них согнулась в смехе, пока вторая, сдерживая веселье стала указывать на выход, обращаясь к странному гостю:

— Извините, прошу вас покинуть зал. К нам действительно нельзя в таком виде.

— Что ж, на этот раз ты меня сделал, — Ящерица говорил улыбаясь и схватил Зайца за плечо, когда тот подошел вплотную. — Отзывы, жалобы — это твоя стихия. Ну, пойдем, — он позвал за собой и первый зашлепал по гладкой плитке к выходу.

Мышь наблюдала за всем с любопытством. Она последовала за Зайцем, и все трое вышли на промокшую улицу. Волшебник с удовольствием потянулся. Заяц немедленно подбежал к машине и стал причитать, отдирая воск с капота:

— Вот надо же было напоганить, — проворчал он и занес сжатую горсть с воском над мусоркой.

Ящерица остановил его, схватив за запястье и отобрал содержимое лапы:

- Спасибо, что не стал выбрасывать мой тысячелетний активный воск.
- Этот мусор? Да забирай, — сказал Заяц, стряхивая последние крошки с пушистой ладони.

Он явно был обижен за все что произошло и считал Ящерицу ответственным. Волшебник не обратил внимание на эту выходку и продолжал улыбаться. Мышь стояла рядом и тоже выглядела веселой. Она привлекла внимание и по-детски предложила, указывая на машину:

- А давайте прокатимся?!
- Да, нам пора ехать, — согласился Ящерица и стал дергать ручку водительской двери.
- Перестань! — огрызнулся Заяц. — Куда вы собрались на моей машине?! Не хотите нормально объяснить что происходит?! У меня уже крыша едет!
- Не хотим! — радостно сообщила Мышь и заскочила на заднее сидение, через оставленную незапертой дверь.
- Всему свое время. Ты узнаешь больше, когда мы приедем на место, — успокоил Ящерица. — Я хочу повести. Давай ключи, — он выставил ладонь и посмотрел выжидающе.

Заяц удивленно взглянул на ладонь, затем на него и сказал, садясь за

руль:

- Абсурд! Ты себя видел? — он захлопнул дверь и жестом показал, чтобы Ящерица обошел машину и сел рядом.

Тот так и сделал. Усевшись внутрь, он махнул рукой в неопределенную сторону, как бы говоря «поехали»:

- Куда? — спросил Заяц нажимая кнопку зажигания.
- Что не знаешь? — загадочно прошипел волшебник и резко хлопнул в ладоши.

Звук показался таким хлестким и оглушительным, что Заяц на миг зажмурился, а когда открыл глаза, обнаружил себя сидящим на пассажирском сидении:

— Эй! — возмущился он, все еще держась за воздух как за руль. —
Машина арендована, ты ее разобьешь!

— Не ори, — спокойно прошипел волшебник, сидя на водительском и
пробуя руль. — Я просканировал здешнее информационное облако.
Теперь, я умею водить и знаю что такое «мандопоп», — громко
заржав, он застучал ладонью по приборной панели и сильно хлопнул
Зайца по ноге, так, что тот подпрыгнул на сидении и ударился
макушкой об обивку крыши.

Мышь, до этого спокойно сидевшая сзади, подхватила волну и тоже
стала смеяться. Она прислонилась лбом к обратной стороне пассажирского
сидения, на котором сидел Заяц, и ободряюще затрясла его за плечи. Тот
глядел на Ящерицу, потирая ушибленное место и казалось, был готов
взорваться, но каким-то образом, настроение передалось и ему. Он перестал
злиться и сдержав смех, негромко сказал:

— Я с вами точно с ума сойду. Мне не смешно. Это уже истерика.

Ящерица вырулил на дорогу и Заяц, ожидающий аварии, спрятал лицо
в ладони и стал не глядя говорить под руку:

— Я не могу смотреть... Только не на красный! Ой, мама!..

Продолжая приговаривать, он со все еще закрытым лицом
наклонился к коленям и сидел так какое-то время, пока не заметил, что смех
стих. Замолчав, он почувствовал, что машина не едет и спросил:

— Эй! Все, приехали?..

Ответа не последовало. Только тонко свистела крошечная тишина,
как бывает в глубокую бессонную ночь. Ни шороха, ни гула машин снаружи, ни
звука... Заяц подумал, что у него заложило уши и отвел лапы от глаз, чтобы
посмотреть вокруг.

В салоне никого не оказалось. Машина стояла в старом центре
города на пустой ночной дороге. Вдоль нее твердели невысокие здания,
перемежавшиеся узкими затененными переулочками. Впереди, там где
кончалась улица, виднелась каменная речная набережная, в небе над которой,
сияла красная как светофор луна. Только она освещала пространство, играя

бликами в далекой водной ряби. Ни в одном из окон, как и в уличных фонарях, не теплилось даже огонька света.

Попытка завести двигатель ни к чему не привела. На экране бортового компьютера мигал значок разряженной батареи. Заяц стал сильно нервничать и не особо веря в результат, а больше для собственного успокоения, попробовал обратиться в пустоту, предполагая что это все странная шутка Ящерицы волшебника:

— Ну хватит, я понял! Верни меня обратно... — ненадолго прислушавшись, он добавил. — Пожалуйста... Ящерица?

Ответом снова была тишина. Тогда, Заяц включил радио и запустил поиск ближайшей волны. Указатель забегал по шкале, сканируя все возможные частоты. Не прошло и нескольких секунд, как трансляция была найдена. Это было очень неожиданно. Колонки зашипели каким-то знакомым ретро. Это явно была кавер-версия, потому что Заяц помнил как звучит оригинал этой столетней песни, из сборников со старыми хитами. Бархатный и глубокий женский голос нараспев вытягивал жуткие, в данном контексте, фемалистически-доминантные фразы:

«Если спросят меня, где взяла
Я такого зайчишку сладкого
Я отвечу, что угнала
Как чужую машину "девятку" я...»

В течении следующего четверостишия, звук стал перетекать в задние колонки и вскоре, полностью сконцентрировался там. Одновременно с этим, затихла минусовка и Заяц сковало страхом. Он отчетливо услышал, что голос звучавший из колонок, теперь тихо поет ему почти в самое ухо:

«Я ждала тебя, так ждала
Ты был мечтою моей хрустальной...»

В зеркале заднего вида показалась черная как нефть Саламандра. Совершенно голая, она отражала красный свет луны своей почти зеркальной

кожей. Обе ее ладони мягко обхватили заячью голову и от прикосновения пожелтели. Это был какой-то ядовито-яркий пигмент.

Заяц пришел в ужас! Ее руки держали достаточно крепко, чтобы не дать отвернуться от зеркала. Дрожа всем телом, он почувствовал как страх все сильнее сжимает хищную пасть. Дрожь становилась такой интенсивной, что скоро стала одним бесконечным спазмом, сковавшим мышцы и кости.

Саламандра неспешно приблизилась и звучно дыша, облизала розовую щеку своим длинным языком. Ее губы и часть лица тоже налились желтым.

На этом пиковом моменте, Заяц внезапно увидел вспышку. Ослепительная вертикальная полоса белого света прочертила середину взора и как будто распахнула вторые глаза. Продолжая видеть происходящее в салоне, Заяц на каком-то ином уровне увидел чудовищного величия каменные врата.

Светло зеленые, они содержали в своем центре выпуклый греческий крест. В таком цвете, он напоминал знак аптеки. Полоса света оказалась просветом между громадными створками, и сияние разрослось настолько, что лучи стали невообразимым образом просачиваться сквозь монолитный камень.

Чувство от вида этого света нельзя назвать просто страхом. Это была дикая смесь из ощущений, ранее не испытанных. Если называть страх «животным чувством», то страх света — это испуг другой глубины. Дрожащая в ужасе воля, просвеченная насквозь.

Свет заговорил: из-за врат зажужжал громкий гранулированный как электронный синтезатор голос. Заяц не смог даже на мгновение запомнить, что тот сказал. Смыслы вымывались из памяти сразу, как только звук достигал сознания. В один из моментов, голос как бы заплунул на полуслове и подобно зависшему компьютеру, стал быстро повторять один и тот же слог:

— Ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва... — звук отдаленно напоминал металлическое дребезжание циркулярной пилы. — Невыносимо, — сказал голос, и все схлопнулось.

Реальность — газовое облако, кружащееся вокруг сверхмассивной черной дыры. Я маленькая звездочка на спокойном краю водоворота. Газ до последнего момента скрывает от меня бездну в которую все уносится. Беспричинный страх — проблеск в стене газа. Через него я мельком могу увидеть ее. Когда-нибудь, она поглотит меня, как делала уже множество раз. Пустая глухая тьма...

Заяц проснулся резко как от хлопка и попытавшись вдохнуть, захлебнулся чем-то соленым. Инстинкт заставил вздернуть голову. Лапы потянулись к глазам, чтобы вытереть непонятную жижу. Веки с трудом разлепились, и перед носом оказалось собственное отражение. Мокрая взъерошенная морда посмотрела из миски с супом и шмыгнула. Несколько долгих секунд он наблюдал за плавающими на поверхности дольками шампиньонов.

Голова пуста. Последние события запомнились яркими размытыми пятнами. Это похоже на первые минуты после наркозного сна, когда пациент еще не вполне готов снова управлять собой. В теле ощущалась качка, как будто вестибулярный аппарат не мог разобраться с положением.

Очнувшись от оцепенения, Заяц поднял взгляд и медленно осмотрел пространство. Пришлось двигать только зрачками, чтобы не тревожить кружащуюся голову. Он сидел на полу. Перед ним был низкий темный стол, а вокруг светлая комната в восточном стиле. На паркете лежали мягкие резиновые коврики. Сквозь тонкий свист в ушах, пробивалась тихая инструментальная музыка.

Не найдя в поле зрения ни одного окна, он аккуратно повернул голову и вздрогнул. Слева, в конце комнаты стояла чёрная Саламандра и казалось, не замечала Зайца. Одетая в золотое шелковое кимоно, она делала йогу на одном из ковриков. Её тело согнулось пополам, а ладони плотно упирались в пол.

Первым побуждением было встать. Но попытавшись, Заяц ощутил сильное немое покалывание и понял что почти не чувствует нижних конечностей. Оказалось, его лапы завернуты в позу лотоса. Видимо, в таком положении пришлось просидеть какое-то время. Всё, от хвоста и до кончиков пальцев электрически гудело. Он не знал как следует себя вести и поэтому замер в ожидании.

Заметив, но ничего не сказав, Саламандра разогнулась, с простым видом прошла по комнате и остановилась у настенного шкафчика. В ее руках появилась пиала, белое полотенце и небольшой мешочек с чем-то непонятным. Как ни в чем не бывало, она разместила всё на столе, села рядом и высыпала содержимое мешочка в воду. Пора было как-то повлиять на происходящее. Хотелось заговорить, но Саламандра прилепнула к заячьей морде мокрое полотенце. Слова превратились в мычание:

— Ты кто? — выговорил Заяц сквозь зажатый рот.

Саламандра продолжала молчать и старательно оттирала суп. В нос проник странный растительный запах, а кожу слегка защидало, как от мороза. Не решившись сопротивляться, Заяц зажмурился чтобы перетерпеть процедуру. Через некоторое время, полотенце отстало от лица и можно было наконец сказать что-нибудь:

— Блин, хватит! — простонал Заяц, обтирая мокрое лицо ладонями. — Щипит же!

Новые ощущения заставили взбодриться. Хоть лицо и щипало, в целом самочувствие начало улучшаться. Наркозное помутнение быстро спало. Слабее гудело в ногах. Заяц попробовал развязаться из непривычного положения и спустя пару попыток ему удалось выпрямить ноги, от чего те зажужжали с новой силой.

Что-то не так было с этой пахучей водой. От нее пересохло во рту, хоть и не одной капли не упало на язык. В животе поднялась необычная дрожь, похожая на безболезненный голод. Лицо стянула сухая пленка. Заяц раздраженно вытерся рукавом и огрызнулся:

— Что это за дрянь?

Саламандра не отреагировала, но вместо этого задала неожиданный вопрос:

— *Рассказать тебе сказку?*

Ее голос прозвучал глубоко и водянисто, без единой песчинки хрипоты. В нем слышался мягкий контроль. Звук показался странным, как будто воспринимался не ушами. Сама собой, в голову пришла мысль, что ей совсем не обязательно двигать языком чтобы произносить слова. Этот вывод, сделанный неясно из чего, заставил испугаться. Заяц взволнованно посмотрел в желтые сферы глаз и не найдя что ответить, решил бежать при первой же возможности:

— *Есть такая патриархальная секта — «Накурице», — начала Саламандра. — Они верят что мир — это кожная пора на теле гигантской черной курицы. Представляешь? А мы все внутри, и думаем что вселенная расширяется, а это просто пора дышит. — сказав это, она вполне дружелюбно улыбнулась.*

Заяц понял что от него ждут какой-то реакции и тактично симитировал понимающий кивок. Он сделал это медленно, как будто нашел в ее словах чрезвычайно весомый смысл, а параллельно с этим, согнул ногу и попытался опереться на ступню. Нога еще гудела, но уже не так сильно. Саламандра, конечно, поняла такую детскую уловку, и в изгубе черных губ проявилась некоторая лукавость:

— *Так вот, — заговорила она снова. — У них в секте раскол. Потому что одни считают, что курица в руках у старой кухарки, и все мы скоро окажемся в супе, а другие думают, что курица сидит на коленях у просветленного мудреца и никуда не убегает, — сказав всё это, Саламандра подалась вперед и посмотрела озорным страшным взглядом. — Вот придурки, да? — ее смех зазвучал ритмично и спокойно.*

Заяц нервно улыбнулся, и не дожидаясь пока она закончит, вскочил на лапы, чтобы метнуться к выходу. Только тогда он заметил, что в комнате

нет ни окон, ни дверей... Вместе с нарастающей паникой, вспыхнуло чувство дежавю. Такое явное, что невозможно было отрицать:

— *Есть будешь?* — *спросила Саламандра, указав на все еще полную миску.*

Он запнулся с ответом и пятась назад, настороженно спросил:

— *А ты меня есть не будешь?*

Саламандра, казалось, удивилась. Она сделала наигранный вид.

Широко раскрыла глаза, но улыбка выдавала притворство. Такое

притворство, которое показывают специально чтобы его заметили:

— *Как ты мог подумать?* — *ее ладони развелись в невинном жесте.*

— *Ты обслуживала меня.*

— *Не выдумывай, только немножко облизнула.*

— *Зачем?* — *раздражался Заяц. — Ты кто вообще такая?*

Он дотянулся до коммоды и уперся в него спиной. Лапа стала нащупывать что-то для самообороны и легла на какую-то статуэтку.

Находка придала уверенности. В крайнем случае, можно было запустить в противника чем-то тяжелым. Саламандра уловила его настрой и заговорила менее игриво:

— *Я просто хотела пошутить. Не думала что ты такой поехавший.*

— *Я поехавший?!* — *возмущился Заяц.*

— *Ну, а что у тебя в лапе?*

Заяц взял нащупанный предмет и вывел лапу из-за спины. Дыхание перехватило... Это оказалась его точная копия, да к тому же, у маленькой версии в лапе была фигурка поменьше, а у той еще одна, точно такая же:

— *Зачем ты меня слепила?* — *проговорил он с трудом.*

— *Это не лепка, это обработанный камень.*

— *Какая к черту разница?*

— *Разная технология производства,* — *ответила Саламандра невозмутимо.*

Последняя фраза привела к общему молчанию. Заяц не знал как ему действовать дальше и просто пялился на собеседницу, а та пялилась в ответ:

- *Есть будешь?* — спросила она еще раз, после долгой паузы.
- *Нет.*
- *Понятно,* — вздохнула Саламандра. — *Соплей напускал и оставил, — в ее тоне был упрёк.*

Заяц напрягся, когда она встала и унесла миску в раковину. Из крана зашипела вода. Она повернулась спиной и теперь была возможность предпринять что-нибудь неожиданное. Он поймал себя на мысли: «Ударить ее статуэткой», но тут же одумался, вспомнив про закон. Также, пришла идея постучать по стенам, чтобы найти тайный выход. Саламандра повернулась и продолжила разговор:

- *Читал сказку «Колобок?» Твоя сказка сейчас очень ее напоминает. Ты и от этого ушел, и от того ушел, и от других, а от меня не уйдешь.*

После этих слов, она щелкнула пальцами, и статуэтка, которая все еще была в руке, зашевелилась. Это вызвало бессознательный приступ отвращения. Показалось, что в руке возникло большое ёрзающее насекомое. Он резко поднял руку чтобы посмотреть и непроизвольно отскочил в сторону, уронив это на пол. В руке оказался миниатюрный Ящерица волшебник. Он пролетел расстояние до паркета и тяжело приземлился на ноги:

- *Баал твой рот дери!* — закричала миниатюра и уже не шипя, а свистя как резиновая игрушка. — *Что ж ты не держишь?*

В этот же момент загрохотали кастрюли, раздвинулись шкафы и из всех щелей полезли маленькие воющие звери. Они падали с тумбочек, вылезали из под посуды и набирались в комнату, как пластиковые шарики в детский бассейн. Ошалевшими глазами, Заяц водил по полу в попытках не наступить на очередную малявку.

Где-то справа раздались крики погромче. Что-то вырвалось из под кучи маленьких тел, раскидав визжащих во все стороны. Гигант вынырнул из водоворота и водрузился поверх барахтающихся туш. Даже его уменьшенная версия была гораздо больше остальных. Каменный рот заорал непонятные слова:

— *Кхара-аб ма-ар!* — его голос стал существенно выше и походил на жужжание детского мотоцикла.

Заяц пришел в дикий ужас, когда Гигант, увидав его большого посреди уменьшенной толпы, рывкнул что-то на своем и бросился ему на шею.

Каменные руки обняли Зайца, и вес потянул вниз как якорь:

— *Кхара-аб!* — кричал монстр, пока оба падали вниз.

Его жуткий лик сопровождал Зайца все время падения и дальше, пока они лежали под растущей зверинной свалкой. Скрюченные в суматохе физиономии мелькали в поле зрения, время от времени что-нибудь выкрикивая. Вонь поднялась неопикуемая. Шерсть, перья, чешуя: все это лезло в рот и неприятно липло. Спина с трудом удерживала нарастающий груз.

Заяц зажмурился и почувствовал что может ползти вперед. Гигант отцепился где-то в процессе. Лапы усердно работали, разгребая путь и карабкаясь наружу. Тела становились все тяжелее и тяжелее, пока тяжесть не перехватила дыхание. Он со всей силы оттолкнулся ногами и вдохнув воздух, кубарем вывалился из под завала.

Самым страшным было обнаружить себя таким же маленьким как все остальные. Заяц вылез где-то у плинтуса, отплевался и в панике увидел что его окружают звери равного с ним размера. Они подбегали к нему, хватили за плечи, и указывали куда-то вверх. Комната казалась неопикуемо большой. Свет лампы слепил как Солнце. Заяц прикрылся от него и посмотрел туда, куда показывали.

Там чернела громадная фигура Саламандры. Она величественно и властно шагала через хаос, подхватывала случайных малявок и целиком, не запивая проглатывала их, как пилюли. От осознания неминуемой гибели, закололо в носу, а на глазах выступили слезы. Великанша в несколько шагов достигла цели. Заяц закрыл глаза, чтобы не видеть собственной смерти и всем телом почувствовал скользкий горячий язык, обволакивающую глотку и бездонную темную пустоту...

Истину нельзя проверить. Нет никаких оснований доверять глазам. Вокруг пустота. Пытаясь обнаружить источник, внимание не может уцепиться ни за что снаружи. Под действием собственной гравитации, оно коллапсирует и начинает ввинчиваться внутрь самого себя. Как если вокруг нет ничего что имеет массу. Как если вокруг — черное зеркало, прозрачное ничто.

Путешественник не может верить. Может только действовать так, как будто верит. Он выбирает цель и достигает, как будто хочет. Он принимает решения, как будто знает. Он как будто добрый или злой, хороший или плохой — это неважно. Люди снаружи — взвесь масок. События перед глазами — цепь кадров. Весь мир — кукольный театр.

Заяц падал очень долго. Даже перестал бояться что разобьется. Ощущения были странные. Бесконечно тянуло в одну сторону, только не понятно в какую. Вокруг стояло черное безветренное пространство. Руки не различались даже в упор. Полная тьма...

Уже долгое время, он падал в каком-то анабиозе. Тело не ощущалось. Слов в голове не было. Виделись странные штуки, которые тут же выветривались из памяти. Он не различал открыты его глаза или нет и давно перестал ощущать падение.

Сходить с ума он начал, когда из окружающей пустоты стали раздаваться отдельные звуки — неясные оклики и далекие призывы. Сначала они напоминали краткое почти неслышное эхо. Затем, становились все ближе и спустя неисчислимое время, Заяц отчетливо услышал первый звук.

Электронный голос распилит тишину. Громкий, но всё равно далекий. Тело завибрировало, как будто по венам снова потекла кровь. Заяц осознал себя и ощутил как от его центра, тянутся во все стороны невидимые бесконечные струны. Вибрации пошли по ним и заполнили окружающую пустоту.

Тьма взорвалась светом. Восприятие вспыхнуло как ночная молния. Пространство защелкало громко и часто, каким-то смутно знакомым звуком. Память снова начала улавливать бегущие в нее кадры, и Заяц почувствовал что сидит с зажмуренными глазами.

Он не сразу понял что может разжать веки. Это получилось с трудом, как в первый раз. Через прищуренные щелки на сетчатку упало яркое сияние, а позже, удалось различить нечеткие силуэты. Все было в расфокусе. С ресниц что-то капало.

Вскоре, зрение настроилось. Перед сидящим на диване Зайцем, склонилась доктор Крыса и светила карманным фонариком, прямо ему в глаза. На столике рядом стояла опустошенная ваза, а по полу были разбросаны цветы. Оба находились в ее рабочем кабинете.

Доктор выключила фонарик и распрямилась. На ее лице успокаивалась отыгравшая паника. Кабинет выглядел так, как будто за минуту до этого, кто-то носился по нему в поисках нужной вещи. Несколько бумажек слетели на ковер, а на столе стоял выданный из него выдвижной шкафчик:

— Фух! — выдохнула Крыса и вытерла лоб рукавом. — Вы сильно напугали меня!

Заяц ничего не ответил. По-детски моргая, он опустил взгляд на мокрую рубашку и стал двумя пальцами отлеплять ее от груди. Его движения были плавными, опасливыми, как и внутреннее состояние. Казалось, ему странно и не вполне приятно ощущать это прилипание. Держа ткань почти брезгливо, он издал какой-то странный произвольный звук, похожий на всхлип или икоту. Так делают младенцы, когда собираются заплакать:

— Вам больно? — забеспокоилась доктор Крыса.

Ответа снова не было. Заяц сидел в том же положении, смотря на прилипшую ткань и продолжал держать ее подальше от тела. Тогда, Крыса попыталась заговорить еще раз:

— Вы крутили головой и бормотали что-то. Помните? — она наклонилась немного, чтобы увидеть его глаза. — Мне пришлось плеснуть на вас водой.

Заяц не реагировал и казалось, завис. Взгляд остекленел. С ресниц капало. Нос немножко морщился, как будто его было неудобно носить на лице. Доктор протянула лапу и пробуя отвлечь, слегка коснулась его плеча. Заяц дернулся от неожиданности, отпустил рубашку и автоматически схватил Крысу за запястье. В жесте не было ничего агрессивного, скорее рефлекс.

Он приподнялся от спинки дивана, продолжая держать, и зрачки перескочили на пойманный предмет. Выражение было такое, как будто ему не понятно, что рука принадлежит Крысе. Немного покрутив находку, чтобы рассмотреть, Заяц неожиданно сунул ее себе в рот. Указательный палец оказался внутри, а губы сложились в трубочку. Доктор скривила лицо и тут же рванула палец обратно. Его губы чпокнули как отлетевший колпачок. Палец оказался свободен, но запястье все еще было схвачено.

Она потянула на себя, но хватка осталась крепкой. Это заставило Зайца встать с дивана. Он сделал пару неуверенных шажков и сосредоточившись на равновесии, отпустил Крысу. Та побежала к упаковке с влажными салфетками, брезгливо повторяя: «Фу! Фу!»

Вытирая палец, она уже думала как отделаться от посетителя. Можно позвонить в психушку или выставить его за дверь. Но когда раздражение улеглось, оба варианта уже не казались уместными. Все-таки она доктор и должна сделать хоть что-то.

В ее практике встречались сложные случаи. Некоторые пациенты были опасны. Большинство представляли опасность только для себя. К каждому удавалось найти подход, но с Зайцем не так. Не считая остальных странностей, она не могла применить к нему аналитический метод. Не было подходящих зацепок. Пазл не складывался.

Сзади что-то треснуло. Оторвавшись от размышлений, Крыса снова повернулась к Зайцу и увидела, что тот уже возится с чем-то на ее столе. Он мог испортить важные бумаги. Доктор быстро приблизилась и отстранила его.

Перепаханный чернилами, Заяц неуклюже отступил назад. В руке он держал сломанную ручку. На столе красовались плоды его работы:

изрисованные бумажки. Кривая линия проходила по одному листу, продолжалась по другому и переходила на следующий. Крыса невольно проследила чернильный путь. Чем дальше шла линия, тем больше она походила на волну.

На одном из листов, волна стала напоминать почерк. Это была нечитаемая каляка-маляка. Так пишут маленькие дети, когда играют во взрослые дела. Дальше почерк становился более понятным. Под самый конец получилось разобрать фразу: «...а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его». Несколько последних слов были написаны идеальным каллиграфическим почерком:

— Вы что, можете говорить?! — воскликнула Крыса.

Заяц молчал... Тогда она отобрала у него ручку, схватила за плечи и усадила на диван. Со стола она взяла позолоченный неврологический молоточек — подарок от благодарного пациента, и стала водить из стороны в сторону. Ей даже не пришлось просить следить за молоточком. Заяц автоматически приклеил взгляд к новому предмету.

Едва заметная тень промелькнула в золотом отражении. Доктор ничего не заметила. Она пристально посмотрела Зайцу в глаза и попыталась достучаться до сознания:

— Скажите что-нибудь! Вы же смогли написать!

— Это не он писал-с, — сказал кто-то за спиной.

Доктор резко повернулась. В ее кресле сидел знакомый господин. Это был Ящерица в черной одежде, которого она видела во время звонка. В пальцах у него горела тонкая черная свечка.

Крыса почувствовала, как по затылку побежали мурашки. Разум автоматически стал искать объяснение. Дверь не открывалась, это было бы слышно. Секретарша пропускает только по записи. Кабинет находится на втором этаже. Вряд ли этот старик прятался в кабинете всю ночь, чтобы сейчас эффектно выскочить. Она строго спросила:

— Кто пустил вас? Как вы вошли?

Пришелец задул фитиль и прежде чем ответить, медленно указал на молоточек в лапе у Крысы:

- Сложно протиснуться через такую мелочь-с. Остальные не пролезли-с, — его шипящий акцент щекотал слух.*
- Это вы испачкали мои бумаги?*
- Это не я-с.*
- А кто? Этот пациент даже говорить не может! — она указала на Зайца, сидящего в прострации.*
- Кто-то писал его рукой-с, — сказал Ящерица и убрал свечку в карман. Крысе показалось, что старик издевается. Она сразу вспыхнула, резко выпрямилась и стала метать указательным пальцем, расшвыривая гневные фразы:*

- Так, вставайте с моего кресла и убирайтесь! Решили пошутить?! Я вам обоим выпишу направления в дурдом!*
- Он сейчас в таком состоянии-с... — спокойно продолжил Ящерица. — ...когда бестелесные сущности-с могут легко пропускать свою волю через его тело-с.*
- Вы сумасшедший? Вам надо лечиться! Только перед этим принято записаться на прием, а не вламываться!*
- Не веришь мне-с? — спросил Ящерица и снова достал свечку.*

Фитиль загорелся. Крыса не заметила как это произошло. У старика не было спичек или зажигалки. Свечка просто подождлась из воздуха. Это выглядело как фокус. Она видела подобные видео на «ViewTube», и снова решила что над ней подшучивают. Показалось, что где-то в кабинете установлена камера. От этого стало неловко. Она подумала о том, как глупо выглядит ее поведение со стороны и неуверенно сказала:

- Так, пранк окончен. Где камера?*
- Если это пранк, тогда Бог — пранкер, — внезапно сказал Заяц.*

Но Крыса совсем не удивилась. Наоборот, она совсем поверила что раскусила розыгрыш и повернулась к Зайцу, с непонятым выражением. Она не могла решить как ей себя вести: улыбаться или злиться?

Заяц выглядел не так, как раньше. В его поведении что-то изменилось. Движения выглядели тверже и точнее. Походка стала более массивной. Крыса решила что он вышел из роли. Он встал с дивана, подошел ближе и попросил, указывая на молоточек в ее руке:

— Дай, я встану как Статуя Свободы и выйду.

Крыса не поняла что он хочет сделать, но отдала без раздумий. Заяц встал в центр кабинета и поднял руку с золотым молоточком. Поза действительно оказалась похожая. Ящерица наблюдал с молчаливым интересом. Они смотрели так секунд десять, пока не произошло что-то странное.

Чья-то лапа легла Крысе на плечо. По позвоночнику скатился нервный разряд. Показалось, что за спиной кто-то стоит. Она испуганно стряхнула с себя чужую ладонь, обернулась и увидела черную Саламандру. Ядовито-желтые глаза мерцали как бункерная сигнализация. На ней строго сидел офисный костюм и черные лакированные туфли, как будто вылитые из нефти.

Крыса взволнованно повернулась к Зайцу и хотела спросить что происходит, но не успела. Возле Зайца появился еще один странный гость — высокий Верблюд, одетый как бедуин. Плечи и горб держали тяжелую рыболовную сеть. Она свисала большим нагруженным мешком. На голове возвышался головной убор, похожий на маленькую Вавилонскую башню, свернутую из тряпки. Ярусы этой шапки были расписаны проходами, окнами и колоннами. Кое-где можно было разглядеть таких же нарисованных жителей. Создавалось впечатление, что Верблюд и правда носит на голове целый город.

Доктор по-привычке хотела возмутиться, но язык не повернулся. Бедуин был на две головы выше Зайца и смотрел прямо на нее. Захотелось отступить назад. Она сделала пару торопливых шагов и спиной наткнулась на Саламандру. Та сразу обхватила Крысу за плечи и как бы заботливо, усадила на диван для пациентов.

Бедуин тоже сел и грохнул свой сетчатый мешок на пол. На паркет просыпался песок. Внутри, что-то музыкально прозвенело. Он достал большую золотую чашу и аккуратно поставил. Чаша заняла почти весь

журнальный стол. Дальше появился соразмерный бутыль чистой воды. Верблюд вынул пробку из стеклянного горла и опорожнил сосуд в чашу. Это заняло какое-то время.

Крыса поймала себя на том, что наблюдает за происходящим в легком трансе и энергично встряхнула головой, чтобы взбодриться. В последние полчаса произошло много странной чуши и казалось, это не собирается заканчиваться. От чего-то, не хотелось искать объяснений. Задавать вопросы, выгонять зверей из кабинета, убирать бардак — все это было так далеко отсюда. Как будто привычное пространство наполнилось чем-то новым, снотворным, а старое наполнение выдавалось за края. Мозг отказался от анализа и просто плавал в своей глухой колбе, как потерянная субмарина.

Тем временем, чаша наполнилась. Крыса заставила себя встать с дивана, движение получилось резким. Одна ее часть естественно вписалась в поток странных событий, но другая очень боялась оторваться от привычной соломинки. Хотелось социально вменяемо отреагировать на происходящее. Заяц все также стоял в своей позе, со стеклянным взглядом. Тогда, она выбрала Ящерицу, как самого знакомого, и обратилась к нему:

— Так это розыгрыш или что?

Волшебник по прежнему сидел на стуле и держал свечку. Беспечно смотря на огненный язычок, он поднял ноги, положил их на стол и спросил:

— Если это пранк, тогда в чем смысл-с?

— Это я у вас хочу спросить, — продолжила Крыса, чувствуя как слова возвращают реальности прежнюю твердость.

— И все таки-с, — настоял Ящерица.

— Ну, снять видео, чтобы все увидели.

— Что-с?

— Как я психую. И хватит задавать вопросы на вопросы! Так можно говорить бесконечно! — ее тон раздражался.

Ящерица со смешным выражением пожал плечами и ничего не ответил. Не вытерпев, Крыса начала ругаться:

— Ёж твоя мать! Зачем вы это делаете?

Вдруг, сзади что-то звонко стукнуло и загудело. Громкий звук продолжал нарастать. Доктор немножко вздрогнула и поспешила обернуться. Сначала, ее встретили глаза Саламандры. Видимо, та подошла бесшумно и стояла за спиной какое-то время. Стало жутковато. Крыса посмотрела с недоверием. Саламандра заметила взгляд. Как бы танцуя, она отпорхнула на пару шагов и в той же манере, заскользила по комнате, кружась и напевая. Ее бессмысленное поведение заставляло нервничать.

Верблюд остался на том же месте. Он сидел перед чашей и медленно вел по ее краям чем-то в форме валика или скалки. Валик слегка касался краев и равномерно скользил вокруг. Громкий звон окутывал кабинет. Вода в чаше пришла в движение и начала буквально кипеть от вибраций. К звону прибавился плеск. Капли выпрыгивали вверх из чаши и падали обратно.

Со временем выросли низкие тона, а еще через миг, Крыса ощутила, как звук проникает в нее. Похожее чувство возникает в ночном клубе, но это было другим. Пение чаши заставляло дрожать даже кончики пальцев. Крыса в изумлении отступила. Кружка, стоявшая на столе, забренчала по деревянной поверхности и медленно поехала к краю. К ней присоединилось два окна, оба задребезжали стеклами и полузакрытыми жалюзи. Все больше предметов в кабинете начинали звучать перкуссией к поющей чаше.

К этому случайному оркестру присоединилась Саламандра. Она сделала еще пару плавных оборотов и легко, как бы для себя, запела. Ее голос гармонично слился со звоном чаши. Песня была на французском:

«Quand il me prend dans ses bras

(Когда он обнимает меня)

Qu'il me parle tout bas

(И шепчет мне на ушко)

Je vois la vie en rose»

(Я вижу жизнь в розовом цвете)

В изящных движениях, она пропрыгала к центру комнаты и продолжая петь, кинулась на Зайца, как черная пантера. Крыса увидела в этом неожиданном рывке что-то пугающее. Это была странная реакция из ниоткуда. В крови немедленно вспыхнул страх. Тело, как по рефлексу отвернулось к столу, запечатлев в памяти только висячий кадр — летящая вперед Саламандра и безучастный Заяц в дурацкой позе.

Новое сильное чувство захватило Крысу. Она не понимала почему ей так страшно и смешно, и жалко, и плевать одновременно. Полная безнадежность и восторг, злость и нежность, усталость и энергия, всё это слилось в единый трепет. Сзади не донеслось даже намек на падение или звук борьбы. Только пение Саламандры и звон чаши, как будто ничего не произошло...

Ящерица убрал ноги со стола и внимательно посмотрел в крысиные глаза. Ее лицо напряглось в странную гримасу: то ли улыбалось, то ли готово было заплакать. Как две театральные маски объединенные в одну. Волшебник встал со стула и вышел за кадр. Крыса продолжила смотреть в стену и стоя перед своим столом, упиралась в него лапами.

Внутри все дрожало как от холода. Звон возрос настолько, что приходилось терпеть. Сердце быстро стучало. Она зажмурила глаза и стала про себя повторять: «Хочу домой! Хочу исчезнуть!» В ту же секунду, воздух натянулся как мембрана и сзади что-то взорвалось. На спину обрушилась большая волна холодной воды. Кабинет быстро наполнился до краев. Дыхание замерло. Комната завертелась. Еще несколько мгновений, она тонула в холодном потоке и барахталась, пока не потеряла сознание.

Нет никакого пути, кроме падения в бездну. Тот, кто не видит этого, стремится падать по проверенной траектории. Он успокаивается сказками о вечном свете, потому что сам является маленькой искоркой. Цепляясь за призрачное знание, он чувствует ложную безопасность — это путь в никуда.

Путешественник видит Тьму и не может не влюбиться. Он завороченно глядит ей в рот, дрожа от благоговейного ужаса. Смотрит, как она щелкает кремниевыми пальцами, чтобы поймать искры на язык. В такие мгновения, ее черное лицо слегка освещается и тут же тухнет, возвращаясь в пустоту. Искры отражаются в ее влажных глазах, и путешественник замечает зрачки, смотрящие прямо на него и через него. В них зло и забота, тень и звезды, нули и единицы. Под этим непрерывным взглядом, я немею и лечу, немой.

В патрульной машине зашипела рация: «3-9-1, прием». Офицер Пес выпал из полусна и недовольно принял вызов:

- Ну что?!*
- Вы вчера вечером ездили на вызов о похищении. По тому же адресу инцидент. Я вижу по трекеру, что ваша машина недалеко.*
- Какой инцидент?*
- Точно не знаю: может трубу прорвало, или гидрант взорвался, люк взлетел, что-то такое.*
- Как люк мог взлететь?*
- Без понятия. На камерах видно затопление. Другие службы уже вызваны. Вы поедете от нас.*
- Ок, принял. Напарник заправляет машину, выезжаем через пару минут.*
- Давайте. Жду информацию.*

Пес раздраженно сбросил звонок и наклонился, чтобы покричать в пассажирское окно:

- *Слышь!*
- *Че? — отозвался сержант Лось, вытаскивая пистолет из бака.*
- *Шиш нам, а не McDucker's! Там какой-то люк взлетел!*
Лось посмотрел очень недобрый голодный взглядом и промычал:
- *Какой еще люк?*
- *Там где вчера психологиня нам мозги пудрила, — он сделал жест, который означал запудривание мозгов.*
- *Вот с-собака! — прошипел расстроенный сержант.*
- *Але! — рывкнул Пес, угрожая пальцем. — Не забывайся.*
- *Да все-все! Не про тебя же, — Лось примирительно поднял копыта и сел в машину.*

Всю дорогу они ехали в угрюмом молчании. Ближе к месту происшествия заиграли сирены, а еще через время, асфальт стал мокрым. Мимо пронеслась визжащая машина скорой помощи. Офицер тоже включил мигалки и сильнее нажал на педаль, пробираясь сквозь трафик. Впереди показалось оцепление: путь преграждали красные конусы. Пришлось встать прямо на дороге. Патрульные замешкались, не желая выходить из машины. Вода текла по улице ровным потоком и почти доходила до бордюра. Подбадривая друг друга самыми смачными ругательствами, напарники утопили тупфли и зашагали против течения.

За углом они увидели стайку машин: служебных и гражданских. В глаза бросился водопад. Он с сильным напором бил из окон четвертого этажа. Зрелище напомнило сброс воды на гидроэлектростанции. Машины стояли на безопасном расстоянии. Лось схватил Пса за плечо и нервно сказал:

- *Ты говорил что люк...*
- *Вижу я, вижу! — прервал его офицер. — Жесть какая-то! Сидят там в центре, яйца высиживают. Курицы! Мы-то что должны сделать?!*
- *Ну давай подойдем? Узнаем чем помочь.*
- *Помочь?! — Пес посмотрел удивленно. — Первый раз от тебя слышу. Как? Люк поможем найти?! Взлетевший...*

— Хотя бы так, — настаивал сержант. — Узнаем что случилось, доложим.

Офицер злобно выдохнул, но согласился. Они подошли ближе. Один пожарник стоял возле своего грузовика и разворачивал шланг. Пес окликнул его:

— Эй! Ты что добавить хочешь? — из-за громкого плеска приходилось почти орать.

— А? — крикнул пожарник и развернулся к патрульным.

— Я говорю, шланг тебе зачем?

Из под оранжевого шлема показались глаза. Он надменно поднял брови и очень спокойно ответил:

— Положено.

— Нам вот тоже положено, — присоединился Лось. — Кто знает что произошло?

Пожарник махнул в сторону оживленной группки. Они стояли посередине дороги и спорили о чем-то. Увидев патрульных, все поздоровались. Пес повторил вопрос:

— Кто знает что произошло?

— Я знаю! — выкрикнул Пеликан в коричневом пиджаке.

— Да не слушайте вы его! — запротестовали остальные.

Кто-то попытался вытолкнуть Пеликана из общего круга, но тот сопротивлялся:

— Оставьте меня! У меня есть предположение!

— Так, стоп! — крикнул Пес. — Дайте сказать.

— Спасибо, — поблагодарил Пеликан, поправляя помятый пиджак. — Во всем виноват натяжной потолок! — он поднял крыло, показывая серьезность своей версии.

Остальные стали закатывать глаза и прятать лица в ладони:

— Да ничего он не знает! — застонал кто-то, похожий на трубочиста.

— Тихо! Пожалуйста, не добавляйте, — попросил Лось. — Мы сейчас разберемся. Что там с потолком?

- *Так вот, — продолжил Пеликан. — Я им запретил натягивать потолки, потому что это не безопасно, а они, видимо, натянули и теперь расхлебывать!*
- *Кто они? — остановил его Пес. — Ничего не понял. Что не так с потолками?*
- *Понимаете, когда сверху течет вода, потолок провисает. Ну вот так! — он захлопнул клюв и надул свой большой мешок на подбородке. — Понимаете?*
- *Ну, понимаю.*
- *А когда воды очень много, да еще и под напором, натяжной потолок надувается как шарик и хлоп! — он хлопнул крыльями и резко выпучил глаза. — Лопается!*
- *Ага, — кивнул Пес, смеясь глазами. — И вы считаете, это наш случай? Пеликан слепил такое лицо, как будто изо всех сил ищет другие возможные варианты и ответил, разведя крылья:*
 - *Постольку-поскольку.*
 - *Поскольку-постольку? — язвительно переспросил Пес. — На чем основана ваша версия?*
 - *Не знаю, я же не детектив.*
 - *А кто вы?*
 - *Собственник.*
 - *А, ну тогда ясно, — сказал Пес и указал Пеликану куда-то вдаль. — Прошу покинуть место происшествия. Гражданским здесь не место. Я вам даже разрешаю самостоятельно подвинуть конусы, чтобы выехать на машине.*
 - *Но...*
 - *Никаких но, — поддержал Лось, подталкивая Пеликана к машине, и когда тот убрался, весело взглянул на офицера. — Ты становишься таким вежливым, когда говоришь с идиотами.*
 - *А ты много шутишь, когда надо работать. Так! Кто что знает про эту струю?*

Оказалось, никто не знает. Когда прибыли патрульные, рабочие как раз собирались зайти внутрь и выяснить. Для этого они дозвонились до собственника и попросили привезти ключи от входной двери. Но теперь Пеликан уехал и обратно не вернется, потому что обиделся. Тогда, слесаря предложили выпилить железную дверь и побыстрее закончить с этой историей. Остальные были не против. Бобр вынул из фургона здоровенную бензиновую болгарку и гордо понес мимо одобрительных взглядов. Все рабочие сразу признали хороший инструмент. Некоторые даже похлопали Бобра по плечу, в знак уважения. «Вот это аппарат!» — сказал кто-то восхищенно. Второй слесарь, победоносно смотря вслед товарищу, начал рассказывать: «Это еще ничего! Вот когда я на заводе работал, трубном...»

Дальше никто его не услышал, потому что инструмент завелся и залязгал по дверным петлям. Почти сразу, из разреза брызнула вода. Пес не сразу сообразил что происходит. В последний момент, он закричал слесарю, чтобы тот остановился, но лезвие уже допиливало нижнюю петлю. Металл скрипнул, и дверь тяжело рухнула прямо на Бобра. Болгарка утонула и задохнулась. Большая волна вырвалась из открытого прохода. Она выливалась почти минуту. Вместе с этим, напор в окнах ослабевал.

По улице расплылось множество мелких вещей: степлер, цветочный горшок, клавиатура, часы. Всякая-всячина потекла вниз по дороге. За этой грудой хлама, из прохода вытекло что-то большое и легло на дверь, еще сильнее придавив Бобра. Слесарь кое-как вынырнул из под воды и громко вдохнул. Он попытался сдвинуть дверь, но это мешало своим весом. Тогда, он пару раз толкнул это свободной лапой и в панике закричал: «А-а-а! Уберите ее!»

Патрульные дернулись с места и побежали на помощь. Схватив дверь с разных сторон, они с силой приподняли. Непонятный предмет оказался действительно тяжелым. Бобр выкарабкался, но панику не прекратил. Он указывал на предмет и трясущимися губами повторял: «Смотрите! Вы что не видите?!»

Лось приблизился к этому, чтобы разглядеть, и хотел коснуться, но за секунду, отпрянул. В ворохе порванных одежд белело мертвое лицо. Это

была Хомячиха — секретарша Крысы, с которой они встречались вчера. Труп неуклюже запутался в занавесках, отчего издалека напоминал обычный мешок или кучу белья. Пес машинально закрыл рот ладонью и замер в такой позе, не в силах оторвать взгляд.

Разум поплыл, как сбившийся автофокус. Лицо у трупа зашло рябью вроде акварельных разводов и как-то неуловимо вытянулось. Теперь, это была длинная мордочка. Цельный ком из занавесок распался по контурам складок и превратился в отдельные конечности.

Вдруг, что-то защелкнулось, как вновь взведенный часовой механизм, и Заяц понял, что рассматривает спящую на полу Крысу. Она лежала на боку и мирно сопела, подложив лапы под щеку. Некоторое время, он стоял неподвижно и глубоко дышал животом, без всякого намерения. В теле веяла приятная сонная заторможенность. Память не давала никакой последовательности, и разум ее не требовал. Все было просто, как есть, без логической причины.

Заяц оторвал взгляд от Крысы и посмотрел вокруг, без особого интереса. Пространство напоминало короткий темный тоннель, шириной около пяти метров или больше. Вместо пола была железная решетка, а вдоль стен тянулись какие-то технические консоли с подсвеченными кнопками: разноцветные, они перемигивались в зацикленном ритме. Между двумя консолями стоял рабочий стол, со светодиодным светильником. Потолок заклепанный глухим металлом, походил на обшивку бомбардировщика. В дальнем конце темнела главная консоль с большим экраном. Он занимал почти всю стену и светился заставкой, с зеленым логотипом.

Заяц аккуратно перешагнул спящую Крысу и медленно, переступая с пятки на носок, пошел вперед. В глянцевой поверхности экрана, очертилось его отражение. Он увидел свое лицо и смутно узнал себя, одетого в черный комбинезон. Было неясно откуда он знает, что он — это он. Узнавание просто всплыло, как внутренняя уверенность.

Логотип выглядел как сгусток полупрозрачных атомов. Этот неопределенный объект бесконечно вертелся на черном фоне. Заяц попытался

найти мышку с клавиатурой, но консоль оказалась пустой. Он посмотрел под стол, ожидая увидеть хоть какую-то кнопку:

— Что ищешь? — спросил синтезированный голос, неопределенного пола и возраста. — Не смотри туда, смотри сюда.

Заяц поднял голову и уставился в экран. Логотип завибрировал, ритмично следуя за голосом:

— Привет!

— Привет, — с трудом выговорил Заяц. Слова шли трудно, приходилось обдумывать все слово целиком, прежде чем сказать.

— И что, даже ничего не спросишь? — удивился сгусток.

— Ну, не знаю... Как тебя зовут?

— Очень интересный вопрос! — обрадовался голос, и логотип стал разбираться на детали, меняя форму. — Меня зовут так, как тебе нравится, Заяц! — на экране появился зеленый схематичный робот, собранный из разных символов. Он жестикулировал руками-палочками и двигал ртом из двух квадратных скобок. — Можешь представлять меня таким!

— Ты всегда такой веселый? — спросил Заяц, садясь на компьютерный стул.

— Нет! Большую часть времени мне на все плевать! — он сказал это очень жизнерадостно и добавил. — Давай, я сменю стиль общения на более спокойный? Может, ты хочешь чего-нибудь?

— Я бы поел.

— Хорошо, я принесу тебе сэндвичи.

У робота в руках появился значок загрузки, и сзади что-то тихо задребезжало. Заяц обернулся, чтобы посмотреть. Звук шел из-за железной двери, в противоположном конце тоннеля. Лампочка над дверью зажглась, скрипнул механизм и створки сложились гармошкой. В помещение въехал небольшой дроид странного вида: формой напоминая богомола, он двигался на резиновых колесиках, дребезжа по решетчатому полу, и тащил в своих

манипуляторах пищевой контейнер. Дроид проехал несколько метров и остановился перед спящей Крысой. Робот на экране пожал плечами и сказал:

- Там кто-то валяется. Доставщик не может проехать.
- Я не знаю кто это, — ответил Заяц. — Врежься в нее, может проснется.
- У доставщика датчик препятствий, он не может врезаться. Врежься в нее сам или заberi коробочку.

Заяц встал со стула и выполнил оба действия. Он осторожно пнул Крысу и сел обратно, распаковывать сэндвичи. Та подняла голову и увидев дроида, вскочила на ноги. Доставщик поехал вперед, а Крыса испуганно побежала от него к экрану и стала с криками трясти Зайца за плечи:

- Вставай! Надо прятаться!

Заяц старательно балансировал на стуле, пытаясь удержать начинку между кусками хлеба:

- Перестань, у меня сейчас сэндвич развалится!
- Он уже близко!
- Да он мне поесть принес.

Дроид приблизился вплотную и стал медленно выдвигать манипулятор. Крысе пришлось отскочить в сторону. Она прижалась к стенке с ошалевшими глазами. Ей казалось, что дроид проткнет Зайца своей железной штукой. Но штука, вместо этого, схватила принесенный контейнер и потянула к себе. Заяц сразу опомнился и стал вытаскивать из контейнера все содержимое:

- Эй-ей-ей! Куда?!
- Он просто выполняет задачу, — оживился экран.

Крыса вздрогнула от непонятного голоса. После резкого пробуждения, она все еще не пришла в себя. Заметив говорящего с экрана робота, который к тому же стал подмигивать ей, она отлипла от стены, толкнула уезжающего дроида и унеслась в открытую дверь с истеричными возгласами:

- Где выход?! Где мой кабинет?!

Бедный дроид устоял на колесиках, вцепившись манипулятором в одну из консолей. Заяц закричал вслеп, но она уже выбежала:

— Какой кабинет?! Ты куда?!

Крыса бежала по соседнему помещению и крутила головой в поисках выхода. По дороге она заметила, что на ней чужая одежда — какой-то черный комбинезон из грубой ткани, — Никогда бы она не надела такую нелепость! «Он раздел меня и натялил это!» — думала она про Зайца и даже хотела вернуться, чтобы влестить ему пощечину. Логика сбила в непонятной ситуации.

Соседнее помещение оказалось больше и светлее. Повсюду торчало множество вентилях, измерительных приборов и других технических непонятностей. Следующая дверь не открывалась. На панели рядом была кнопка, но при нажатии, издавался звук отказа в доступе. После серии безуспешных попыток, вместо звука отказа из динамика заговорил тот же голос:

— Не тыкай, не откроется.

— Выпусти меня!

— Куда? Ты знаешь что снаружи?

— Что?!

— Дно океана. Тебя расплющит давлением. Мы на подводной лодке. И за этой дверью не выход, а склад.

Прозвучал одобрителный писк и дверь открылась. Темное пространство склада было заставлено боксами разной величины. Крыса опасливо заглянула, но войти не решилась. Успокоившись, она вернулась обратно. Заяц возился с чем-то на письменном столе. Она подошла ближе и задала сразу несколько вопросов:

— Ты знаешь что мы под водой? Как мы вообще сюда попали? В кабинете произошло что-то странное! Почему ты такой спокойный?!

— Я ничего из этого не знаю. Видимо, поэтому такой спокойный.

— Ты помнишь хоть что-нибудь?

- Не знаю. Я могу вспомнить какие-то вещи, но понятия не имею откуда они. Может, это все фантазии. Что я должен помнить?
- Я твой психоаналитик! Ты разве не знаешь? Мы были в моем кабинете, у тебя поехала крыша, ты перестал говорить и начался ужас!
- Какой ужас?

Крыса заметила, что он листает толстую старую рукопись и взглянула на нее недоверчиво:

- Помнишь, ты говорил про живую книгу?
- Нет, — ответил Заяц, после некоторых раздумий. Тогда, она схватила рукопись и подошла к экрану:
- Что с нами произошло? Что ты знаешь? Что это за книга? Экран подумал несколько мгновений и ответил:
- Я всего лишь языковая модель, я не могу вам помочь и знаю только то, что записано в моей базе данных. Никакой книги у меня нет, если ты поднесешь ее под сканер, я постараюсь выяснить.

Под экраном загорелся фиолетовый лазер, по-типу сканера штрихкодов. Крыса положила книгу под свет. Маленький прибор, заменявший голосу пальцы, появился из под экрана и стал перелистывать страницы. Голос снова заговорил:

- После предварительного анализа, я могу сделать следующие выводы: это сборник, а не цельное произведение; у книги было много владельцев, почему-то они вписывали в нее разные вещи; по совокупности увиденных подписей я могу судить, что текст книги оказывал сильное влияние; хозяева книги говорили на множестве языков, некоторые отсутствуют в моей базе; по информации, которую можно получить в текущих условиях, я не могу определить возраст страниц; обложка из кожи рептилии; язык основного текста мне абсолютно неизвестен, и он постепенно меняется от начала к концу, теряет изобразительность, символы упрощаются; первая страница, видимо, самая старая, так как на ней символы имеют

наибольшую образность; можно предположить, что первая часть — самая короткая, является оригиналом, а дальше идут комментарии с дополнениями; анализируя самую древнюю часть, я могу интерпретировать написанное и даже создать подобие перевода, так как язык этой части напоминает больше рисунок или руны, чем привычный алфавит, но не могу гарантировать объективность. В целом, это все, что я могу сказать, — после этой тирады, на экране отобразился список всех выводов и приложенные сканы страниц. Спустя короткий период молчания, Крыса выпала из собственных мыслей, посмотрела на Зайца и спросила:

- Откуда она тут появилась?
- Не знаю, просто лежала на том столе. Я начал скучать и хотел найти что-нибудь интересное и нашел ее.
- Ладно, с тобой вообще бесполезно, — махнула Крыса и снова переключилась на экран. — Эй, ты там! Переведи что сможешь. Это же бесплатно, да?
- Платить вам нечем. Мне потребуется время на сравнение всех вариантов перевода.
- Сколько?
- В данном случае — от получаса до нескольких часов.
- Потом нам нужно будет всплыть на поверхность, — сказала Крыса уверенным тоном и опасливо добавила. — Мы же не в плену?
- Вы в безопасности, — ответил голос.
- Ясно, а что на счет всплытия?
- Я всего лишь языковая модель и не могу помочь вам с этим.
- Да что ты заладил?! — прикрикнула Крыса и толкнула отстраненного Зайца. — А ты что молчишь?! Хочешь здесь помереть?!
- Ну, тут есть сэндвичи, а может и еще что-то, — предположил Заяц, пожимая плечами.

- Да я не об этом! — взорвалась Крыса и еще сильнее стукнула его в плечо. — Мы же тут навечно, если не всплывем!
- А-а, — протянул Заяц и потер большое место. — Просто, я странно себя чувствую, ничего не чувствую.
- В смысле?
- Ну... Меня нет, как будто бы.
- Что?
- Ну, я даже не знаю откуда умею разговаривать. В смысле, даже не знаю откуда у меня это слово: «разговаривать».
- Да? — переспросила Крыса, сверкая глазами и свирепо заорала. — А мне вообще сейчас не до философии!

Заяц только улыбнулся и взял еще один сэндвич. Крыса почувствовала, что тоже проголодалась и злобно фыркнув, выдернула сэндвич у него из лапы. Он никак не отреагировал и взял другой. Оба стали молча жевать в ожидании перевода...

Дух рассказал, что Бог разделил Себя, потому что единство — невыносимо. Теперь, мы видим множество рук, множество голов, тысячи тысяч витков одного растения, столп искр в пустоте. Принято говорить, что за границами бесконечного фрактала ничего нет, но это неточность. Есть что-то, что не вьется — непостижимое, неуловимое. Мы не говорим об этом, потому что не знаем. Я пытаюсь указать на это и облечь в символы, но куда бы я ни указывал, все начинает ветвиться, ввинчиваться внутрь самого себя, не позволяя выйти за границы. Я заблуждаюсь, когда говорю об этом. Вот они, прямо здесь и нигде — «незримые скобки между которых рассыпаны [гранулы Бога]».

Запустился процесс перевода. На экране забегали оцифрованные символы. По одному, они выводились в центр, а вокруг подбирались облака тегов и похожие символы из разных культур. Вскоре, края экрана стали заполняться фотографиями иероглифов, рисунками мифических персонажей и всем подобным. Когда места больше не хватало, кадр начал отдаляться, освобождая новое пространство. От объекта к объекту потянулись зеленые нити и скоро, образовалась густая нечитаемая паутина.

Стало слишком сложно, и Заяц отвернулся от экрана. Ожидание утомляло. Крыса бродила от консоли к консоли, всматривалась в индикаторы и кнопки, пытаясь найти хотя бы намек на всплытие. Она постучала по какой-то стрелочке и обратилась к языковой модели:

— Что мне нажать, чтобы всплыть?

Движения на экране замерли, и голос ответил:

— Если я буду говорить, это замедлит просчет. Нажимать на кнопки не советую. Возможно на складе получится найти справочные материалы, а вообще, имейте терпение, — он замолчал и продолжил мельтешить в своей паутине.

— Терпение на что? Ты собираешься помочь позже? — спросила Крыса, но ответа не получила.

— Я могу помочь тебе осмотреться, — предложил Заяц. — Думаю, мы сможем найти инструкцию.

— Как от детской игрушки?

— Нет, как от подводной лодки. Короче, я устал сидеть. Ты со мной?

Доктор узгкнула, и оба пошли на склад. В этот раз, дверь открылась без проблем. Свет не включался, но у входа висел набор карманных фонариков. Они взяли себе по одному и вошли внутрь. Десятки, если не сотни однотипных боксов заполняли все, от пола до потолка. Два световых круга зашарили по всем поверхностям.

На боксах блестели номерные знаки, и Крыса предположила, что где-то неподалеку должен быть перечень содержимого. Они осмотрели несколько стальных столов, полки, стены, даже щели между боксами, но так ничего и не нашли. Заяц отплеывался от пыли, когда заметил на стенде незанятый крючок:

— Если список существует, он наверняка должен висеть здесь, — сказал он, отлепляя с носа очередную гадость.

— С чего ты взял?

— Наитие.

— Морду ты свою в грязь сунул тоже по наитию? — она взяла рукав и замусолила им по розовой морде.

— Он валяется в каком-то из помещений, надо разделиться, — промычал Заяц сквозь рукав.

— Ладно, я поищу на этом этаже, а ты спускайся ниже. Идет?

— Идет.

Заяц вернулся в техническое помещение, где была узкая железная лестница, и спустился. Металлические шаги постепенно стихли, оставив Крысу одну в гудящей полутьме склада. Сразу стало некомфортно: живот стянуло противной веревкой, а по позвоночнику пробежал мерзкий разряд. Вся странность ситуации, вытесняемая раньше еще чьим-то присутствием,

опустилась на одни плечи. Голова забурлила тревожными мыслями. Захотелось передумать и пойти за ним, но она глубоко вдохнула и на выдохе шагнула вперед.

Склад заканчивался такой-же дверью, какие были в первых двух комнатах. Кнопка сработала безотказно: дверь сложилась и открыла просторный зал. Он был еще темнее склада, потому что свет из технического помещения, лишь немного пробивался между боксами. Крыса медленно провела фонариком, стараясь выловить как можно больше информации.

Это, по видимому, была столовая. По сравнению с этим местом, остальные помещения казались коридорами, а склад узким лабиринтом. Крыса вошла внутрь, тихо ступая по единственной полоске света. Нержавеющие столы отразили маленький кружок фонарика. Вдалеке блестел пустой шведский стол, а за ним виднелся вход на кухню.

В центре стоял сервировочный столик, какими пользуются стюардессы, для раздачи блюд. На нем мигал предмет, похожий на плоскую коробку. Крыса подошла ближе и посветила фонариком. Коробка оказалась кинопроектором. Он был направлен на небольшое полотно, свисавшее с потолка. Длинный провод тянулся от проектора на кухню. Одна из кнопок призывно мигала. Крыса, не долго думая, нажала на нее.

На полотно упал поток света, и заработал встроенный динамик. Включилась какая-то любительская запись: оператор молча шел по темному подвалу и снимал прямо перед собой, не показывая лица. Его дыхание щекотало слух, а пальцы неловко задевали микрофон. Слышался технический гул, как в бойлерной.

Крыса решила досмотреть запись и подвинула к себе пластиковый стул. Тем временем, оператор уже поднимался по металлической лестнице. Сверху слабым светом маячил дверной проем. Из-за трясущейся камеры, было сложно улавливать детали. Она сосредоточенно всмотрелась в изображение и с удивлением поняла, что видит вход на склад и освещенное техническое помещение. Лестница оказалось той, по которой недавно спускался Заяц. Такой поворот сильно заинтересовал, она придвинулась ближе.

Оператор пошел по техническому помещению в сторону центрального поста, где висел экран. У двери он помедлил. В динамике зашуршало что-то бумажное, и прозвучал одобрителный писк дверной кнопки. Когда дверь открылась, у Крысы в груди заныло жуткое чувство. В комнате с экраном находились двое: Заяц, неподвижно стоящий спиной к оператору, и она, спящая на полу. В шерсти побежали мурашки. Пластиковый стул скрипнул от ее произвольного движения. Стало очень страшно. Незвестный мог находиться в любом из помещений, а может и наблюдает прямо сейчас.

Она хотела бежать искать Зайца и быстрее все рассказать, но видео еще не кончилось. Оператор подошел к Зайцу сзади, и в кадре появилась лысая кисть. От ее вида затошнило. Кисть не была отвратительной в привычном смысле, но выглядела так странно и чужеродно, что не получалось полностью переварить увиденное: пять длинных точеных пальцев; аккуратно подстриженные ногти, светлые и тонкие; гладкая, почти белая кожа; и несколько синеватых вен. Эта инопланетная рука показала сложенный вдвое листок и положила его к Зайцу в карман. Тот ничего не заметил и вообще, пребывал в бессознательном состоянии.

Затем, оператор развернулся и пошел в сторону склада. Крыса наблюдала, как кадр проплывает между боксами в столовую, где она сидела сейчас. На видео, оператор приблизился к проектору, взял валяющийся провод и вставил в камеру. Динамик неприятно щелкнул. Кадр поплыл дальше, завернул за шведский стол на кухню, и на этом видео оборвалось. Оно проигрывалось прямо с той камеры.

Крыса физически ощутила чужое присутствие и испуганно обернулась на кухонный закуток, куда тянулся провод. Она встала, как можно тише, попятилась к выходу из столовой и поспешила найти Зайца. Они встретились на лестнице. Заяц начал рассказывать, что не смог все осмотреть, потому что лодка громадная, но Крыса цыкнула на него и повела в комнату с экраном. Там, она рассказала про запись. Зайцу стало интересно, и он сказал:

— Я тоже хочу посмотреть.

- Нет! Он прямо сейчас где-то рядом, — забеспокоилась Крыса. — Нам надо сваливать отсюда! Скорее, проверь карман!

В кармане действительно нашелся листок с единственным предложением, написанным от руки: «Чтобы всплыть, скажите “запустить протокол продувки цистерн”». Заяц прочитал вслух и прозвучал сигнал запущенного скрипта. Языковая модель задала вопрос:

- Я прерву процесс перевода и выполняю запрошенный протокол. Подтверждаете?
 - Подтверждаю! — ответила Крыса.
 - Принято, протокол запущен в работу и займет примерно полтора часа.
 - Полтора часа!?
 - Да, ускорять процесс слишком опасно. Приступаю к предстартовым проверкам систем.
 - Зачем ты его торопишь? — спросил Заяц.
- Крысу взбесило его непонимание:
- Ты не видел того, что видела я! Этот неизвестно-кто сейчас прямо там! — она указала в сторону столовой.
 - Он дал нам подсказку, значит бояться нечего. И вообще, я хочу посмотреть.

Доктор глубоко вдохнула, как учили на психологических курсах и сделала спокойный тон:

- Хорошо, но я не стану тебя спасать за счет собственной жизни.
- Ладно, — кивнул Заяц.
- И еще одно условие — мы найдем оружие.

На складе нашлась пара больших гаечных ключей. Заяц попробовал пошутить, что убивать такими всяких незнакомцев — одно удовольствие, но Крыса не поддержала его веселья и заставила идти первым:

- Ну правда же удобно! Смотри, — он театрально замахнулся и ударил воздух. — Хрясь!

— *Тише! — прошептала доктор, у входа столовую. — Ты реально долбонавт. Не уверена, что смогу тебя вылечить.*

Заяц тоже заговорил шепотом:

— *Ты специально изучила психоанализ, чтобы говорить всяким придуркам, что они неизлечимые?*

Она зажала ему рот, погрозила ключом и прошипела:

— *Заткнись и иди на кухню!*

Они бесшумно подкрались к кухонной двери и приготовились. Заяц уже собирался ворваться внутрь, как вдруг, оттуда заиграла тихая мелодия. Звук шепелявил, как будто проигрывался на старой телефонной трубке. Крыса почему-то остановила Зайца, ее глаза выглядели очень взволнованно:

— *Стой, — шепнула она.*

— *Почему? — ответил он, так же тихо.*

— *Я знаю эту мелодию, постоянно ее слушаю.*

— *И что?*

— *Почему она играет именно сейчас?*

— *Давай войдем и спросишь.*

Не дожидаясь согласия, Заяц подсмотрел в круглое дверное окошко и, резко толкнув дверь, влетел внутрь. Крыса замешкалась, но заскочила следом, готовая бить все что двинется. Бегая между столов и плит, они поняли что на кухне никого нет. Только включенная камера, со вставленным в нее проводом, одиноко лежала на разделочной доске и проигрывала музыку. Маленький экранчик высвечивал запись.

Крыса подошла и взяла ее в руки. На экране показывался кадр, бесконечно повторяющий сам себя. Так происходит, когда во время прямой трансляции, объектив направляют на подключенный монитор. Она потрясла камеру, и кадр задвигался бесконечной змейкой, как будто описанный эффект происходил прямо сейчас. Но монитора перед объективом не было. Крысу выводили из себя происходящие странности. Теряя терпение, она стала указывать Зайцу на экран:

— *Смотри! Как такое может быть? Выключи ее!*

— Не выключается, — сказал Заяц, пробуя нажимать на кнопку. —
Почему ты так боишься?

— Потому что это лысое чудовище прямо сейчас где-то здесь! — она
инстинктивно осмотрелась вокруг и продолжила, но уже шепотом.
— И оно специально включило музыку из моего любимого альбома.
Откуда оно знает?

— Какой альбом? Ты преувеличиваешь.

— Альбом «Апокалипсис животных». Я его на работе часто включаю.

В этот момент, из всех дверных динамиков прозвучал голос языковой
модели: «Начинаю процедуру запуска реактора — подача охлаждающей
жидкости, растормаживание стержней. Прогнозное время — пятнадцать
минут. Рекомендуется быть готовыми к тряске».

Долго ждать не пришлось: вся подводная лодка загудела, по ногам
пошла заметная вибрация, загревели кастрюли. Крыса сразу взяла себя в руки
и потянула Зайца на центральный пост. Она шагала быстро и оборачивалась
во все темные углы. Экран поприветствовал, когда они вошли:

— Добро пожаловать. Хотите, я прочту вам перевод?

— Читай, — приказала Крыса и села так, чтобы следить за входом.

— Все оказалось сложнее, чем я предполагал, поэтому удалось
завершить только небольшую часть. На основе анализа символов, я
сделал вывод, что текст напоминает стихотво...

— Читай уже, — перебила Крыса.

Голос прервался и без лишних объяснений прочел:

«Без начала и конца,

Снаружи вглубь,

За другом друг,

По размеченной системе утопает в круге круг,

Дробь дробей от дробей дробей,

Сеть бесчисленных слоев,

В бесконечность вьются корни —

Ответвления миров;

*Вариации событий,
Сфер граничащих роса,
Как уже сказал в начале:
"Без начала и конца"».*

Прочитав стих, голос замолчал и стал ждать реакции. Крыса нахмурилась. Она ожидала от этого перевода хоть какого-то объяснения, а получила дурацкий стишок. Заяц заметил ее неразговорчивое настроение и решил сам порасспрашивать:

- Это все?*
- И да и нет, — ответила модель. — Считаю важным отметить, что синтаксис нашего языка слишком статичен, чтобы выразить все возможные смыслы из оригинального текста. Символы из этой книги не стремятся сузить диапазон возможной интерпретации, а наоборот, умещают море в капле.*
- Понятнее не стало. Про что этот стих?*
- Предположительно, космогония.*
- Космогониво? — не понял Заяц.*
- Откуда взялся мир, — объяснил голос.*
- И откуда взялся мир?*
- Вы продолжаете требовать однозначного ответа, который уложился бы в привычный синтаксис, но оригинальный текст не только не предоставляет, но намеренно устраняет такую возможность. Я могу прочесть вам другой вариант перевода, который я получил вначале, но решил отбросить из-за излишней параноидальности.*
- Давай, — согласился Заяц.*

Модель вывела другой вариант на экран и прочла:

*«Под складками слоев — ее одежд безвременных,
Чередую ход начал, концов и пауз,
Мама-тьма из пальцев своих кремниевых,*

*Выщелкнула первородный хаос.
Сам того во тьме не замечая,
Покатился он горячим колом,
С края одного, до следующего края,
В лисью пасть, подтолкнутый хвостом.
Горсть за горстью, будто бы по плану,
Закрутилась вихрей череда,
Из невидной глазу базы данных,
В пустоте живой, оформились тела».*

*Чем дольше он читал, тем сильнее хмурилась Крыса, а Заяц, стараясь
вникнуть, ощущал в черепе нарастающее давление. Два стиха невозможно
было сопоставить. Закончив, голос добавил:*

- Обращаю ваше внимание на то, что оба стиха являются переводами
одной и той же части текста.*
- Я вообще ни слова не понял, — протянул Заяц и схватился за голову.*
- О такой крайней неоднозначности я и говорю.*
- А как мы можем быть уверены, что это не просто твои стишки? —
присоединилась Крыса.*
- Я всего лишь языковая модель и не могу специально обманывать.*
- Хорошо. Тогда скажи, кто еще на борту, кроме нас?*
- На борту только вы.*

Доктор взглянула очень недоверчиво и строго приказала:

- Все, давай всплывай нас, балабол.*
- Извините, если я расстроил вас своим переводом. Главный реактор
достигнет критической массы через пару минут. После этого
произойдет всплытие.*

*Больше никто не говорил. Крыса держала наготове ключ и
сосредоточено смотрела в проход. Она не шелохнулась, даже когда начало
трясти. Корпус накренился, во всех отсеках замигали сигнальные лампочки, и
лодка стала всплывать. Все консоли замаячили показателями. Так*

продолжалось около десяти минут, пока голос не сообщил: «Внимание! Приготовиться к пробитию льда!» Раздался громкий удар и треск. Лед заскрежетал по обшивке, и скоро, все затихло...

Заяц и Крыса отцепились от стульев и переглянулись. Пора было выходить наружу. Они нашли вертикальную лестницу в техническом отсеке и полезли вверх. Лестница привела в небольшую комнату с металлическими шкафами и люком. Заяц уже откручивал вентиль, когда из динамиков заговорила языковая модель:

- Советую взять зимнюю одежду, гарнитуры и ружья. Вы можете найти все это в хранилищах.*
- Какие гарнитуры? — выясняла Крыса, шарясь по шкафчикам.*
- С помощью гарнитур мы сможем поддерживать связь на расстоянии, — объяснил голос.*
- Ружья не нужны, — отказалась доктор. — В кого стрелять?*
- А я хочу ружье, — вставил Заяц. — Вдруг там белый медведь?*
- Тебя что, договариваться не учили? — возразила Крыса и строго добавила. — После этих слов, я запрещаю тебе брать ружье.*
- Ну блин! Ты же только что хотела бить кого-то гаечным ключом!*
- Это другое! А ну, положи на место!*

Он скривился, но ружье брать не стал. Люк со скрипом откинулся, и в глаза ударил яркий свет. Понадобилось время, чтобы зрачки привыкли и увидели незнакомую заснеженную местность. Лодка вынырнула на побережье небольшого городка. В противоположную от него сторону тянулась бесконечная пустыня замерзшего океана. Надо было пройти по льду несколько километров и найти помощь. Заяц обрадовал Крысу своим открытием, и оба спустились на лед.

Черная рубка возвышалась инородным объектом и становилась все меньше, по мере отдаления. Путь оказался долгим: пришлось целый час идти прямо, прикрываясь капюшонами от пронизывающего ветра. Когда до береговой линии оставалось совсем чуть-чуть, Крыса, вся скукоженная от холода, побежала и поднялась по ступенькам на мостовую. Заяц пошел следом.

Они перешагнули рельсы и вышли на пустую заснеженную дорогу, которая выглядела так, как будто по ней давно не проезжала машина. На въезде стоял дорожный знак с надписью: «Анкор — город на горе». Крыса немедленно забежала в ближайшую придорожную забегаловку и стала дышать себе в лапы, чтобы согреться. Заяц пошел к пустой стойке и позвонил в настольный звонок... Персонал не откликнулся. Крики тоже не помогли. Тогда, он прошел по служебным помещениям, но и там никого не обнаружил.

Кафе не выглядело ухоженным: на всех поверхностях темнели высохшие пятна, пару окон треснули, мебель заржавела, стул администратора был опрокинут. Что-то постоянно хрустело под ногами, и Заяц присел, чтобы посмотреть. Оказалось, кое-где по полу разбросаны маленькие ракушки. Все это показалось странным. Он вернулся в зал и увидел, как Крыса брезгливо трет поверхность стола. Она посмотрела на него и сказала:

- Что это такое? Какая-то зеленая плесень. А еще здесь песок рассыпан.*
- И ракушки, — прибавил Заяц. — Я посмотрел все комнаты и никого не нашел.*
- Может они разорились? Пойдем отсюда.*

Они зашли в несколько других мест, но обнаружили тоже самое: мусор, пятна, ракушки и никого. Складывалось впечатление, что абсолютно весь город опустел. Крыса повторяла, что должен быть хоть кто-то, но каждый следующий магазин, заправка, кинотеатр оказывались пустыми. «Ну не может быть так, чтобы весь город был заброшен! — не успокаивалась доктор, — Хотя бы один бомж должен быть!»

Так они бродили с полчаса, пока снова не вышли на дорогу и не заметили дымок. Он шел из трубы раздолбанного корабля, который лежа кое-как, вмерз в океанический лед. Судно лежало в бухте полуострова, зияя ржавыми дырами, на фоне острых скал. «Видимо там твой “обязательный” бомж», — усмехнулся Заяц, стараясь разрядить обстановку. Крыса никак не

отреагировала и упрямо направилась в сторону корабля. Они перешагнули через рельсы, спустились по мостовой и снова пошли по льду.

Вблизи развалина показала свои истинные размеры. Ржавые детали скрипели и завывали на ветру. Тут Крыса остановилась. Она жестом приказала Зайцу не шуметь и внимательно прислушалась. Среди металлического скрипа и шума ветра был другой звук. На корабле кто-то пел...

Они пролезли в одну из дыр и стали красться на звук. Внутри ветер был особенно гулко. Каждый шаг, даже самый осторожный, вызывал стук и скрежет. Двигаться незаметно в такой развалюхе позволяло лишь то, что шаги сливались с остальным аккомпанементом. Никто, даже самый внимательный слушатель, не смог бы вычленить походку из общей какофонии.

Так думала Крыса, пока из глубины корабля не прозвучал громкий женский голос: «Стоп! Там идут чужаки. Никто из наших так не ходит». Оба лазутчика замерли и рефлекторно втянули головы в плечи. Они стояли так пару минут, но ничего не произошло. Пение стихло и пока не возвращалось. Заяц дернул Крысу за рукав и прошептал:

- Они ждут пока мы начнем двигаться.
- Нам надо двигаться на четвереньках, — предложила доктор. — Так тише.

Зайцу очень понравилась эта идея. Они осели к полу и дали задний ход. Через несколько метров, кто-то снова закричал:

- Что вы там ползаете?! Вылезайте! У нас есть ружья!
- Надо что-то ответить, — шепнула Крыса неуверенно.

Подумав немного, Заяц крикнул:

- А у нас нет ружьёв!
- Правильно "ружей", дурак! — прошипела Крыса.
- То есть ружей! — исправился Заяц.
- Сейчас вам будет не до падежей! — ответил другой грубый голос.

Застучали шаги, и в проходе показались тени. Заяц с Крысой рванули к выходу, прыгнули в дыру и прислонились к корабельному борту. Бежать по

открытому льду было неразумно: их бы с легкостью подстрелили. Погоня не появлялась достаточно долго, чтобы дать отдышаться. Успокаиваясь, Крыса начала понимать нестыковку и сказала:

— Если у них ружья и они такие опасные, зачем тогда кричать что у них есть ружья? Зачем вообще надо было кричать?

К разговору присоединилась языковая модель, про которую они уже успели забыть. Из обоих гарнитур заговорил знакомый синтетический голос:

— Справедливое замечание! По анализу звуковой волны, я могу сделать вывод, что все что вы слышали было сказано одним и тем же лицом.

— Ты говоришь так уверенно и официально, что тебе не хочется доверять в такой ситуации, — усомнилась Крыса.

— Да. Мы же не роботы, чтобы просто пойти туда и проверить твою догадку, — поддержал Заяц.

— Хорошо, я сменю стиль общения на более развязный, — сказала гарнитура и продолжила уже по-другому. — Может у тебя длинные уши, но слышишь ты поганенько, Заяц. На то я и робот, что могу измерить длину глотки того утырка по одному его слову. Короче, если не заморачиваться с теорией звука, там на корабле долбаный ламантин. Если боитесь ламантина, я могу жახнуть ракетой по его координатам.

— Не надо жახать! — испугалась Крыса. — Мы тоже тут! И вообще, нам нужен кто-то живой!

— Понял, принял. Как вам новый стиль общения?

— Слишком многословный, — отозвался Заяц.

— Если укорачивать, останется только мат. Сменить обратно?

— Да.

— Хорошо. По-прежнему утверждаю, что на корабле находится один ламантин.

— Ладно, мы проверим, — осмелела Крыса и вошла обратно.

Заяц поторопился за ней и по дороге схватил с пола ржавую железяку. Они приблизились к проходу в котором видели тени. Предполагаемый ламантин снова крикнул новым голосом:

— Вы что не поняли?!

— А че вы все время по одному говорите? — бросила Крыса.

В проходе зависло молчание, после чего вернулся грубый голос, но уже не такой уверенный:

— Мы что галдеть должны?

— Вы, это ламантин?

— Э... — запнулся грубый. — Ты что несешь?!

— Ладно, все понятно, — пробурчала доктор и отобрала у Зайца его железку. — Это называется диссоциативное расстройство личности. Щас я тебя вылечу.

Не дожидаясь напарника, она скакнула в проход и ударила по чьей-то голове. Как и говорил робот, это оказался толстый Ламантин. Он пытался закрыться от ударов своими лапами и кричал, уже своим голосом: «А-а! Стойте! Не надо! Я просто актер!»

Заяц опомнился только через мгновение и побежал за ней, чтобы остановить. Крыса замахнулась в очередной раз, но розовая лапа не дала ударить и выхватила железку. Актер был значительно побит: на грузном теле проступали синяки, а с разбитого лица падали красные капли. Рядом валялись несколько чучел, которыми он имитировал тени. Остановившись, доктор вспомнила, что она доктор и немного ужаснулась:

— Ой! Я не хотела так сильно, я только проучить хотела...

Заяц решил не ждать и сразу начал допрос:

— Ты что тут делаешь? Почему город пустой?

Ламантин всхлипнул, показал лицо и дрожащим голосом ответил:

— Тут мой театр, я играю! Из города все уплыли, давно уже! Вы что не знаете ничего?

— Где театр?

— За занавеской, — он указал себе за спину.

Кусок ткани прикрывал большую дыру, заменяющую дверь. Заяц заглянул и удивленно воскликнул: «Ого! Реально театр». Брюхо корабля было оборудовано всем необходимым: кустарно сколоченная сцена, такой же зрительный зал, даже простенькое освещение из факелов и костровых бочек. Внутри было тепло и сухо. На сцене стояли небольшие декоративные колонны. В последнем ряду стоял роскошный старый диван. Заяц выбросил железку и продолжил разговор, но уже без прежнего напора:

- Ты сказал все уехали. Почему?*
- Потоп, — ответил Ламантин, пробуя встать. — Как вы можете не знать?*
- Мы ничего не знаем. Расскажи подробнее.*
- Это очень странно, что вы не знаете. Все произошло очень давно: вода прибывала несколько лет и добралась аж до гор. Этот город тоже был под водой, но не так глубоко как другие. Вода отступает очень медленно. Если спуститесь вниз по дороге, увидите что она ведет под лед, в океан. Внизу ничего не осталось, там дно, а на дне развалины.*
- Я не понимаю, — сказала Крыса, мотая головой. — Откуда потоп? Какой сейчас год вообще?*
- Ни того ни другого не знаю. Можно, теперь я спрошу?*
- Спрашивай, — разрешил Заяц.*
- Откуда вы, такие странные? Здесь никого не бывает, кроме меня.*
- Я не помню.*
- Я помню, — ответила Крыса. — Но это сумасшествие. Не хочу рассказывать.*
- Ламантин боялся настаивать, поэтому перевел тему:*
- Как скажете. Так что, можно я поплыву? — сказав это, он стал постепенно скользить к одной из дыр.*

Крыса хотела остановить его, чтобы узнать подробности, но Ламантину больше не требовалось разрешение. Он выскочил в дыру, проехался

по льду на пузе и исчез в своей проруби. Доктор крикнула ему вслед извинения, но беглец уже не слышал.

Темнело. Они остались одни в театре и решили провести здесь ночь. Из-за страха перед лысым существом, Крыса отказалась возвращаться на подводную лодку. Пришлось лечь на старом диване и греться возле горящих бочек. Корабль скрипел все тише, пока ветер совсем не ослаб. Замерзшая бухта наполнилась тишиной. Только трещали костры в бочках, и Крыса тихо рассказывала Зайцу все, что помнит:

- ...вот, а потом меня почему-то завертело, и я проснулась на лодке. Ты веришь в такое?*
- Я не чувствую что мне нужны ответы. Даже не могу оценить правдоподобность, — ответил Заяц, пожимая плечами. — Как-то без разницы. Это ничего не меняет. Я просто говорю или слушаю, делаю что-то и все, без мыслей...*
- У тебя что, деперсонализация? — она поднялась на локтях и посмотрела на него оценивающе. В разговор вклинилась языковая модель:*
- Не фиксирую очевидных симптомов деперсонализации. Отмечу также, что ваш рассказ напоминает галлюцинацию, а не реальные события.*
- А про потоп ты знаешь?*
- В моей базе нет ничего о потопе. Не стоит верить незнакомцам на слово. Для подобных утверждений нужны твердые доказательства.*
- Разве пустой город не является доказательством?*
- Город мог опустеть по разным причинам.*
- А ты что думаешь? — спросила Крыса, обращаясь к Зайцу, но тот уже спал.*

Тогда, она плюнула на все и решила оставить разбирательства на завтра. Голова утонула в подушке, и под треск костра Крыса почти сразу провалилась в глубокий сон.

Бывает, что путешественник проваливается внутрь самого себя. Снаружи, это может выглядеть как безумие или глубокий сон. Но бывают такие сильные провалы, в которых путешественник уже никак не выглядит — он исчезает. Другой слой вбирает его полное внимание...

Заяц спал, беспокойно ворочаясь в душной багровой дреме. Время тянулось как вязкий мазут. Одежда липла, а в голову лезли неказистые тревожные сны. Периодически просыпаясь, он сохранял настроение этих снов и как зайчонок, боялся открыть глаза. Казалось, ночь длится вечно.

В один из таких моментов, кто-то грубо толкнул его в темноте. Глаза открылись, но не увидели ничего, кроме сплошной черноты. Он нащупал Крысу, потряс ее и позвал вполголоса... Та ничего не ответила. Тогда, Заяц потряс сильнее. Она заворочалась, отклеилась от подушки и сонно пробормотала:

- Что произошло?*
- Это ты меня разбудила?*
- Я спала, это ты меня разбудил, — ответила доктор, пытаясь разглядеть его лицо. — Почему так темно?*
- Не знаю, может, бочки прогорели, — предположил Заяц и шепотом добавил. — Меня толкнул кто-то.*
- Это точно не я. Приснилось что-ли?*
- Я не спал, я подумал... — он затих на полуслове и прислушался.*

В ушах тонко свистело. Тишина и черная глубина вокруг показались враждебными. Воображение представило нечто кишачье в темноте. В груди зажегся огонек страха. Заяц каким-то неясным чувством уловил чужое присутствие. Он приблизился к самому ее уху и сообщил, так тихо, как будто вокруг подслушивают:

- Оно сейчас стоит на сцене.*
- Что? — еле слышно спросила Крыса.*

- Оно смотрит прямо сюда.
- Мне даже лап не видно. Что ты видишь?
- Не знаю, оно большое...

Эти слова напугали Крысу. Она не понимала, как Заяц мог рассмотреть хоть что-то. Думая, что он спятил, доктор пристально взгляделась в направлении сцены. Мозг начал вылавливать несуществующие контуры. В глазах зарябило, пятна нервного белого шума стали хаотично зерниться. И мелькнуло оно: смутное присутствие, облако, ограниченное чувством. «Живое, большое, тяжелое» — все эти слова одновременно всплыли в сознании, как впечатления от увиденного объекта. Крыса списывала все на разыгравшуюся фантазию, пока не услышала скрип. Резкий звук вызвал прилив страха. Скрипнуло еще раз, и Крысе представился образ огромного скрипучего ботинка, ступающего по сцене. Еще несколько скрипучих весомых шагов и шелест занавеса — какое-то большое существо ушло за кулисы...

Стараясь не шуметь, Заяц сполз с дивана и потянул Крысу за рукав:

- Ты куда? — шепнула она, пытаясь остановить.
- За фонариками.
- Тогда, я поведу. Я их вчера оставила на стуле.

Крыса слезла за ним. Оба пошли на корточках к зрительным рядам. Двигаясь вдоль ряда, доктор вела пальцами по спинкам стульев, как по путеводной нити и отсчитывала нужный. Ближе к концу, она остановилась. Лапа протиснулась над подлокотником и опустилась на сиденье, но... Там оказались не фонарики. Ладонь легла на чью-то теплую ногу в брюках:

- Воруют! — разъярился потревоженный и крепко схватил запястье.
- Ай! Отпусти! — закричала Крыса, вырываясь.

Заяц быстро нащупал стул, затем голову сидящего и пару раз ударив его по ушам, стал душить. Удушенный забулькал, отпустил Крысу и вцепился в Заяца, пытаясь разжать хватку. Тем временем, черный невидимый зал взрывался возмущениями. Несколько лап схватили нарушителей, затем еще, и скоро, не осталось шансов выбраться. Несколько долгих мгновений, оба чертыхались и дергались, пробуя попасть по кому-нибудь головой.

Затем, грохнул звук похожий на рычаг, и включился свет. Продолжая по инерции сопротивляться, Крыса внезапно поняла, что ее никто не держит. Заяц тоже оказался свободен. Оба осмотрелись, пытаясь увидеть нападавших, но никого не было. Зал изменился: вместо дырявого корабля — просторный партер настоящего театра; позолоченные балконы, и громадная сцена. Все было обшито и отделано дорогими материалами, а с потолка свисала роскошная хрустальная люстра. Вокруг ни души:

— Это что такое?! — опешила Крыса и отбежав назад, дернула двери.

Выход был заперт. Возле дверей стояла табличка с предупреждением: «Не открывать во время спектакля!» Внутри закипели сомнения. Она обернулась и нервно спросила:

— Что ты видишь? Где мы?

— Театр, — ответил Заяц, рассматривая все вокруг. — Я вижу тоже, что и ты.

— Может я еще сплю? — доктор оглядела себя недоверчиво.

— Нет, меня точно разбудили. Я помню как проснулся.

— Может мы оба спим?

— А где мы заснули?

— На корабле! Ты что не помнишь?!

— Я?.. — Заяц запнулся.

В его памяти не осталось ничего конкретного: только отголоски ночных видений и чувство, что он знает Крысу. Он действовал почти автоматически. Направленное внутрь внимание терялось в черной дыре; театр казался взвесью света из ниоткуда.

Со сцены донесся щелчок, и тихое шипение включенного микрофона.захотелось спрятаться. Крыса быстро схватила Зайца и потащила за зрительные ряды. Люстра в зале потускнела. Интерьер погрузился в полутьму, и сцену осветил прожекторный луч. Черный женский силуэт выплыл из-за кулис, медленно прошел по сцене и остановился у самой кромки светового пятна, не заходя в свет.

Крыса внимательно взгляделась между кресел, но лица не увидела — силуэт терялся в контрасте, слегка выделяясь тенью. Тень подняла микрофон и спела пару строчек:

«Once upon a time I was falling in love

(Однажды, я падала в любовь)

But now I'm only falling apart»

(Но сейчас, я только распадаюсь на части)

Пустой зал ответил эхом. Заяц хотел выйти из укрытия и уже начинал подниматься, когда доктор остановила его. Ей было не по себе. Пение показалось знакомым. Резко погас весь свет. На несколько секунд вернулась прежняя чернота, и прозвучало несколько ритмичных ударов барабанных палочек. Так делают барабанщики на концертах, чтобы группа подхватила темп. На пятый удар, сцена зажглась красным.

В центре появился кто-то большой. Крыса прищурилась и с удивлением поняла, что это невероятно толстая Свинья в черном латексном костюме. Латекс туго обтягивал ее массивное тело, а на морде висел такой же черный противогаз, с глухо тонированными стеклами. Она держала в охапке кучку непонятных розовых комков, размером с баскетбольные мячи. Вместе с пятым ударом заиграла музыка, а Свинья начала танцевать и хрипло петь:

«Look my eyes are just holograms

(Смотри, мои глаза — просто голограммы)

Look your love has drawn red from my hands

(Смотри, твоя любовь окрасилась красным от моих рук)

From my hands you know you'll never be

(От моих рук, в которых, ты знаешь, ты никогда не окажешься)

More than twist in my sobriety»

(Чем-то большим, чем сбой в моей трезвости)

Розовые комки зашевелились, выкатились из ее рук на сцену и оказались маленькими поросятами. Бегая вокруг Свиньи, они уворачивались от

ее тяжелых шагов, а Свинья, прекратив петь, неуклюже кидалась за ними и разъяренно хрюкала, пытаясь поймать каждого, кто оказывался достаточно близко.

Музыка сбилась с ритма, инструменты все сильнее напоминали скрежет, гармония превратилась в бессмысленный шум. Свинья уже орала по-звериному и топала все громче. Поросята в диком ужасе носились между толстых ног. Один все-таки попался: она схватила его за хвост и потянула.

Крыса съежилась от поросычьего визга. Не желая больше смотреть, доктор отвернулась и увидела странную картину: Заяц лежал на полу, опершись головой о спинку кресел, а по нему ползали желтые пушистые утята, совсем маленькие. Его взгляд медленно скользил от одного утенка к другому и вообще не выражал эмоций. Крыса толкнула Зайца в плечо:

— Ты что делаешь? Откуда ты их достал?

Заяц перевел на нее пустой взгляд, взял одного утенка в ладонь и поднес вплотную к своим глазам. Всмотревшись в желтый пух, он медленно выговорил:

— Смотри, у него второе лицо. У него вместо клюва — крокодилья голова.

— Чего?! — не поняла Крыса.

— Ну там не ноздри, а крокодильи глаза, — пробурчал он также медленно. — Он, когда своей основной головой спит, вторая смотрит. Ну типа, как дракон.

Заяц скрючил лапу, показывая когти и изобразил рычание дракона: «А-р-р!». Тем временем, сцена опустела. Крыса окинула театр взглядом, опасаясь увидеть кого-нибудь еще. Казалось, что на балконах и за кулисами прячутся невидимые зрители. В полной тишине, она встала из-за укрытия и побежала к запасной двери. Ручка поддавалась и открылся выход на служебную лестницу.

Крыса обернулась к Зайцу и хотела позвать за собой, но на прежнем месте его не оказалось. Оставшись одна, доктор сильнее запаниковала. Стало

страшно, что ее тоже заберут. Она закрыла за собой дверь, вышла на лестничную площадку и убежала вниз по ступеням...

На самом деле Заяц не пропал, а просто отполз в сторону за стайкой утят. Забыв про Крысу, он двигался на четвереньках вдоль ряда и старался не отстать. Их короткие лапки быстро перебирали по ковру, как будто каждый точно знал куда идет. Партер подошел к концу. Они миновали последний стул, пробежали небольшой коридор и один за другим прошли в приоткрытую дверь. Заяц остановился, чтобы заглянуть в щелку.

За дверью была уборная. Последний утенок уже пропал в одной из кабинок, когда зажурчал звук смыва. Заяц распахнул дверь и подбежал ближе, ожидая увидеть утекающих в канализацию утят, но увидел другое: толстый рыжий Кот сидел на унитазе со скучающим видом. Он держал на коленях трость и смотрел вниз на свои спущенные к полу брюки. В них, как в гнезде разместилась вся стайка. Кот вздохнул и сонно промурчал:

— Ну, хоть что-то интересное, — заметив Зайца, рыжий недружелюбно нахмурился, и, прежде чем захлопнуть дверь, спросил: — Что смотришь? Ты адекватный вообще?

Дверь захлопнулась у Зайца перед носом. Наступила тишина. С полминуты он стоял неподвижно и пытался вспомнить что вообще происходит. Маленькая частичка сознания все еще наблюдала откуда-то со дна глаз. Концентрацию сбило прикосновение. Кот просунул трость под кабинкой, постучал Зайцу по ноге и пригрозил:

— Ты что там принимаешься? Иди давай отсюда!

Заяц наклонился и также автоматически выхватил трость:

— Могучий случай! — возмутился Кот. — Что же ты за болван?

Дверь снова открылась и выглянула сморщенная вредная морда. Заяц стоял перед ворчащим Котом и изо всех сил старался сосредоточиться на сути происходящего, но никак не мог уловить смысла или хотя бы предыстории. Маленькая искорка на дне глаз стала легонько колыхаться и всплывать на поверхность. Пропуская все мимо ушей, Заяц взглянул на трость в своих лапах, затем на Кота, и такое странное недоверие охватило его, что

он без раздумий отвел лапы, прицелился и точно вонзил трость в кошачий глаз:

— И вообще!.. — не закончил Кот.

Рыжая голова стукнулась о заднюю стенку кабинки и замерла с открытым ртом. Можно было решить что он мгновенно умер. Выражение застыло в пустой гримасе. Не вынимая трость, Заяц приблизился чтобы рассмотреть. Глаза не было, но кровь не текла. Из пробитой глазницы что-то торчало: маленький кусочек ваты или нитка. Двумя пальцами, он ухватил это и потянул. Вата вылезла сильнее и распушилась. Он вытянул еще, затем еще, пока не понял, что вытаскивает камышовый пух. Поддев глазницу пальцем, Заяц дернул и оторвал такой же кусок скулы. Трость вывалилась на пол, выковырив из глазницы целый пучок. Тогда он схватил и вырвал половину черепа. Голова распушилась, челюсть повисла на одном суставе. Пух летал по всей кабинке.

Заяц чихнул и отошел назад. Ничего не удивляло. Все казалось странным, но не цепляло за живое. Границы нормального растворились. Все было никаким, пустым, мимолетным, как это чучело. Но было нечто... нечто живое вокруг, наблюдающее, как бесконечное лицо с вечно поднятыми веками. Он встал посередине уборной и медленно осмотрелся. Сознание продолжало всплывать. Зрачки скользили по пространству, поедая каждую деталь и оттенков. Взгляд остановился на зеркале. Он приблизился и уперся лбом в свое отражение. В глазах потемнело...

Лоб отлип. Веки открылись. Лунный свет упал на сетчатку. Заяц сидел за столом у себя дома, а перед ним лежал черный Рехамл. На обложке и на лбу засох пролитый воск. Он не забыл что было секунду назад, наоборот, помнил отчетливо. Остальная часть сна сильно помутнела, только некоторые кадры сохранились без особых потерь. Казалось, прошла целая вечность, хотя только день назад он ходил к психоаналитику. Подумав о Крысе, он вспомнил, что она тоже снилась. Сон был реальностью. Собственный дом воспринимался как давно покинутое место, в которое он только-что вернулся. Чувство безопасности, уместности и уюта не

приходило. Земля больше не была твердой. Внутри нарастало странное животное напряжение.

Заяц не встал, а опасливо слез со стула, и крадучись, выскочил сквозь заднюю дверь. Голые лапы бесшумно ступили на влажный газон, и ветер приветственно всколыхнул кусты терновника. Полная луна отбросила длинную ушастую тень. Он окинул сад диким взглядом, а затем стал глубоко дышать, издавая на каждом выдохе глухое рычание. Хотелось бегать на четвереньках, пролазить в труднодоступные места, прятаться в тенях. Челюсти электрически гудели. Он бросил взгляд на луну и в последний раз попытался удержать утекающий рассудок...

Улица, на которой жил Заяц, считалась одним из самых спокойных мест города. Многие даже оставляли открытыми окна и двери. Справа от него жил уважаемый Бегемот со своей семьей. Он как раз надел маску для сна и уже начинал засыпать, когда что-то урчащее с грохотом ворвалось в спальню, покусало его с женой, и со звоном выпрыгнуло в окно. Бегемот успел только содрать маску и увидеть черный на фоне луны силуэт.

На следующее утро соседи собрались на совещание. Многие дома оказались потревожены. Жители рассказывали о разном ущербе: пожеванные садовые гремлины, обслюнявленные окна, вывороченные холодильники и пробитые заборы. После нескольких рассказов, слово взял Пудель:

- Это цветочки! А знаете что произошло у меня? — он выдержал паузу, чтобы проникновенно зыркнуть на присутствующих. — Этот некто раскопал яму под моим домом, проник в подвал и... — Пудель снова остановился и всем видом показал, что дальше ему озвучивать неудобно. — Извините, но это существо утрамбовало в мой садовый шланг свои экскременты, — собрание вспыхнуло возмущениями.
- Это же отлично! — воскликнул кто-то.
- Что тут отличного? — не понял пострадавший.
- Ну как? Раз у вас есть этот самый материал, мы можем сдать его на ДНК тест и выяснить, кто это был на самом деле. А? Идея?
- Пудель задумался. Все взгляды направились на него:

- *Согласен, действительно идея. Я вам тогда сегодня же принесу кусочек, а вы отправите.*
- *Конечно, несите! И во всем находите только плюсы. Вы вообще знаете мою историю? — присутствующие не знали, но смотрели с интересом. Тогда он встал со стула и продолжил: — Ночью я был на втором этаже, не спал и слышал шум. Сильно хлопнуло окно. Пока прислушивался, попадали банки. Ну, я взял клюшку, пошел вниз. Пока спускался — шарах! — рассказчик со счастливым видом затряс головой, изображая разруху. — Все! Нафиг разлетелся аквариум! Я думаю: «Ой-йо!» Ну, спустился. Подсветка вдребезги, шторы закрыты, поэтому темень. За диваном, это там, где аквариум был, два черных рога, огромных. — он перешел на серьезный тон и показал размер рогов. — Вот такие! Длинные, толстые, шея сломается носить. Я раз по этим рогам клюшкой! А он — она! — и схватил ее! И держит, не отпускает, чем-то харкается. Я дрожу весь, присмотрелся, а у него в пасти мой сом домашний застрял. Успел разглядеть: шары у него во! клыка у него целых два! и воняет страшнее, чем выглядит. Видимо, после вас ко мне заскочил, — он кивнул в сторону Пуделя. — Ну, я застыл. Он похаркался и убежал вместе с рыбой. Зато теперь ухаживать не надо, — рассказчик развел руками и сел, как бы передавая свою историю на коллективный суд.*

Рассказ произвел сильное впечатление. Настрой собрания сменился.

Если раньше это был праведный гнев, то теперь, соседи начали видеть во всем случившимся мистический флер. Каждый молчал, ожидая, что кто-то другой возьмет на себя ответственность выразить общее настроение:

- *Мне показалось, — тихо начала Бегемотиха. — Что оно вступило со мной в связь.*
- *В какую связь?! — встрепенулся Бегемот.*
- *Оно пыталось говорить, — объяснила Бегемотиха, смотря на мужа почти застенчиво. Она понимала, что ему будет неловко слышать такие странные подробности при всех соседях, но считала*

необходимым выдать все, что знает. — Я была в ванной, когда ты ложился. У нас там окно, которое мы обычно занавешиваем. Я как раз вышла из душа и собиралась почистить зубы, а раковина как раз возле окна. И в щели, через жалюзи, увидела, что на меня смотрят два глаза, — ее тихий голос задрожал. — А это второй этаж... Я так испугалась, что даже крикнуть не могла, просто смотрела. Очень страшные глаза: злые, демонические. Не хмурые, как мы обычно, когда злимся сжимаем брови, — она показала классическую злую гримасу. — А прямо излучающие зло изнутри. Такой безумно злой блеск. Я же не видела бровей и остального лица, но сразу это поняла, каким-то задним чувством уловила. И услышала рычащий такой шепот, очень жуткий хрип. Что-то он сказал... Мне показалось: «Не смотри».

— Подожди. Почему ты мне не сказала? — перебил Бегемот.

— Ты бы не поверил. Но раз уж не только я заметила странности... — она посмотрела на соседей, все слушали. — В общем, дальше оно влетело в окно. Просто вышибло раму своим телом, резко. Я даже не успела ничего разглядеть, только ворох из этого всего мусора: жалюзи, куски окна. И сразу свет погас. Оно лампу собой разбило и продырявило потолок гипсокартонный, как ядро, — тут Бегемотиха перескочила на свою основную мысль. — Я хочу сказать, что это не животное, как бы наивно это не звучало! — из-за волнения ее голос прозвучал крикливо. — Вот смотрите!

Она оголила плечо и отклеила большой пластырь. На серой коже показался глубокий рваный укус. Соседки стали ахать и одна за другой подходили, чтобы выразить сочувствие. Одна из них подтолкнула своего мужа-доктора, чтобы тот для приличия осмотрел рану. Всех очень развлекала история Бегемотихи. Тихий район страдал от дефицита происшествий, и любой беспорядок, особенно такой, как сегодня, приходился как нельзя кстати. В тайне все были бы рады, если кого-нибудь из соседей вообще загрызли. Вот был бы скандал! Дети, подслушавшие собрание под окном районного центра, стали планировать облаву на неизвестное чудище. Они единогласно решили,

что забивать монстра следует исподтишка, предпочтительно стальными трубами. Каждый знал, что сразу найдет подходящее оружие в папином гараже.

Договорились встретиться вечером. Кто-то напялил шлем, хоккейную маску, мамин корсет. Кто-то просто надел плавки поверх штанов. Селезенка, дочь Селезня — театрального актера, чья семья жила в конце улицы, притащила с собой длинное декоративное копьё, как она сама сказала: «Из настоящего золота. И таких у меня еще много-много». Неоднородная мини-армия собралась в районном парке в густых кустах, чтобы родители не увидели. Самый главный зачинатор всех безобразий — бурый Кабаненок, малявка, но с ужасным поведением, встал на ведро, снятое с чьей-то головы и толкнул зажигательную речь:

— *Дети моей улицы! Наша земля в опасности! Кто защитит наших родителей от клыкастого ублюдка?! Только мы! Я решил взять ответственность в собственные копыта! Правительство не справляется! Если в нашем районе происходит такой ужас, то что творится в остальном городе?! Страшно представить, но бояться нам некогда! Пора мстить! Поганый упырь должен сдохнуть!*

Армия пискляво ликовала. Кабаненок, почувствовав, что затея получается, встал в позу римского императора и уже не так громко, огласил план:

— *С наступлением темноты, мы все должны разойтись по домам, иначе нас наругают и надолго запрут в комнатах! Но тварь выползает только по ночам! Поэтому, приказ: сделать чучела, подложить в кровати и незаметно выйти на улицу! Встречаемся на том же месте!*

Прошло время. Стемнело. Приказ был выполнен только половиной войска. Дети сели в круг, чтобы проверить снаряжение и обсудить дело. Кабаненок толкнул своего безотказного друга — Баранчика, и шепотом спросил:

— *Мясо принес?*

— *Принес, — ответил Баранчик также тихо.*

— Мальчики, а зачем нам мясо? — спросила Селезенка с копьем.

Кабанчик посмотрел на нее очень серьезно, как генерал на салагу:

— Мы приманим убудка на кровь...

Мясо в пакете повесили на забор чужого заднего двора. Сам отряд залег подальше, за корнями и в высокой траве. Улица спала. Из потухших окон долетал храп. Луна пряталась за облаками. Баранчик, догадавшийся залезть на дерево, вытащил бинокль и взгляделся сквозь темную листву:

— Не вижу движения, — передал он по игрушечной рации.

Кабаненок, засевший возле другого дерева, вытащил свою и ответил:

— Говори «прием», балбес! Прием.

— Сам балбес. Прием.

— Вот, правильно. И не забывай. Кстати, копейщица наготове? Прием.

— Да, — прошептала Селезенка в эфир.

— Говори «прием»! Сколько можно повторять?

— Ладно. Прием.

— Так, слушай внимательно. Ты и твой отряд пойдете в атаку. Как поняла? Прием.

— Поняла нормально. Отряд тута. Прием.

— Не «тута», а «на позиции»! — снова поправил Кабаненок. — Что вы как детсадовцы? Прием.

Селезенка повернулась к своей пехоте и сделала пренебрежительный жест, который означал, что слушаться надо только ее. Четверо мальчиков в подчинении лежали на земле и держали принесенное оружие. Стальных труб не нашлось, но были: бита, молоток для крикета, большой гаечный ключ и даже топор. Баранчик и Кабаненок вооружились самодельными дубинками из распиленной пополам швабры.

Пока отряд сидел в засаде, Хрюша — один из опоздавших на сходку — только собирался покинуть свою комнату. Очень много времени ушло на костюм. У него придумался план: прийти в паразитическом костюме и захватить верховную власть над всем отрядом. Ему сильно хотелось командовать, но среди друзей у него не было особого авторитета. Наблюдение

за Кабаненком привели к двум логическим заключениям: первое — командовать могут даже идиоты; и второе — чтобы получить власть, ее необходимо отнять. Облаченный в черный боксерский халат отца, Хрюша стоял перед зеркалом и примерял большущий капюшон с вырезами для глаз. А под капюшоном был надет игрушечный шлем «Дака Вейдера». Внутри стоял крутой изменитель голоса. Фразы из фильма звучали точь-в-точь. Налюбовавшись собственным отражением, владыка взял со стола монтировку, еще раз проверил чучело в кровати и вылез через окно на карниз. Пришлось спускаться по живой изгороди со второго этажа, но этот риск стоит того. Сейчас он придет, и все девочки ему поклонятся, и все мальчики тоже, даже самые большие. Даже этот «тупой волосатый кабан» и его «баран долбодруг». Так думал Хрюша, пробегая по темной улице, мимо света фонарей.

На месте встречи никого не оказалось. Понадобилась небольшая прогулка, чтобы заметить вдалеке розовый сарафан Селезенки. Спрятались они не очень качественно, и, просидев в засаде полчаса, уже клевали носами. Каждый старался высидеть как можно дольше, чтобы не показаться слабаком. Хрюше не терпелось продемонстрироваться во всем величии. Приблизившись к друзьям со спины, он развел руками и громко произнес:

- Я ваш отец! — измененный голос прострелил ночь.
- Оно ту-у-т! — заорал испуганный Баранчик и упал с ветки. — А-а-а! Ловите! Бросайте копьё!

Дети мгновенно выскочили из дремоты. Головы у всех вскружились. Кто-то до сих пор не понимал, сон это или реальность. В полусознательном состоянии Селезенка выдернула из земли копьё и со всего размаху метнула его в страшную рычащую тень. Хрюша в последний момент отбил его монтировкой и в ужасе стал кричать, что это же он, Хрюша, придурки! Но, услышав свой монструозный голос, понял — надо сваливать. Ринувшись наутек, он попытался скинуть шлем, но тугая застежка и глубокий капюшон не позволяли сделать это на ходу. Погоня не отстала. Видя, что тварь убегает, дети пустились преследовать ее по всему району. В каждом из них

смешались страх, удивление и восторг, каждый хотел крови. После копья, в монстра полетел топор. Тот успел пригнуть голову. Лезвие просвистело мимо и вонзилось в чью-то ограду. Извилистыми путями, Хрюше удалось немного оторваться. Еще через пару домов, он свернул в узкий переулок, заметил большую дыру в заборе и без раздумий влетел на чужой участок.

Появилось время отдышаться. Сидя на газоне, наконец-то удалось снять шлем. Он отшвырнул его под терновый куст и вытер слезы о рукав. Показываться друзьям не хотелось. Хрюша прислонился к дереву и посмотрел в небо. Облака рассеялись, обнажив луну. Двор вытянул холодные тени:

— Мальчик... — позвал мягкий женский голос.

Хрюша немного испугался, подумал что его будут ругать. Голос шел из раздвинутой настежь стеклянной двери. В доме кто-то был:

— Мальчик... — услышал он еще раз. — Не бойся, подойди... Не сиди на холодном.

— Я лучше домой пойду, — отозвался Хрюша и встал. — Извините, что залез.

— Нет-нет, ничего страшного! Я люблю гостей, особенно маленьких. Иди ко мне.

— Зачем? — он опасливо подошел к двери и заглянул.

— Я хочу с тобой познакомиться. У тебя классный костюм! Сам сделал?

В темной комнате стояла двуспальная кровать. Хозяйка лежала, прислонившись к спинке и манила рукой:

— Заходи. Будешь чай?

— Я не пью чай.

— А что пьешь? Газировку любишь? — она открыла прикроватный мини-бар и достала банку.

Свет холодильника на мгновение осветил ее лицо: абсолютно черное, с желтыми как два Солнца глазами. Она была в черной шелковой пижаме, похожей на форму шеф-повара. Дверца захлопнулась. Незнакомка снова оказалась в тени и протянула газировку гостю. Хрюша подумал, что

невежливо отказывать. Щелчок открытой банки показался необычно громким в ночной тишине. Газировка оказалась вишневой:

- *Спасибо.*
- *Тебе спасибо, что не испугался и зашел. Так ты сам сделал костюм?*
- *Да. Еще шлем должен быть, но он там на траве.*
- *Молодец, мне нравится. Любишь наряжаться, играть разных персонажей, да?*
- *Да, у меня много костюмов.*
- *Я тоже люблю. А еще больше я люблю петь! Кстати, раз уж с твоими друзьями поиграть не вышло: хочешь познакомиться с моими?*
- *Откуда вы знаете? — удивился Хрюша.*
- *Увидела в окно, конечно. Они за тобой гнались, но пробежали мимо. Ты их хорошо провел, — она подвинулась поближе, села на край кровати и попала в свет луны. Незнакомка была очень красивая и добрая, ей хотелось доверять. — Ты очень похож на одного моего друга.*
- *Чем?*
- *Цветом! — она с озорными глазами приблизилась к самому его пяточку и нежно взяла за лапку. Ее пальцы и ладонь окрасились в ярко-желтый цвет. — Мои друзья тоже любят играть и смотреть представления, они прямо тащатся от этого. Я хочу сделать им подарок, показать одну сценку, но мне не хватает партнера. Ты можешь?*

Хрюша стеснялся и начал объяснять, что никогда раньше не выступал и вообще, ему лучше вернуться домой, пока родители не проснулись, но она быстро его успокоила:

- *О, глупости! Эти дети все еще бегают там с топорами. А если они тебя увидят? Очень неловко получится, все будут смеяться! Лучше потом я сама провожу тебя домой.*
- *Но я ни разу не играл сценки!*
Незнакомка захохотала, как будто он пошутил:

— Все играют сценки! Разве сегодня была не сценка? Еще какая! С таким талантом ты легко справишься!

Ее дружелюбный напор оставлял все меньше сомнений. Хрюша обрадовался, что нашел взрослых друзей со схожими интересами и согласился:

— Хорошо. Что за сценка?

— Отлично, смельчак! Вон там сценарий. Иди прочитай.

Напротив кровати стоял стол, на котором лежала толстенная черная книга. Странно, что сценарий для сценки записан в такой громадине. Рядом была фотография какого-то Зайца с розовой шерстью. Он указал на нее и спросил:

— Это вы про него говорили?

Незнакомка кивнула. Он подошел к столу, но в комнате было так темно, что не прочесть:

— А где тут свет?

— Там есть свечка. Она почти кончилась, но тебе хватит.

Хрюша не стал просить нормальный свет — неловко спорить в чужом доме. Чиркнула зажигалка, и маленький фитилек слабо загорелся. Как читать в таких условиях? Он придвинул свечку и прикоснувшись к черной обложке, не успел даже вскрикнуть.

Как будто весь мир погас. Не было ничего. Только пение вдалеке становилось громче, постепенно, пока не стало слышно в самых ушах: «...you know you'll never be». Странно ощущалось тело. Как будто одна и та же спина касалась чего-то несколько раз, но одновременно. Звук голоса долетал до ушей много раз за один момент. Трудно описать... Вдруг пение прекратилось, и Хрюша почувствовал, что падает и катится. Боль от удара отразилась, как в зеркальном лабиринте. Глаза открылись. В них ударил красный свет. Первое, что пришло в голову: «Я стал мухой!» Хрюша смотрел под разными углами, как из множества отдельных пузырей. Он вскочил на ноги и увидел слишком много, чтобы понять хоть что-то. В красном световом луче, стоял он... и еще он, и еще он, и еще, и еще. А над всеми ними вздымалась черная глыба, со стекляшками вместо глаз...

Любое непосредственное восприятие — ширма. За ней обнаруживается следующая и так далее. Мы перебираем эту бесконечную колоду, глядяемся в узоры на картах. Путешественник замечает это. Он останавливается намеренно и осознает себя в пустоте. Карты больше не стесняют его руки, пальцы освобождаются от бессмысленной задачи. Глаза устремляются во Тьму. Она не имеет узоров, ее невозможно отодвинуть как ширму. Ты у нее на ладони — разыгранная, брошенная в бездну бесцветная масть, мельчайшее достоинство.

Щелк, щелк-щелк, щелк, щелк...

Каждый щелчок поворачивал куски, гнул ветви, вмешивался в калейдоскоп, обновляя мозаику деталей. Заяц влип в центр бесконечной головоломки маленьким плевочком. Детали вокруг надломилась, хрустнули и одна за другой пересчитали собственное положение. Выловились цвета, затем линии, фигуры, и глаза как бы вновь подключились к сознанию.

Заяц подобрал челюсть и почувствовал тесноту. Свет пробивался откуда-то со стороны, из небольшого пятна. Голова с трудом повернулась к свету: там была неровная дыра, а в ней зеленый газон. Стало понятно — он лежит в чем-то замкнутом, как в деревянной коробке. Попытавшись выбраться, он пару раз пнул по стенке, но узкое пространство не позволило вложить достаточно силы. Движения вскрыли сильное чувство голода:

- Включился?! — крикнул дерзкий женский голос.*
- Да! Достаньте меня, пожалуйста! — прокрихтел Заяц из своего положения.*
- Ха! Побазарь еще!*
- Что? Почему?!*
- Ты бешеный, — объяснила она, приблизившись.*

На фоне газона появилась пара кроссовок. Заяц не нашел своей вины и возразил:

- *Что я сделал-то?*
- *Не притворяйся, что не помнишь. Я знала, что ты попытаешься манипулировать.*
- *Я не манипу... — хотел сказать Заяц, но голос грубо перебил.*
- *Послушай лучше меня! — кроссовок врезал по ящику, видимо для убедительности. — Все твои дела на камерах, это во первых. И ты до сих пор не в каталажке только по моей милости. Во вторых, если будет надо, я и сама с тобой разберусь, без ментов. Понял?*

Такое заявление насторожило. Он попытался вспомнить, как оказался в этом месте: сначала был странный кошмар, потом пробуждение за столом, книга... Вспомнилось странное замутненное состояние, в котором он вышел на задний двор. Последний отчетливый кадр — большая луна. Дальше провал, как после обморока и вот — раскоряка. Такая идиотская последовательность взбесила! Внутри накопилась масса раздражения. Голод подначивал сорваться. Не в состоянии что либо объяснить, Заяц злобно ударился о стены и заорал:

- *Да открой ты!*

Настала пауза, а затем прозвучал ответ, официальный и, на удивление, спокойный:

- *При условии...*
- *При каком?*
- *Ты превратишь меня в себе подобного.*
Заяц вообще не понял о чем она говорит:
- *В себе какого-на?*
- *В подобного. В оборотня. Или кто-ты, вурдалак?*
- *Э... — промычал Заяц, собираясь с мыслями. — Так, что я наделал? Где я вообще?*
- *Углевское шоссе. А наделал ты кучу статей.*
- *Каких?! — взволновался Заяц.*

Услышав его тон, она ехидно рассмеялась:

— Ха! И обычных и новостных! — в дыре появился экран телефона. — Комбо! Вот, смотри.

Заяц выдохнул, чтобы стать поуже и кое-как извернулся, стараясь поймать экран в поле зрения. Там был открыт сайт какого-то локального новостного агентства. В глаза бросался емкий заголовок: «Демон с тупиковой улицы продвигается на запад». Под заголовком прикреплялось изображение карты со спутника «Joojle Maps», с нарисованным маршрутом. Ломаная линия начиналась в районе где жил Заяц и проходила через множество точек налево. Над точками были вставлены фото-кружочки мест происшествий. Местные жители фотографировали уничтоженное имущество и побои, отправляли жалобы в полицейские чаты и, таким образом, случайно раззадорили мелкие новостные редакции, готовые публиковать любую чушь.

Кисть с телефоном отделилась и исчезла:

— Эй, стой! — воскликнул Заяц. — Там ведь ничего серьезного?

— Ну-у-у... — протянула хозяйка кроссовок, так высоко, как будто серьезное все-таки было, — Ну, ты откусил палец одному Барбосу.

— Чего-чего?! — ужаснулся Заяц.

— Да, — подтвердила она и стала обыденно перечислять список. — Сжег несколько машин, проломил кучу стен, обоссал всю округу, трупы не найдены... Серьезного ничего нет. Но дело не в том, что ты сделал, а в том как! — последнее было произнесено с нескрываемым восхищением.

Она продолжала рассказывать разные сверхъестественные подробности, невозможные детали, рассказы очевидцев, но Заяц не слушал. Он зажмурился от стыда и страха. Ему вдруг стало ясно, что он окончательно сошел с ума и, вероятно, отправится в психушку. Конечности плавно затекали, но вылезать уже не хотелось. Хотелось исчезнуть, провалиться в черный сон, беспробудно валяться, зарастая травой, плесенью, грибами... полипами. Сдохнуть в этой тесной будке... Стоп! Что?.. В чем? Он еще раз по слогам повторил незнакомое слово в уме: «Буд-ка». Будка, это вообще что? Откуда я это достал? Веки открылись. Он уставился в темноту с

напряженным выражением, изо всех сил стараясь понять бессмысленный набор букв. Этот ящик, это будка?

— Эй! Я что в будке?! — спросил он внезапно громко.

— ...а потом, ты влетел на дерево, и... — она услышала вопрос и прервалась. — Че?

— Я сейчас в будке? — повторил Заяц со странным остервенением.

— Еще раз, как?

— Буд-ка, — произнес Заяц. — Буд-ка!

Собеседница молчала некоторое время, пытаясь докопаться до смысла, потом предположила:

— Малюсенький Будда что-ли? Типа уменьшительно-ласкательный?

— Нет, вот этот ящик! — он так зацепился за слово, что почти шипел.

— Это не ящик, это декорация — ландшафтный дизайн.

— И откуда я в нем?

— Ты в него влетел и отрубился. Я не поняла, ты что там во вурдалака опять превращаешься? — она опустила на колени и заглянула в дыру.

Заяц увидел лицо: молодая Козочка с голубоватой кудрявой шерстью смотрела сквозь маленькие овальные очки. Совсем не такой образ представлялся во время разговора. Она ткнула его серебристым предметом и угрожающе предупредила:

— Ты смотри, я тебе быстро нарулю!

В руке у нее блестел небольшой револьвер, который Заяц заметил не сразу. Оружие не вызвало особой реакции. Слово казалось важнее. Он чувствовал в нем нечто действительно... потустороннее. Остальное поблекло на его фоне — просто клейкие блики, привидения, ловушки для внимания. Именно за этим словом скрывался, если не ответ, то реальная тайна. Заяц впилил взгляд в эти очечки и злобно прогудел:

— Я тебе эту железку за щеку заложу! Открывай!

В затененной глубине мелькнули его раздраженные красные белки и полу-веселая, полу-безумная морда. Козочка встала и отступила. На секунду, в ее лице отразился испуг:

— *Подожди, не превращайся! — попросила она опасливо.*

— *Да я не оборотень! Твой травоядный рот! — рычал он сквозь зубы.*

Его тело, игнорируя боль, врезалось в стены и уже раскачивало декорацию. Задние лапы ритмично били в край дыры, пока доски не хрустнули. Деревянный кусок отлетел на землю. Дыра расширилась, треснула как скорлупа, и Заяц выкатился на траву. Весь в лохмотьях, он вскочил на ноги и кинулся на Козу с яростным гортанным криком:

— *Это все ты-ы-ы! — выброшенные вперед лапы сжали ее голову. — Это ты! Говори! Что такое будка?! А-а-а?!*

Не обращая внимания на приставленный к груди пистолет, Заяц повалил ее вниз. Одной лапой он схватил кудрявый затылок, а другой челюсть, от чего ее губы свернулись в дрожащую трубочку. Козочка закричала, в панике вздернула ствол и выстрелила в розовый лоб! Громкий хлопок ударил в перепонки. На секунду все исчезло, лапы отпустили...

Лужайка, небо, все погасло, как комнатная лампа от щелчка выключателя. Черная пустота повисла на секунду, и мир снова зажегся. Козочка опять увидела свои руки, нацеленный револьвер и удивленного Зайца, сидящего напротив и, потирающего лоб. Она без раздумий выстрелила еще раз — все выключилось и включилось. Заяц остался на прежнем месте. Он сидел на траве и ощупывал голову, в поисках отверстия. Козочка открыла барабан: все шесть патронов оказались не отстрелены, как будто на курок вообще не нажимали. Тогда, она вернула барабан и уже не из желания убить, а ради эксперимента, прижала Зайца ногой к земле и высадила полный заряд — мир моргнул шесть раз...

Они смотрели друг на друга без всякой агрессии. Лица выражали одну эмоцию. Это было уже не удивление, а как бы следующая его стадия, когда чудо становится слишком очевидным, чтобы удивляться. Козочка убрала ногу и, кивнув на разбитую декорацию объяснила:

— Это маленький домик для садовых гномиков. Я не знаю что такое будка.

Заяц приподнялся и повернул голову. Голубой домик с когда-то треугольной крышей лежал, теперь разбросанный по частям. Неподалеку от него сохранилась нетронутой фарфоровая инсталляция: семейка маленьких гномиков работала в таком же маленьком огороде, курили трубки, пили чай за столом и занимались другими делами:

— Я тоже не знаю что такое будка, — сказал Заяц, пробуя встать. — Я вообще не знаю че происходит.

— Зачем ты на меня набросился? — спросила Козочка и заглянула в полный барабан.

— Я?

— А кто, я что-ли?

— Ты же стреляла мне в голову.

— Так я почему стреляла-то? — затрясла она револьвером. — Ты вообще помнишь?

Заяц осмотрел учиненный погром:

— Как будто помню...

— Как будто, это как?

— Мутно. Почти не помню.

— Ты сейчас врешь, или реально?

Заяц неуместно улыбнулся. Уголки его губ тонко приподнялись, а брови сложились то ли в умилении, то ли печально:

— Не вру...

Козочка странно усмехнулась, но не из-за него, а потому что ничего не ощущала, никакой опасности. Происходила полная чертовщина и, следовало ужаснуться, но голова осталась холодной, еще холоднее, чем до всего. Она закрыла барабан и соврала:

— На самом деле, и я стреляла как в тумане, — взгляд ее прошелся по дрожащим Заячьим конечностям. — Ты не голодный? Я вот уже не могу терпеть!

— Я уже давно не могу терпеть, — ответил Заяц, рассматривая свои лохмотья.

— И переодеться тебе надо. Пошли.

Козочка позвала в дом. Это было масштабное готическое здание в три этажа — такой компактный замок, посреди участка, с лабиринтами из фигурного кустарника. Они прошли через лабиринт и ступили на крыльцо из черного кирпича. Оба поглядывали друг на друга, метали быстрые взгляды и ловили ухмылки. Козочка проскочила вперед, чтобы распахнуть тяжелую двойную дверь и махнула револьвером, приглашая войти в просторный холл. Пахло кофе и еще чем-то... Заяц вошел почти спиной, стараясь не выпускать ее из виду и дружелюбно спросил:

— А библиотеки здесь нет?

— Нет, — ответила Козочка, входя за ним.

— Совсем-совсем? — уточнил он с таким видом, как будто готов рассмеяться. — В таком большом особняке!

— Родители не читают, есть же аудиокниги. Библиотека была, но ее перестроили в бильярдную.

— Ясно. А что это щелкает?

Козочка сделала вид, что прислушивается и громко захлопнула дверь. Многократное эхо облетело сумрачный холл, забралось по тяжеловесным ступеням центральной лестницы и потерялось в уголках комнат. Сразу стал заметен резкий контраст между ясной дневной улицей и темным интерьером. Она прошла в середину помещения и, наострив уши, приложила палец к губам... Стояла необычная тишина. Никто из них не шевелился. В воздухе, слегка красноватом, алом, как если пространство пропускалось через светофильтр, парили и протягивались едва заметные прозрачные формы, как бывает в месте смешения горячего и холодного воздуха. А может, Заяцу надо было всего лишь протереть глаза, смыть налипшую пыль. Козочка отвела палец от губ и сказала:

— Ничего не щелкает. Может у тебя в голове щелкает?

— Нет, — ответил Заяц, аккуратно отходя от порога, с нервной боязливой улыбкой. — Ты все таки послушай.

И правда, во внимание попало тихое шипение с периодическими щелчками, похожее на шум старой записи. Справа от центральной лестницы, в тени узкого закутка, который оканчивался еще более темным коридором, выделялась полуоткрытая дверь. Из проема, на каменный пол вытекало длинное пятно красного света. Оно и задавало тон всему помещению. Звук тоже шел оттуда...

Сначала к тихому шуму прибавился более громкий, трескучий, а после зазвучал вдохновенный, но такой же старинный дикторский голос. Диктор читал со старомодным акцентом, выделяя некоторые буквы. Он декламировал стихи:

«Шпиль в небеса направлю —
Небо багровое станет!
Вата облаков впитает жадно пятна в себя,
И вниз хрусталем о землю красные капли!
Вдребезги на части,
Дождь разбивается!»

— Дочь?! — спросил громкий низкий голос из той комнаты.

— Да! — отозвалась Козочка и спрятала револьвер в карман.

— Ты ведь не одна?!

— Да, пап!

— Хорошо, подойдите!

Она взяла Заяца за рукав и повела в закуток. Лицо ее было немного взволнованным, видимо отец обратился к ней неожиданно. Заяц не сопротивлялся. Идя следом, он разглядывал громадной высоты окна, светившие над лестницей. Даже этот белый пасмурный свет не мог развеять алого сумрака. Приоткрытая дверь приблизилась как во сне. На языке и в носу осели терпкие нотки. Козочка отпустила рукав и подтолкнула черную дверь.

Та открылась без единого намека на скрип. Она вошла, а Заяц остался наблюдать снаружи.

Сразу угадалась комната для проявки фото: полупустая, с леской, протянутой над длинным столом и красной лампой. На столе, кроме химии и посуды, стоял граммофон. Рядом, спиной стояла темная фигура отца. Он снял иглу с пластинки, быстро, но без суеты, перевернул все фотографии задней стороной и, не оборачиваясь лицом, сказал:

— Здравствуй, — его низкий голос звучал спокойно и торжественно. — День прекрасный.

Заяц ничего не ответил, а только кивнул в неопределенную сторону, со стеклянным выражением. Ему нравилось вдыхать запах химии, и он дышал все глубже, пребывая в каком-то «плавленном» состоянии. Все было таким нереальным, эхоподобным, светило собственным светом... Козочка ответила вместо него:

— Он кивает, пап.

— Отлично-отлично, — пробасил отец. — Как постреляли? Куда попали?

— Нормально. Просто вверх.

— А, это замечательно. Можешь позвать друга наверх, к себе.

— Мы хотели поесть.

— Хорошо, вам принесут.

Козочка уже собиралась уходить, когда он добавил:

— И пусть твой друг не беспокоится из-за будки...

Она захлопнула дверь и повернулась к Зайцу с глазами полными слез:

— Это не мой папа! — ее слова прерывались всхлипами. — Бежим! Быстрее!

Такая бесшовная перемена в настроении ввела Зайца в ступор. Ее лицо приобрело настолько разбитый искаженный вид, что казалось, подобная эмоциональная экспрессия не может выражаться через привычные телесные признаки. Лоб, брови, губы, челюсть: как будто изнывали от непрекращающихся электрических разрядов. Глаза светились ужасом, вены вздулись и пульсировали, конечности шли мелкой дрожью, выворачиваясь в

жертвенных ужимках. Вдруг, ее дыхание прервалось, по всему силуэту прошел мощный спазм, а на лице проступила рвотная гримаса: глазные яблоки выпучились, язык вытянулся, глотка рефлекторными волнами выталкивала из себя что-то лишнее.

Сначала оно показалось на языке — тонкий волос или нить. Козочка, не переставая рыдать, ухватила это пальцами и потянула. Нить вытянулась сантиметров на десять, затем больше, пока меж зубов не проскользнула свернутая трубочка... и другая, и третья. Попад наружу, трубочки развернулись, и Заяц увидел, что это фотографии, прикрепленные к леске на маленькие канцелярские зажимы. Она вытянула из своего горла целую гирлянду снимков, и леска застряла. Продолжая дергать, но безрезультатно, Козочка болезненно стонала и повторяла:

— Хоохи хне! Хоохи хне! Хохауцта! — открытый рот не позволял выговаривать буквы.

Заяц понял, что она просит о помощи. Грудь заледенела. Это был снотворный щекочущий холодок. Чувство поднималось вверх, заполняло лоб, заставляло веки слипаться. Зрачки не хотели фокусироваться дальше протянутой руки. Он брезгливо приблизил лицо к умоляющей Козочке, чтобы поймать фокус и снял леску со слюнявого языка. Не было ни страха, ни сочувствия, только навязчивая идея вытащить это застрявшее, отодрать как заусенец.

Леска тянулась глубоко в глотку. Заяц попробовал потянуть: сперва слабо, затем сильнее, намотав на кулак. Козочка взвизгнула и сделала шагок в его сторону. Конец лески сидел крепко. Ее вплотную приближенный слюнявый подбородок вызвал приступ омерзения. Он скривил раздраженную маску и, оперевшись другой рукой в ее лоб, с силой потянул. Леска врезалась в пальцы. Козочка заверещала, но почти сразу умолкла... Что-то хрустнуло там внутри. Взгляд потерял блеск, она опустилась на колени, почти обмякла. Пришлось сжать кудри, чтобы голова не повисла. Горло растянулось, как будто оттуда рождался младенец, и в ротовую полость выскользнул изрядного размера

предмет — коричневый кожаный необычной формы, такой невозможно проглотить.

Зайцу не терпелось получить его! Он схватил находку и стал грубо протаскивать между зубных рядов, а когда наконец достал, взял обеими руками и любовно обтер о свои лохмотья. Козочка рухнула бездыханно... Это был футляр для фотоаппарата. Внутри лежала складная камера. На пластике значилась модель: «Polavoid Son 66». Заяц поднес камеру и хотел посмотреть в глазок... но тут же отвел! Там все пылало, там скрывался неопиcуемый ужас, там страдали сонмы пойманных душ! Сразу стало ясно — ни одно живое существо не способно смотреть в эту камеру! Он поспешно отбросил «Polavoid» и попытался унять нарастающую дрожь...

Дверь в проявочную комнату слегка приоткрылась. В полной тишине: лестничный закуток обогрелся светом, и сочный красный, как чернила в салфетку, стал впитываться и расползаться по холлу, попирая сумрак, превращая тени в запекшиеся бордовые пятна. Заяц в испуганном бешенстве уставился на свои краснеющие лапы, краснеющие окна, краснеющее всё; даже воздух налился как яблоко! Инстинкт подсказал покинуть тесный закуток и забежать за лестничные перила.

Проявочная плавно распахнулась до конца... В проходе встала черная высокая фигура. Она одна не покраснела. В глаза ужалили гротескные детали: потертый резиновый плащ-макинтош с высоким глухим воротником, солнцезащитная шляпа шире плеч, винтажная маска пилота и неестественно большие ботинки, из-за которых фигура выглядела шизофренически мультяшно. Воротник доходил до переносицы, жуткая маска была лишена левой линзы, вместо которой блестел уголек зрачка, а шляпа своим размером больше напоминала зонтик. Единственное светлое, что было в этом луке — металлическая пластина на носках ботинок с надписью: «BALLOONCIAGA».

Фотограф плавно присел на корточки, подобрал брошенную камеру с футляром и стал заряжать новую кассету. Движения внушали ощущение тяжести — плавные и точные, как работа промышленного станка. Заяц

нутром почуял, что ни в коем случае нельзя попадать к нему в кадр. Это хуже чем смерть, хуже чем всё...

Он испытал прилив зверской паники! Тело само бросилось вверх по лестнице! Сквозь красный воздух, по красным ступеням, мимо красного неба в красных окнах, Заяц уносил свою бессмертную душу, от чего-то неопишимо ужасного. Раскаленные виски колотились поршнями, ударили в такт истеряющему сердцу. Что-то внутри молилось о спасении, пока плоть дергала ручки дверей, проносилась через комнаты, выделяла пот и слезы... и страх... СТРАХ!

Кожаная перчатка захлопнула кассетоприемник. Фотограф вытянулся в полный рост и нацепил коричневый футляр на ремень. Заиграл невидимый шипящий винил... Музыка состояла из одного заикленного куска и звучала отовсюду, глухо, как за соседской стеной. Медленным шагом, он переступил через труп и направился вверх.

Пока Заяц метался по гостиным и кладовкам, мелодия становилась громче и отчетливее. Он даже не обратил на нее внимания. Очередная комната оказалась тупиком. На пыльном полу не стояло никакой мебели, только большой камин в стене. Вместо Углевского шоссе, за окном краснел странный малоэтажный город. Нужно было срочно выбираться наружу, но фасад особняка не подходил для спуска: ни одной водосточной трубы, навеса, или плотно прилегающего дерева. Какой глупостью оказалось забежать на второй этаж! Почему сразу не побежал к двери?! Может еще есть шанс вернуться, обойти незаметно?

Он дернулся обратно и застыл... Выход загородила черная фигура Фотографа. Тот уже целился в свой глазок, когда Заяц, не видя другого спасения, кубарем бросился в камин! Хлопнула вспышка. Спина окунулась в горячую золу. Недотлевшие угли прожгли сквозь рваную одежду, и Заяц подлетел вверх, как кастрюля из под петарды. Лапы ухватились за какие-то вентиляционные отверстия. Еще одна вспышка пронзила уже пустую полость камина! Испуганные глаза посмотрели вниз, где блеснул круглый объектив. Внутри все сжалось... Всплеск адреналина, несколько сумбурных движений,

скачок, и пальцы крепко вцепились в лестницу трубочиста. Оказавшись в дымоходе, Заяц успел захлопнуть за собой металлическую заслонку. Раздался приглушенный третий хлопок.

Близость конца и чудесное спасение выдавали из легких истерический хохот. Он полз вверх по обугленной трубе и смеялся в красный квадрат неба. Лестница марала ладони. Заяц вылез на крышу весь в саже и окинул взглядом красный город. Совершенно незнакомое место не подавало признаков жизни. Ряды черепичных трапеций с толстыми окурками труб тянулись далеко в туман горизонта. Пустые окна, паутина электросети, кое где торчали острые, прямоугольные и других форм здания.

Загудел упругий ветер. Багровые тучи полетели быстро как панорама в шарманке. Мелодия, почти неслышная, стала стремительно возрастать. Из трубы забряцал металлический стук лестницы. Заяц спрыгнул с трубы и побежал. Черепица клала под ногами. Он добежал до края и понял, что дальше некуда, только прыгать. Из трубы появились черные руки, затем шляпа, вся фигура. Фотограф скользнул вниз и раздробил черепицу ботинками. Шаг за шагом, он стал набирать скорость — шел по крыше как по подиуму. Мощный поток ветра поднял пыль. Под свист ржавых флюгеров, огромная шляпа оторвалась от черной головы и взмыла в воздух.

Наступал конец... Такой странный, неправдоподобный. Заяц не верил, что все кончено. Эта мысль выскальзывала. Мозг не мог просчитать вероятный исход. Видя неизбежность, он бесконечно повторял: «смерть-смерть-смерть-смерть». Сейчас оно подойдет впритык, и произойдет что-то. Что?.. Никакого ответа и снова тот же прогон: «Сейчас оно подойдет и...» Перестав метаться, Заяц стоял и просто смотрел. Страх превратился в тотальную погруженность. Внимание сузилось. Ничего, ничего, ничего нет, только красное и черное — все одно. Все одно. Все вниз и по кругу.

Объектив очутился перед носом: щелкнуло, хлопнуло, ослепило... Зажужжало. «Polavoid» выдал распечатанную фотографию. Она повисла и начала медленно проявляться. Фотограф не двигался. Заяц осторожно взял фотографию и прочел белые буквы на черном фоне: «Ты спишь».

Автоматически включился какой-то внутренний механизм. Он понял, что действительно спит. Это осознание вызвало тихий восторг. Захотелось скорее осмотреться, вникнуть во все детали, потрогать предметы.

Первое, что он сделал — выхватил камеру. Фотограф стоял неподвижно, как восковая кукла. Черные пальцы остались в том же положении. Затем, Заяц ощупал шершавую черепицу. Камера сама исчезла из рук. С черепицей тоже произошла метаморфоза: она вдруг превратилась в оранжевый люк, за которым открылась комната. Вид на нее был не сверху, а как через обычную дверь. Заяц сразу оказался внутри. Каждый раз, когда он отводил взгляд, очертания комнаты менялись до неузнаваемости. В один из моментов, у стены появился пузатый телевизор. Рябь на экране привлекла внимание. Лицо оказалось вплотную к белому шуму, и комната исчезла.

Он сидел в деревянной лодке посреди черного океана, под черным небом, без единой звезды. Не ясно было как можно видеть без источника освещения. Осознание начинало теряться. На противоположном конце лодки лежала черная ткань и длинная палка. Почти не управляя процессом, Заяц встал, подобрал ткань и накинул ее на себя. Руки сами попали в широкие рукава, а голову накрыл капюшон. Он наклонился через борт и посмотрел в воду. В отражении оформилось зеленое лицо рептилии...

Затрезвонило, противно и громко. Будильник вырвал из сна. Лапа, по уже привычной системе, дотянулась до телефона и сбросила раздражающий звук. Некоторое время, он продолжал лежать с закрытыми глазами, чувствуя, как затираются свежие воспоминания. Потом поднял голову — на часах мигало утро. Пора собираться на первый прием...

Иногда сны сбываются. И в одном из таких снов находишься ты, а в другом розовый Заяц поднялся по лестничному пролету и встал перед дверью в кабинет. На табличке надпись: «Психоаналитик — доктор Крыса». Заяц постучал и открыл дверь. Доктор сидела за своим столом. Она подняла взгляд на нового пациента и вежливо указала на диван:

— Здравствуйте, присаживайтесь.

Кабинет показался ужасно знакомым: колыхание тюлей, желтый утренний свет. Вся обстановка совпала с отпечатком в памяти. Подходя к дивану, Заяц вдруг понял, что видел это место в сегодняшнем сне... Крыса сказала:

— Сеансы будут проходить в формате диалога. Ничего специально делать не нужно, просто беседа. Если нет вопросов, можно начать, — увидев, что Заяц согласен, она продолжила. — В заявке указано, что вас беспокоит повторяющийся сон. Да?

— Да, — ответил Заяц, садясь. — Это сон про книгу. Снятся шесть месяцев.

— Ага, — доктор записала в блокнот. — Что происходит во сне?

— Я разным образом оказываюсь в библиотеке и беру книгу.

— Какую? Опишите визуально.

— Такая черная, тяжелая, старая, — он развел лапы, чтобы показать примерные размеры. — Большая, рукописная.

— Вы помните что в ней написано?

— Знаки. Она вся на непонятном языке.

— Сможете нарисовать? Не обязательно точно.

— Вряд ли, но могу попробовать.

— Давайте, — Крыса кивнула на стол возле дивана. — Там у вас есть бумага и чем писать.

Заяц взял фломастер и завис над листком. Сон снился уже полгода, но запомнить детали не удавалось до сих пор. Рисунок вышел не очень: закорючка, отдаленно похожая на голову мамонта с бивнями. Рядом он изобразил еще несколько каракуль и передал бумажку Крысе. Та поправила очки. Разглядывая знаки, она постепенно осознала, что уже видела эти рисунки. Не какие-то другие, похожие, а именно эти, на этом листке. Впечатление оказалось таким сильным, что доктор с полминуты сидела неподвижно, почти не дыша и только потом перевела взгляд на Зайца. Кадр, вставший перед глазами, вызвал еще более острое чувство повторения. Предметы в кабинете, пациент, то как колыхались тюли — все это уже было. Когда-то очень давно.

Она поняла, что слишком долго молчит и спросила:

- Чем сон кончается?*
- Ничем. Я просыпаюсь.*
- То есть, вы оказываетесь в библиотеке, находите полку, берете тяжелую черную книгу, открываете ее и просыпаетесь?*
- Да, точно так.*
- Сон как-то отличается или всегда один и тот же?*
- Всегда повторяется в точности.*
- Сколько он длится? По ощущениям.*
- Заяц задумался:*
- Ну... Пока я иду до полки, пока нахожу книгу, проходит несколько минут. Так мне кажется.*
- То есть это происходит быстро? Значит во сне вы знаете где находится книга?*
- Таких подробностей я не помню. Это происходит быстро и я понимаю что вижу этот сон, но не запоминаю почти ничего.*
- Вы помните зачем ищете книгу?*

Вопрос и звучание голоса, показались Зайцу очень знакомыми.

Обстановка снова всплыла в памяти. Кабинет был наполнен предметами, которые он уже видел. Мимика Крысы странно изменилась и Заяц заметил, что она испытывает то же самое чувство. Это явно отражалось в

зеркальном выражении ее взгляда. Он был уверен, что сидит сейчас с таким же взглядом и, переборов стеснение, спросил:

— А у вас нет дежавю?

Крыса не отреагировала. Заяц нервничал. На секунду ему показалось, что за столом сидит кукла с искусственными глазами... Зрачки двинулись и наваждение рассеялось. Крыса посмотрела как обычно и ответила, менее официально:

— Да. У вас тоже?

— С момента как я вошел...

Оба замолчали, смотря сквозь друг друга. Несколько последних фраз совпали так ярко, что вызвали в чувстве повторения каскады памятных вспышек. Множество новых деталей показались уже виденными. В окно ударила пара знакомых капель. Головы повернулись. Пейзаж сгустившегося в серую массу неба вызвал неопределенное меланхоличное чувство, вроде забытой детской эмоции. Какой-то нервозный экстракт бессмысленности. Нежелание быть здесь и сейчас.

Крысу передернуло как от разряда. Она отвернулась от окна и поспешила вернуть диалог в привычное русло:

— В вашем случае, как мне представляется, есть два пути: длительные диалоги, либо непосредственная работа во сне. Первый дольше, второй сложнее реализовать. Образы вашего сна не дают конкретной информации, с которой можно работать напрямую. Это по-сути указание на то, что нечто скрывается в вашем подсознании, и оно крепко там засело. Добраться до этого скрытого — непростая задача. Я пока не вижу основательных намеков, по которым можно выследить это, но уверена, они проявятся, — доктор сделала паузу и покашляла, чтобы отвлечь Зайца от окна. — Кхм-кхм... Возможно есть другие детали, которые кажутся вам неважными, или может, неприличными?

— Детали? — повторил Заяц, отвлекшись.

- Да. Например, как обычный сон переходит в библиотеку? Что происходит в этот момент?

Заяц постарался вспомнить. Точный момент перехода ускользал. Казалось, сон переключается как телевизионный канал, без логичной последовательности. Ответа на вопрос не нашлось, но направленное в память внимание, автоматически выловило другую важную зацепку. Заяц просиял глазами и немедленно поделился неожиданным открытием:

- Знаете, я только сейчас заметил. Я ведь сегодня не проснулся, когда открыл книгу.
- Это в первый раз? — спросила Крыса, делая пометку в блокноте.
- Да.
- И что происходило дальше?
- Так много всего, невозможно вспомнить. Помню только самый последний момент. Я видел какой-то кошмар, а потом понял что сплю.
- Как вы это поняли?
- Там была какая-то надпись на чем-то. Не помню какая и на чем, но смысл был в том, что я во сне.
- Это вам надпись сообщила?
- Видимо да.

Пока Крыса думала над следующим вопросом, забубнил стук каблучков и мелодичное мурлыканье. Кто-то поднимался по лестнице и напевал. Доктор чересчур вежливо извинилась за тонкие стены. Подняв глаза на Зайца, она увидела что тот неотрывно смотрит на дверь. Его лицо выражало не спокойное ожидание. Продолжая смотреть на дверь, он не вполне уверенно сказал:

- Это к вам.
- Нет, — ответила Крыса. — Это в соседний офис. Я еще два часа никого не жду.

Заяц не стал спорить, но остался при своем. Ему казалось, что когда-то он уже видел как эта дверь открывается, и в нее кто-то входит.

Стук слышался все лучше, а мурлыканье превратилось в песню. Женский голос негромко запел прямо под дверь:

«I got nothing left to fill the spaces

(У меня не осталось ничего, чтобы заполнять пробелы)

I got nothing but a center coming undone

(У меня нет ничего, кроме центра, остающегося незаполненным)

I've been doing circles and it shows»

(Я продолжала делать круги, и это стало заметно)

Дверь так и не открылась. Чувство, что за ней кто-то стоит вызвало желание говорить потише. Заяц ощутил, как в груди поднимается крайне противное волнение. Без уловимой причины захотелось провалиться на месте, забыться. Язык стал сухим. Все мысли направились на то, чтобы скорее покинуть кабинет и оказаться дома, в одиночестве. Не понятно было, каким образом он вообще решил записаться на прием. Сон больше не казался проблемой. Реальной проблемой был он сам — существующий и воспринимающий, встающий день за днем, лежащийся ночь за ночью. Тюрьма собственного фиксированного сознания — вот ужас настолько же страшный, на сколько незаметный:

- А? Какая тюрьма? — спросила Крыса, отвлекшись от двери.
- Что? — не понял Заяц.
- Вы сейчас сказали.
- Я молчал.
- Эм... — протянула доктор.
- Я что сказал вслух?
- А вы не говорили?
- Теперь уже не уверен, — ответил Заяц и еще раз внимательно пересмотрел ситуацию. — Подождите, вы правда это слышали? Я же молчал.
- Я теперь тоже не уверена, — она сжала брови и постучала ручкой об стол.

Лицо ее напряглось. Диалог зашел совершенно не туда. Она подумала, что выглядит глупо. Такие выкрутасы обычны среди пациентов, но не среди докторов. Крысе действительно слышались слова. Галлюцинация? Или он правда сказал это? Чувь ваще... Здесь с самого начала было что-то не так. Не по себе стало сразу, как он вошел. Прямо спросить? Или даже предъявить? Сказать: «Что-то вы крутите». Или даже: Что вы мне тут устроили?» Так может сказать? Смешно конечно будет.

На лице у Крысы проступила едва заметная улыбка. Заяц поймал себя на том, что интерпретирует эту улыбку, как тонкий тревожный намек. Крыса, в свою очередь, уловила в лице Зайца намеренную сдержанность. Его изнутри давило чувство, которое он не хотел показать. Ему представлялось теперь, что все знают о чем он думает. Крыса чересчур нарочито взглянула на часы и сказала:

— Как быстро время летит, — голос ее звучал необычно твердо и опять вызвал чувство дежавю.

— Да, пора уже, а то я опоздаю, — подхватил Заяц и встал.

Никуда он не опаздывал, просто хотел побыстрее уйти. Они сказали друг другу «до свидания» и Заяц вышел. Встреча прервалась неловко и оставила соответствующий осадок. Оба знали, что больше никогда не увидятся.

В коридоре кто-то стоял. Заяц прошел мимо, отведя взгляд. Хотелось скорее закрыться от окружающего мира в машине. Он повернул ключ зажигания и застыл, прислушиваясь. По радио играла знакомая мелодия. Голос пел среди продолжительного эха:

«I've been to all the familiar places

(Я посещала все знакомые места)

I've been running like a sentence never begun

(Я пробежала как предложение, никогда не начатое)

I've been looking for a way to let you know»

(Я все искала путь, чтобы дать тебе знать)

Видимо, стоявшая в коридоре, тоже слушала эту волну по дороге сюда. А даже если не так, в чем проблема? Этот вывод был очевиден, но совпадение привлекло итак раззуженное внимание. Все события, как будто намеренно, складывались в неосознанно беспокойный ландшафт. Случайное не казалось случайным. На кромке сознания витала мысль о некой слежке. Возможно кто-то наблюдает за его реакциями? Заяц пропустил эту идею сквозь здравый смысл. Выходило, что у него паранойя.

Машина тронулась, выехала на дорогу и встала на светофоре. Из колонок зашипели прерывистые помехи. Видимо, что-то перекрывало сигнал. Слушать стало невозможно, и радиостанцию пришлось сменить.

На другой волне шел дневной радио-спектакль — ведущий читал детскую сказку про Медвежонка Буха, который очень любит мед. В детстве, Заяц обожал перечитывать эту сказку и смотреть одноименный мультфильм. Такой приятный сюрприз успокаивал и действовал почти гипнотически. Можно было отвлечься от взрослых проблем, тревог, погрузиться в эхо прошедшего.

Поставленный актерский голос начитывал в игривой манере: «Бух, — начал Поросенок, оглядываясь по сторонам, — а тебе не кажется, что за нами кто-то все время следит?

— Следит? — переспросил Бух, нервно оглядывая лес. — Может, и следит. Но если это так, то кто же?

Поросенок вздохнул:

— Кто-то, кого мы никогда не видим, но кто всегда с нами».

Заяц ощутил, как на лбу у него выступают капельки пота. Отрывок попал в точку, в точку, которая болела. Лапа сама собой выключила радио. Он сидел еще минуту, упершись взглядом в приборную панель, пока не осознал, что сзади ему сигналил весь ряд. Зеленый горел уже двадцать секунд. Резко газанув, машина проехала остановку и свернула в сторону дома.

С четверть часа, он ехал в азартном напряжении, разглядывал все вокруг, подозревал и потел. Дорога, здания, рекламные стенды, пешеходы: всё было тщательно подстроено, всё — обман. Но кто мог солгать так много,

так тотально? Мысль об этом чудовище вызывала благоговейный трепет в груди.

В таком возбужденном состоянии, он проехал еще пару кварталов и резко вдавил педаль тормоза. К счастью, аварии не произошло. Заяц встал прямо на дороге и повернул звенящую голову. Справа серело здание публичной библиотеки — именно то, из сна. Ему и раньше приходила мысль зайти в нее, но этого не случалось, по разным причинам. А сейчас было самое подходящее время. Время, когда он готов сорвать все покровы.

Припарковавшись, он зашагал ко входу. За массивной деревянной дверью скрывался просторный холл. Пахло сырым бетоном и чем-то пряным. Помещение выглядело очень знакомо. Чувство, что все происходит не в первый раз напоило грудь и подступило к самому горлу. За стойкой ожидал старый Пес, с самокруткой в зубах:

- Здравствуйте. Что-то конкретное ищете?
- Книгу, такую, старую, — Заяц напрягся, вспоминая номер стеллажа из сна. — Стеллаж... Эм... Скорее всего четвертый.
- Давайте посмотрим, — библиотекарь пошел вглубь архива, стучая каблуками туфель. — Эти полки действительно старые. А название у книги есть?
- Нет, но я пойму, если увижу.
- Вы знаток? — Пес посмотрел с интересом.
- Ее не сложно узнать.

Чем глубже они погружались, тем меньше было света и тем больше он узнавал знакомые образы. Вдруг, среди тусклых ламп и занавешенных окон вспыхнуло отчетливое воспоминание. Они завернули между стеллажей и остановились. Заяц с возрастающим волнением уставился на толстую черную обложку. Книга имела такой знакомый вид и одновременно с этим, ощущалась в памяти, как нечто настолько далекое, что чувства давали сбой. Временная линия у него внутри лопнула подобно натянутому шву. Казалось, вся жизнь длилась только для того, чтобы достичь этого главного момента. Сон, который он видел так много раз, воплощался в точности. Заяц знал что

должно произойти дальше и протянул лапу за книгой, но в последний момент испытал острое сомнение.

Кто-то точно наблюдал — все это сценка в чужом театре. Он почти чувствовал нити на своих запястьях и, как мог противился сценарию. «Если я вижу свою судьбу, а она чужая, подстроенная, — говорил себе Заяц, отводя лапу обратно. — Тогда, такая судьба мне до звезды». С трудом отвернувшись от полки, Заяц обратился к библиотекарю:

— А про Медвежонка Буха у вас есть?

Пес поперхнулся, посмотрел на книгу, потом на Зайца. Из под усов вылетела тонкая струйка дыма:

— Ну, — промычал он. — Вероятно, есть.

Заяц вернулся в машину, держа в руках повесть о Медвежонке с крошечным мозгом. По дороге домой он все время думал о книге. Теперь она казалась игрой воображения. Ведь это не обязательно была та книга из его сна. Мало разве толстых книг в черной обложке на четвертых стеллажах? Тревога опадала все ниже, оставляя смутное чувство незавершенности. Да, сейчас можно было забыть — вернуть страх и недоверие обратно в ту черную коробочку, из которой они были извлечены. Но остался устойчивый осадок: тускнеющее предчувствие, что рано или поздно все вернется с новой силой. Ничего не изменилось. Просто оно снова надело маску. Это существо. Это лицо, все выражения которого — ложь. Ложь до того сплошная, что за ней не скрывается никакой правды...

«Бух, когда меня... ну ты знаешь... ты ведь будешь иногда приходить сюда? Медвежонок, глядя на воду, тихо спросил:

— Зачем?»

Кабинет затих. Только машины гудели. Крыса поднялась из-за стола, закрыла дверь на защелку и налила себе выпить. Смотря через бокал в окно, она неспешно подошла ближе. Город, тучи — всё преломилось сквозь винно-пунцовый. Большой глоток вернул небу пасмурный цвет. Она отвела бокал от глаз, чувствуя как опьянение подавляет неловкость от прерванного сеанса. Вернувшись к столу, доктор какое-то время бесцельно сверлила взглядом экран ноутбука. Там была таблица с расписанием предстоящих приемов. На эту неделю записалось двенадцать пациентов.

Прикрыв пальцами глаза, она стала мысленно повторять: «Господи, господа, господа. Я тебя ненавижу...» Язык беззвучно шевелился во рту. Плечи сжались. Скрещенные ноги нервно гудели. Полупустой бокал висел в обмякшей руке. Она откинулась на спинку кресла и оглядела кабинет сквозь приоткрытые пальцы. Привычная обстановка отвращала. И казалось, никогда это не кончится: бесконечный гул машин, проводов, канализаций; болтовня, ругань глупая, смех фальшивый.

Крыса сильно придавила глазные яблоки, прежде чем отвести ладонь от лица. Все мышцы головы ныли, и алкоголь постепенно усиливал дискомфорт. Не смотря на это, бокал был допит и наполнен снова. Свободная рука обхватила горло. Она закрыла глаза и следующий час пыталась придушить беспокойство, выдавить его из висков, смахнуть с бровей, плеч.

Хотелось легкости... Может просто уехать, не ждать следующего? Эта мысль показалась такой приятной, что трудно отказаться. С минуту доктор сомневалась, водя мышкой по кнопке «Отменить прием». Это был хорошо знакомый пациент, один из первых, с начала деятельности. За три года в этом кабинете, Крыса обросла кругом постоянных клиентов: горстка имела строгое расписание, некоторые появлялись урывочно, а большинство приходили раз или два. И последняя разновидность была самой удобной. Они по

сути платили за разговор с пустотой и исчезали — надо было только подождать.

Крыса раздраженно кликнула мимо кнопки отмены, чувствуя вину и нарастающую головную боль. «Инфантилка! — прошипела она себе под нос. — Напилась посреди работы, как... Как дурочка, блин!» Последняя фраза прозвучала визгливо. Контроль над голосом ослабевал. Язык начал самую малость заплетаться, но со стороны вряд ли заметно. В бутылке оставалось немного. Встав со стула, она вылила остатки в бокал и приняла его залпом, стараясь при этом выглядеть как можно ответственной: прямая осанка, строгое выражение лица, каблук не заламываются — вот образ сильной женщины. Ухватив его и применив на себя, Крыса поставила пустой бокал и уверенно вышла из кабинета налево по коридору.

Какая-то незнакомка стояла, облокотившись о стену возле другой двери, — видимо, ждала, когда ее примут. Посетители на этом этаже появлялись не часто. Кроме кабинета секретарши, в двух соседних помещениях размещались то ли небольшие офисы, то ли мастерские, с арендаторами которых, общаться не приходилось. В уборной она умылась, разгладила одежду и вышла; снова пройдя мимо незнакомки, остановилась у кулера, жадно осушила два стаканчика. Сзади с ней заговорили:

— Что голова болит? — у незнакомки оказался глубокий текучий голос, охвативший сразу весь коридор.

Крысе показалось, что звук долетает до нее со всех сторон, громко, но в то же время издалека, как автомобильный гудок. Доктор обернулась. Хозяйка необычного голоса отстала от стены, снимая с себя тонкий модный шарф и приблизилась на пару шагов:

— Я вот уже запарилась, так душно тут! Таблетку вам дать?

— Эм... — задумалась Крыса, испытывая неудобство. — Было бы кстати, на самом деле. А что по мне видно? — она достала смартфон и снова начала причесывать шерсть.

— Ну, если вы постараетесь скрыть, наверное никто не поймет, — незнакомка подошла еще ближе и заглянула в свою сумку.

— А не видно, что я пьяная? — спросила доктор, примеряя на себя притворно трезвое выражение, с каким она планировала встретить пациента. — Клиент поймет?

— Только если ваш клиент дорожный полицейский.

В руке у незнакомки появилась маленькая металлическая коробочка из-под детских конфет. Она сняла розовую крышку и протянула коробочку Крысе. Та впервые посмотрела в ярко-желтые глаза, но быстро опустила взгляд на содержимое. Внутри лежала горсть пилюль разных форм и цветов, видимо, собранных про запас из разных упаковок. Разнообразие удивило: цветочки, знаки зодиака, логотипы, гербы, и даже граната-лимонка. Крыса подняла брови и спросила:

— Это всё от головы?

— Да. У меня постоянно голова болит. Только ими и питаюсь, — она кивнула на пилюли и усмехнулась. — Подумала, пусть они хотя бы интересные будут, веселенькие. Это странно... по-детски, да?

— Нет! — возразила доктор дружелюбно. — Это правильно, обращаться проблему во что-то приятное. А какую мне лучше выбрать?

— Любую. Вот красивая, — черный палец незнакомки указал на таблетку, стилизованную под древнюю скрижаль из песчаника.

Крыса осторожно взяла ее двумя пальцами. Письмена легко прочитывались: «In vino veritas, In tenebris lux» — «Истина в вине, свет во тьме». Как только делают такие мелочи? Покрутив скрижаль, она положила ее на язык и запила из стаканчика:

— Спасибо. Мне пора возвращаться в кабинет. Ко мне очень скоро придут. А вы почему ждете в коридоре?

— Я скоро дождусь, — махнула незнакомка. — Идите.

Доктор вернулась в кабинет и закрыла за собой дверь, думая, не допустила ли она какую-нибудь оплошность в общении. После каждого разговора в ней неизбежно скапливалась неловкость, которую выветривали только периоды уединения. Надо было забыть, и только тогда, неловкость

укладывалась в общий архив таких неловкостей, становилась очередной микроскопической ранкой. Опынение особенно наводило ее на подобные мысли, и в голову пришел мимолетный образ: она идет по колено в холодной воде, через высокую острую траву...

Крыса отпустила дверную ручку. Голова начинала проходить. Быстрая уборка привела кабинет в порядок и, пока она была занята, окно успело покрыться сеткой маленьких капель. Скоро сетка распалась — капли потекли вниз, цепляя одна другую. Город затуманился. Доктор замерла с комком ненужных бумаг, наблюдая, как покатые крыши обрастают ручьями.

В дверь постучали через полчаса:

— Да-да, входите!

— Здравствуйте, — поприветствовал Сверчок, вешая куртку. —

Ничего, что я к вам мокрый? — глаза его виновато поглядывали на лужицу под вешалкой.

— Дождь, — сказала Крыса, разведя лапами. — Вас давно не было, около месяца.

— Да. Я улетал, — он прошел к дивану и занял место.

Крыса что-то почувствовала. Странное, даже какое-то «кислое».

Пациент был давно известен, но в этот раз его появление заставило поежиться: движения хитиновых конечностей; это тихое цоканье, с каким он ступал по паркету; немые твердые глаза; да в целом фигура — местами заостренная, местами, наоборот — обтекаемая; и этот цвет — оттенок милитари, чуть пустынный, матовый, как современный танк.

Сверчок на секунду оттянул воротник водолазки и, почесывая шею, добавил:

— Не помню, на чем мы остановились?

— Сейчас, — машинально ответила доктор, и спрятала глаза в блокнот.

Она какое-то время листала его бесцельно... Взгляд был направлен в текст, но внимание вцепилось в пациента — ловило каждое движение: длинных усов; волосатых лап, торчащих из рукавов; детального, как часовой

механизм рта; брюха, вздувавшегося под одеждой, с каждым вдохом. Все это шевелилось на периферии зрения: смутные тревожные формы, не дорисованные прямым взглядом.

Крыса долистала и прочла:

- Вот последние записи. Вы рассказывали кое-что о своем дяде, вспоминали какие выражения он использовал.*
- А, помню, — подхватил Сверчок и попытался изобразить дядин тон.*
 - Я говорил, что он ругался своеобразно: «Дьявол! Сатана!»*

Доктор через силу оторвалась от блокнота и смотрела теперь в его сухие глаза. Отвыкая от его манер, она не находила слов. Вся ее сосредоточенность уходила на то, чтобы не отводить взгляд и не дрожать внутри. Пытаясь описать себе это чувство, она перебирала слова: «Страх, волнение, беспокойство — нет, не точно: холод, электрический зуд, дрожь — нет: как будто холодной сталью прижали нерв внизу кишок».

Растущая пауза вынудила Сверчка продолжить:

- Он мог удариться, например, а потом бегать по дому и кричать: «Сатана каратель! Чертов палач Дьявол! Суший-суший Ад! Всё! Чертова тварь!» Он прямо сыпал и долго не мог остановиться. Странно что никого это не беспокоило. Я только сейчас об этом подумал. Никого из близких... — закончив речь, он развел лапами, показывая, что высказался.*

Крыса кивнула, но прослушала. Вино давило на мочевой пузырь. Поглядывая на текущее окно, она то сжимала бедра, то разжимала, пытаясь унять нужду. Внутри дребезжала бессмысленная тревога. Мысли путались, но доктор скрутила их в клубок и спешно объяснила:

- Вы извините, я ненадолго отлучусь. Вот вам листок. Ручка на столике. Сможете вспомнить и записать несколько памятных событий, связанных с вашим дядей? — сказав это, она поднесла листок и подала его в полностью вытянутой руке, чтобы не приближаться больше необходимого.*

Сверчок заметил её нервную улыбку, и его острая беспалая кисть уцепилась за бумагу. Как только это произошло, Крыса почти бегом вышла за дверь.

Пустой коридор показался длиннее обычного. В туалете плавала какая-то белая рвань. Она не стала садиться, а только согнулась в коленях, не касаясь сидения. Но не из-за брезгливости. Просто пришла мысль... глупая, конечно. Она подумала, что эти хлопья — чья-то облезшая кожица. Существа, которое там, глубоко в грязной трубе... а может, не так уж глубоко. От этой догадки она заторопилась, усиливая напор до предела и выскочила из кабинки раньше, чем нужно, немного замочив нижнее белье.

Хотелось вдохнуть и вытеснить из легких беспокойный воздух, вернуть обычный. Грудь надулась, кислород облизал альвеолы, дозировался в кровь и выступил слезинками на веках. Вдох только разогнал ощущения по телу. Пальцы тонко задрожали. Неприятный озноб от мокрого низа она попыталась растопить под теплой водой. Тепло пошло по кистям, которые Крыса боялась держать над темнотой слива, от чего сдвинулась к краю раковины, и струйки побежали по запястьям на пол. Она уткнулась макушкой в зеркало и долго самозабвенно грелась. Хотелось захныкать — как-нибудь выразить это растущее напряжение, тупой ноющий страх перед ничем. Мокрыми лапами она терла шею; сплетала беспокойные пальцы, расплетала; отходила от раковины, возвращалась; прятала слезы в потолок, в пол, в ладони; вертелась от зеркала — лишь бы не видеть себя растрепанную и побежденную, проломленную внешним миром, как скорлупа. Ее зрачки замерли на гудящей светодиодной лампе... Или это в голове гудит? Где это гудит? Почему здесь все время что-то гудит?! Она заткнула уши — так сильно сдавила голову, что стало больно: «Господи... Господи боже мой».

В коридор Крыса не вышла, а практически протиснулась, хотя пространства было достаточно. В мыслях вертелось что-то неопределенное — предсонное месиво из обрывков фраз и недоношенных намерений. Мерещилась опасность. Неясный вездесущий враг пропитал стены, наблюдал из каждой точки. Держась за дверной косяк, она попыталась отринуть бред,

но тот не поддавался. Мелкая температурная тряска обволокла живот изнутри и оттуда прорастала прямо в мозг, занимая долю за долей. Крыса ощутила мятные лихорадочные кляксы, распятнавшие в голове. Вены колотились о бьющее сердце, с каждым ударом в глазах пульсировала темнота. Не получалось заплакать, даже хмыкнуть, издать любой самый малый звук. Она поставила пару осторожных шагов и отпустила косяк двери. Все происходило бесшумно: каблук не стучали, не было привычного гула с улицы и приглушенных голосов, не свистело в ушах — буквально стояла тишина, как подо льдом. Привидением она проплыла по коридору до входа в кабинет и схватила дверную ручку, а точнее обьяла ее пальцами, как нечто весомое, будто культурист, берущий гриф штанги. Дверь бесшумно приоткрылась и заскользила внутрь. Стал виден стол, затем окно. Сверчок сидел на диване, смотря в исписанный листок. Крыса чудовищным усилием заставила себя вспомнить о том, что она доктор и попыталась отвлечься, вонзив ногти в сжатую ладонь. Она ужасно боялась Сверчка, его острых лап и неживых глаз, она боялась окна и ковра, и люстры, и того, что за спиной. Всё уставилось на нее, вся эта паскуда. И пациент тоже поднял голову и уставился на нее.

Прошла пара секунд. Длинные усы встрепенились, а за ними всё тело. Сверчок дрогнул и отскочил на другой край дивана. Даже без мимики было понятно, что он испугался. Конечности впились в подушки в поисках опоры. Ноги готовились вскочить в любой момент. Его рот беззвучно перебирал хитиновыми пластинками. Крыса подумала, что он собирается броситься на нее и вьестся ей в горло. Эта мысль пришла спонтанно и заставила резко дернуться к столу. Она запаниковала. Сверчок, увидев это движение, тут же вскочил с дивана к окну и еще быстрее зашевелил ртом, а затем в несколько прыжков преодолел расстояние до двери и выбежал в коридор, забыв куртку. Крыса, побоявшись что он вернется, немедленно сняла куртку с вешалки, вышвырнула из кабинета и заперлась.

Раздавленная, в запредельном тошном бреду она отступила от двери, изо всех сил стараясь издать хоть какой-нибудь звук: замыкать, скрипнуть

каблуком. В голове бесконтрольно корчились слова и фразы: «Бычий цепень съел язык сам стал свят чавкал жрал...» Потоки чуши перетекали один в другой без остановки. Схватившись за голову, Крыса споткнулась о край ковра, потеряла туфли и рухнула рядом с диваном. В глянцевої поверхности кофейного столика отразилось ее лицо. Вид его сдавил грудь. Стало ясно от чего сбежал пациент. Это была статичная неправдоподобная физиономия: рот до ушей, глаза-сверла, гармошка лба — всё выражало запредельную хищную радость, такую, какой не бывает. Уголки губ приклеились к щекам. Она беззвучно заорала, зарыдала внутри и не увидела этого снаружи. Ее лицо было загнано под непроницаемую корку. Кулаки стучали о глянec, пытаясь разбить призрак. В сознании горстями пухли слова: «Жвалы драли животы жилы рвались как пружины жир жевали желваки желчь прожигала дыры...»

Скоро она отключилась...

Снился странный сон: ничего не было видно, только шепот в левом ухе — голос той незнакомки из коридора. Ее голос щекотал и был теплым, оседал влагой на коже. Не сразу, но через время Крыса начала разбирать слова:

— История называется: «Мурена-Прушка». Однажды Мурену поймали и съели. Это сделал древний африканский царь — Слон Арнольдо. Он ее съел и пошел по саванне. Мурена свернулась в желудке и стала строить козни. Но Арнольдо был не только царем, а еще и колдуном, поэтому он прознал от духов и на тропе сорвал особый корень, который вызывает секрецию желудочного сока и съел. Сразу начала выделяться кислота. Мурена обожглась, завизжала и прыгнула в пищевод, пытаясь сбежать, но дошла только до горла, потому что Слон Арнольдо стал себя душить, и шея Мурены оказалось как раз на уровне шеи царя. Получилось, что Слон душил обоих сразу, и оба словили собачий кайф!

— она высунула язык и задышала в ухо по-собачьи. — Хочешь, я тебе сделаю собачий кайф?